

Век Екатерины II

Россия и Балканы

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Век Екатерины II: Россия и Балканы

МОСКВА
«НАУКА»
1998

УДК (947+957)

ББК 63.3(2)46

В 26

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 98-01-16207*

Ответственный редактор

доктор исторических наук И.И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ

Рецензенты:

доктор исторических наук Н.И. ХИТРОВА,
кандидат исторических наук А.В. КАРАСЕВ

**Век Екатерины II: Россия и Балканы. — М.: Наука,
1998. — 165 с.**

ISBN 5-02-009621-0

Эпоха Екатерины II соткана из противоречий как редко какое иное время в отечественной истории: взлет могущества России, ее активная внешняя политика, возросшая роль в европейских делах, просвещенный абсолютизм, с одной стороны, и усиление крепостничества, крупнейшая в истории страны крестьянская война — с другой.

Авторы сборника рассматривают недостаточно изученные аспекты внешней политики России на Балканах, состояние русской государственной мысли по Балканскому вопросу в связи Российской империи с народами и землями Юго-Восточной Европы во второй половине XVIII в.

Для специалистов и более широкого круга читателей, интересующихся историей России и народов Юго-Восточной Европы.

По сети "Академкнига"

ISBN 5-02-009621-0

© Коллектив авторов, 1998

© Издательство "Наука", художественное
оформление, 1998

© Издательство "Наука",
Российская академия наук, 1998

Введение

200-летие со дня смерти Екатерины II в 1996 г. вызвало повышенный научный интерес к личности, жизни и деятельности великого государственного деятеля России. В Петербурге в 1996 г. прошла престижная конференция “Екатерина Великая: эпоха российской истории”, организованная Российской академией наук, Пушкинским домом, Эрмитажем и другими научными учреждениями и организациями страны. В том же году в Институте славяноведения (тогда — и балканистики) РАН состоялась конференция на тему “Эпоха Екатерины II: Россия и Балканы”. Она явилась частью крупного исследовательского проекта, посвященного внешней политике России в Юго-Восточной Европе во второй половине XVIII в. Работа над ним ведется в Институте под руководством доктора исторических наук, профессора В.Н. Виноградова при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-00264).

Материалы прошедшей в Институте славяноведения конференции легли в основу настоящего сборника. В издании представлен широкий круг исследований, связанных с личностью и деятельностью Екатерины II в рамках отношений России с Юго-Восточной Европой.

Сборник открывается статьей В.Н. Виноградова, посвященной изучению трудов о жизни и политике Екатерины II, вышедших в России и за рубежом. Автор отмечает недостаточность научного интереса к императрице, тенденциозность, а порой и поверхностность бытующих суждений о ней и оценок ее государственной деятельности. Взвешенно представив основные факты внутренней и внешней политики Екатерины II, В.Н. Виноградов обращает внимание на необходимость исследования архивного материала, чтобы беспристрастно показать место и роль императрицы в истории России.

О.В. Хаванова сопоставляет политику Екатерины II и австрийского монарха Иосифа II, раскрывая в сравнительно-историческом плане просвещенный абсолютизм в Восточной и Центральной Европе.

В ряде статей (В.Н. Виноградова, Г.Л. Арша, И.М. Благодатских, О.И. Елисеевой) раскрывается состояние русской государственной мысли по балканскому вопросу в екатерининское время. Рассматриваются разного рода проекты и планы, принадлежащие различным официальным лицам и в одних случаях оказавшие влияние на реальную политику России в Юго-Восточной Европе, в других — явившиеся результатом не столько трезвой оценки ситуации, сколько психологического состояния автора, и оставшиеся фактом умозрительного поиска путей решения актуальных внешнеполитических задач. В центре внимания оказался так называемый “Греческий проект” (1782), представлявший собой договоренность между Екатериной II и австрийским монархом Иосифом II об изгнании турок из Европы и судьбе султанских владений на континенте. До сих пор “Греческий проект” — его источники, возникновение, содержание, связь с реальной политикой — оставался слабо изученной страницей австро-русских отношений и истории балканского вопроса, притом вызывал и продолжает вызывать научные споры, особенно в части его оценки. Помещенные в сборнике исследования отражают новейшие взгляды историков на этот проект, прослеживая его отголоски в последующем развитии государственно-политической мысли в России.

К этой проблематике относится обобщающая статья И.С. Достян. В ней дается характеристика Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., завершившего победоносную для России войну с Турцией, прослеживается реализация положений этого документа в дипломатической практике России в Юго-Восточной Европе и исследуется воздействие договора на дальнейшее развитие российско-турецких отношений в XIX в.

Л.В. Зеленина и В.И. Шерemet посвятили работу “очаковскому кризису”. Ученые написали ее в новом для российской науки жанре исторической конфликтологии, стремясь раскрыть многофакторность Восточного вопроса, в отличие от устоявшейся в отечественной науке линейной причинности. В статье представлено сплетение разнородных международных противостояний на Балканах на исходе XVIII в.

Важной и фактически неисследованной проблемой остается взаимовосприятие русским и балканскими народами, в частности во второй половине XVIII в. Этот исследовательский пробел в известной мере восполняется статьей И.И. Лециловской о восприятии Екатерины II сербами-современниками, относящимися к разным социальным слоям и кругам, от духовных сановников и рядовых мирских лиц, деятелей культуры консервативного склада до носителей национального Просвещения, с территориальным охватом земель под властью Австрии, Турции и Венеции. К этой ста-

тье примыкает работа того же автора о Семене Зориче, сербе, кратковременном фаворите Екатерины II, оставившем след в истории русско-сербских культурных связей второй половины XVIII в.

В сборнике представлены также молдавские и приднестровские сюжеты. Недостаточность разработки этой стороны российско-балканских отношений в XVIII в. возмещается исследованием Л.Е. Семеновой о переселенческом движении из Молдавии и Валахии в Приднестровье и далее на север в третьей четверти XVIII в. Показывается помощь и содействие российских консулов переселенцам на основе Кючук-Кайнарджийского и Ясского мирных договоров. Л.Е. Семенова раскрывает роль Молдавии и Валахии в двусторонней торговле с Россией и транзите русских товаров в Турцию, Средиземноморье и Западную Европу. Работа содержит ценные документальные приложения. Представляет научный интерес очерк, принадлежащий В.Я. Гросулу, об истории Приднестровья и его вхождении в состав России.

Содержание сборника, стиль изложения материала и его оценки далеки от академического спокойствия. В издании сталкиваются различные мнения, опровергаются политические мифы, но высказываются и традиционные взгляды. Словом, он отражает искания научной исторической общественности своей поры, когда вырвавшаяся из оков идеологического единомыслия свобода авторского самовыражения подменяет иногда наличие у России государственных интересов, вытекающих из ее геополитического положения, антитезисом об извечной экспансии российского государства.

В статьях выражается сугубо личная точка зрения авторов, с их индивидуальностью, яркостью и слабостями. Решать об убедительности каждой из них и достоинстве сборника в целом предстоит читателю: научному работнику, специалисту, преподавателю, литератору, журналисту, учащемуся.

Научно-организационная работа проведена О.В. Медведевой.

И.И. Лещиловская

Трудная судьба Екатерины II в историографии

Уже в 1767 г. комиссия по составлению нового Уложения государственных законов преподнесла Екатерине титул матери Отечества и Великой. Императрица отвергла прошение, справедливо оставив “времени и потомкам беспристрастно судить”¹. Тем не менее говорить о сколько-нибудь взвешенной, полной, объективной и беспристрастной оценке ее царствования не приходится. И в первую очередь это относится к нашей стране. Господствовавший в Советском Союзе классовый подход вообще исключал возможность плюрализма мнений, и Екатерина превратилась чуть ли не в символ крепостничества. Действительно, гнет был жесток; Салтычиха, та самая, что по приказу императрицы была выставлена на Красной площади прикованной к позорному столбу, с надписью на дощечке на груди “Мучительница и душегубица”, являлась живым обвинением строю, обрекавшему миллионы людей на рабское состояние, а пугачевское восстание выявило всю глубину и свирепую решимость скопившегося в народе недовольства.

Семьдесят лет все рассматривалось сквозь призму крепостничества. Но ведь не Екатерина его выдумала, и она твердо знала, что любая попытка посягнуть на него может быть для нее последней. Судьбы правительницы Анны Леопольдовны и собственного мужа наглядно свидетельствовали, что за шаги, неугодные дворянству, монархи расплачивались престолом, заключением и жизнью.

В бумагах Екатерины было обнаружено немало свидетельств того, что, еще будучи великой княгиней и проходя школу просветительства, она осознала зло, исходившее от зависимого состояния людей (“Противно христианской религии и правосудию обращать в рабство людей, которые рождаются свободными”; “Свобода — душа всех вещей. Я хочу, чтобы повиновались законам, а не рабов. Хочу общей цели — сделать счастливыми, а не каприза, не странностей, не жестокости”, — писала в карандашных заметках юная принцесса)². Но общество не было готово к крутой ломке сословных отношений; экономика, финансы, оборона страны базирова-

лись на подневольном труде; по мрачному замечанию Сергея Михайловича Соловьева, “от дворянства, купечества и духовенства послышался этот дружный и страшно-печальный крик: рабов!”³ И Екатерина поплыла по общему течению, и за это ей крепко досталось в отечественной историографии.

Тот же С.М. Соловьев пытался связать политику екатерининского правительства в социальных вопросах со степенью развития страны и социума и был за то осужден. Предпринимавшееся дважды после Октябрьской революции издание его “Истории России с древнейших времен”, великолепно в целом осуществленное, снабженное богатым научным аппаратом, дает представление и о точке зрения советской историографии на эпоху Екатерины, и об эволюции взглядов на нее. В комментариях к 14-й книге (издание 1965 г.) маститый автор изобличается в попытке обосновать необходимость сохранения основанного на крепостном праве производства. Справедливо усматривается несоответствие между высказываниями в пользу развития производства, свободы торговли и предпринимательства в екатерининском Наказе и отстаиванием крепостничества. Но приписывается это не сложности и противоречивости эпохи, а свойственному императрице лицемерию: “С.М. Соловьев по существу не сумел понять истинных намерений Екатерины и считал, что она действительно хотела переработать устарелое законодательство”⁴ (а почему бы и нет? У нас упорно держится идея, что все правительства только и думали о том, как бы разорить управляемых, хотя эгоистический интерес любой власти состоит в стремлении сохранить порядок и внутреннее спокойствие, что обеспечивается благосостоянием жителей и их способностью исправно пополнять казну!).

Созванная царицей Уложенная комиссия насчитывала 560 человек. Меньше всего в ней была представлена чиновная знать. А города, иноверцы, все населявшие Россию национальности (оседлые), казачество, крестьянство всех категорий, кроме крепостного, направили делегатов в немалом числе. И никто, ни один депутат, не поднял голос против института крепостного права как такового. Осуждали лишь происходившие злоупотребления, предлагали ограничить помещичью эксплуатацию, но не отменить ее. Очевидно, неправомерно говорить о системном кризисе в России в конце XVIII в. при отсутствии третьего сословия, при том, что купцы и мануфактуристы мыслили развитие производства на прежней основе⁵.

За 30 с лишним лет, прошедших со времени появления в свет упомянутого издания, произошла серьезная эволюция взглядов на екатерининскую эпоху. В комментариях к 15-й книге Собрания сочинений С.М. Соловьева (1995 г.) признаются прогрессивные

черты правления императрицы (запрет продажи крестьян без земли с аукциона, элементы веротерпимости, распространение светского образования, юридическая реформа). Осторожно констатируется: титул *Великая*, “присвоенный ей еще при жизни, не признавался советской историографией и только сейчас, кажется, готов возродиться в трудах отечественных историков”⁶. Но тезис о лицемерии живуч: говорится о “демагогических заявлениях правительства в пользу облегчения крестьянского быта”, определенный учет интересов нарождавшейся буржуазии именуется “политической эквилибристикой абсолютизма”⁷. Создается впечатление, что мы еще на полпути к всесторонней оценке тех страниц летописи Отечества, что связаны с Екатериной, но чаша весов все более склоняется в ее пользу: “Сводить все к фарсу и лицемерию — значит не замечать генерального факта: Екатерина Великая после своего 34-летнего правления оставила Россию более могущественной и просвещенной, становившейся на путь законности”, — замечает Н.И. Павленко⁸.

Бросим взгляд на тогдашнюю Россию. Население за треть века выросло с 20 млн до 37 млн человек, несмотря на многие войны и пугачевское восстание. Доходы казны учетверились (с 14,5 млн до 55 млн руб.). За 17 военных лет финансы страны не пошатнулись, выпущенные впервые ассигнации, хоть и упали в цене, но всего в полтора раза. Выплавка чугуна удвоилась. Внешняя торговля страны процветала, ее активный баланс составил к концу царствования 15 млн руб. Бурно развивалась Новороссия: в 1784 г. ее населяло 350 тыс. душ мужеска пола, через 10 лет — 800 тыс., из них всего 6 тыс. крепостных⁹. Воздвигнуты города Екатеринослав и Херсон, морская крепость Севастополь, на месте захудалой деревушки Хаджибей с числом обитателей восемь — красавица Одесса.

В 1775 г. царица приступила к упорядочению административного управления, четко подразделив исполнительную и судебную власть, создав губернские и казенные палаты, земские суды для дворян, магистраты — для горожан, учреждение с несколько мрачным названием *расправа* — для крестьян, увеличив число самих губерний, предоставив их главам право личного обращения к монарху. Система распространялась на уезды, во главе которых поставили исправников. Появились приказы общественного призрения, ведавшие больницами, сиротскими приютами и прочими богоугодными заведениями, упорядочилось больничное дело, мужчин в палатах отделили от женщин, заразных от “просто” больных.

В 1785 г. появились жалованные грамоты дворянству и городам, узаконившие дворянские собрания и опеку над сирыми благородного происхождения. Городам расширили права самоуправления

ния. Купцов разбили на три гильдии в зависимости от доходов, самых богатых избавили от телесных наказаний, что тогда было в диковинку, и даже предоставили им право разъезжать в каретах. Появилось сословие мещан. Впервые закон предусматривал отдых по воскресеньям и в 12 православных праздников.

В 1787 г. впервые появилась смета государственных расходов, прообраз бюджета. Утвердилась религиозная терпимость, прекратились преследования староверов, евреи получили определенные гражданские права. По случаю строительства мечети в Казани государыня молвила слова замечательные: "Как всевышний Бог терпит на земле веры, языки и вероисповедания, то и она из тех же правил, сходяствуя Его святой волей, и всем поступает, желая только, чтобы между подданными ее всегда любовь и согласие царствовали"¹⁰.

И тут впору вспомнить двустишие:

Гладко вышло на бумаге,
Да забыли про овраги...

А по ним, между прочим, ходить. Добрые намерения законодателя застревают в оврагах российского быта и до, и после Екатерины: деревня стонала под гнетом помещиков, чиновники и судьи взяточничали, администрация творила произвол, обыватель привычно терпел. Но все же сводить на нет екатерининскую эпоху не стоит — неуклонный и безостановочный рост народонаселения и подъем производства во всех областях о том свидетельствовали. Не меньший след оставило царствование в сфере культуры при весомом личном вкладе царицы. Екатерина признавалась, что обуреваема манией строительства: дворцы, набережные Невы, Академия художеств, воспитательный дом в Москве. Творили архитекторы В. де ла Молль, Ю. Вестман, В. Баженов, И. Старов, Ч. Камерон, Д. Кваренги. В 1763 г. страшный пожар выжег Тверь. Специальная комиссия разработала план застройки центральной части города, ставший образцовым. Тверь превратилась в красивейший город России.

Современники свидетельствовали, что Екатерина не понимала музыки, существовали сомнения и в способности ее воспринимать художественные ценности. Но она же выступала страстной собирательницей: 1400 картин, 80 тыс. гравюр, 7 тыс. рисунков, коллекция камней составили начало коллекции Эрмитажа.

В разработке системы образования и просвещения императрице помогал И.И. Бецкой. Были открыты инженерное, артиллерийское, коммерческое училища, воспитательные дома в Москве и Петербурге, Академия художеств, Смольный институт (тогда часто именовавшийся по старинке монастырем). Прибывший из Ав-

стрии ученый серб Ф. Янкович-Мириевский (Т.Я. де Мириево) разработал систему начального образования: в губерниях появились четырехклассные бессословные училища, в уездах — двухклассные.

Всего 62 тыс. учащихся по всей стране. Мало, очень мало! Но ведь первые шаги всегда самые трудные.

Императрица и И.И. Бецкой верили, что силой разума, правильно понятой системой образования можно создать человека без пороков, превосходного гражданина.

Екатерина стояла у истоков отечественной журналистики. Она основала (анонимно) журнал “Всякая всячина” и занялась в нем изобличением нравов, столь знакомых нам по фонвизинскому “Недорослю”. Ей бойко и не всегда корректно отвечали. Н.И. Новиков изобличал “госпожу Всякую всячину”: “На русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может...” Она “так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит, то кажется, для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться”. Д.И. Фонвизин задавал “госпоже Всякой всячине” каверзные вопросы¹¹.

Екатерина много и с увлечением писала. Ее эпистолярное наследие огромно и еще подлежит исследованию и оценке. Художественная ценность ее пьес и сказок сомнительна, но при ней занятие словесностью стало почтенным и уважаемым. Плеяда писателей и поэтов ее эпохи подготовила прорыв российской культуры к вершинам мировой в веке девятнадцатом: Н.И. Новиков, А.А. Аблесимов, Я.Б. Княжнин, И.Ф. Богданович, М.М. Херасков, Г.Р. Державин, Н.И. Хемницер, А.Н. Радищев, И.А. Крылов, Д.И. Фонвизин...

При Екатерине фактически произошла отмена пыток (а при “кроткия Елисавет” разрешалось пытать детей с 12 лет — причем возраст снизили по настоянию духовенства, такие нравы царили!).

В.О. Ключевскому принадлежит исключительно меткое наблюдение: без двух непоротых дворянских поколений немыслим расцвет русской культуры XIX в.; провести прямую от дыбы к ее высотам немыслимо. При Екатерине хоть кто-то — дворяне, купцы первой гильдии, почетные граждане — был избавлен от телесных наказаний.

Царица увлекалась российской историей, читала и собирала летописи. “Я вам скажу, — писала она своему постоянному корреспонденту М. Гримму, — что стала настоящей архивной крысой”. После ее смерти в шкафу, среди платьев, нашли экземпляр “Остромирова Евангелия”¹². Она отдала дань истории в своем творчестве, показав потомкам пример конъюнктурного подхода к сему предмету: устами Рюрика и Олега в ее пьесах якобы из жиз-

ни Древней Руси она высказывала собственные мысли о самодержавии, в учебных курсах, написанных для внуков, Александра и Константина, такие неприятные эпизоды, как убийство киевских князей Аскольда и Дира и расправа Ольги над полянами, были опущены. Но она же дала толчок и поощряла (в том числе материально) научные изыскания, чем воспользовался самый непримиримый ее оппонент и едкий критик “справа” князь М.М. Щерба-тов. Эту сторону деятельности царицы уловил и оценил А.С. Пушкин: “Екатерина II много сделала для истории, но Академия — ничего. Доказательство, что правительство у нас всегда впереди”¹³.

Современники дружно отдавали пальму первенства во всех преобразованиях эпохи самой царице. Остроумный принц К.И. де Линь полагал: петербургский кабинет — самый маленький в мире, от одного виска императрицы до другого, от кончика носа до корней волос¹⁴.

Ныне интерес к личности Екатерины велик. Но скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Преодолеть зону забвения и завалы предвзятости сложно и трудоемко. Легче и скорее издать сочинения и записки самой Екатерины, воспоминания людей из ее окружения, то немногое, что появилось в дореволюционной России¹⁵.

Что касается научных трудов с попыткой обозреть хотя бы часть деятельности императрицы, взглянуть на Россию того времени, то следует назвать прежде всего книгу А.Б. Каменского “Под сению Екатерины...” с портретами ее сподвижников, рассказом о духовной атмосфере в высших кругах, о придворной жизни, о формировании национального самосознания, о масонстве. Его же перу принадлежит популярный очерк о жизни и судьбе царицы¹⁶.

Превосходные монографии Е.И. Дружининой о Кючук-Кайнарджийском мире и Северном Причерноморье в конце XVIII в. посвящены важным сторонам российской истории, деятельность Екатерины, ее направляющая рука, ее инициатива ощущаются в них слабо¹⁷.

Интереснейшие размышления о судьбах русской культуры через призму портретной живописи содержит книга О.Г. Чайковской “Как любопытный скиф...”¹⁸

Публикуемая в журнале “Родина” серия очерков Н.И. Павленко “Екатерина Великая” обещает вылиться в серьезную монографию¹⁹.

Выдающимся явлением представляется нам результат много-летнего труда В.С. Лопатина — публикация “Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка”²⁰. Внушает глубокое уважение деятельность составителя по сбору и систематизации эпистолярно-

го наследия императрицы, исправлению допущенных его предшественниками неточностей и вольностей (вроде осовременивания правописания и удаления свойственных Екатерине ошибок). Колоссальный аппарат в виде примечаний сам по себе является научным трудом. Интересен и включенный в издание очерк В.С. Лопатина “Письма, без которых история становится мифом”, хотя создается впечатление, что иногда автор относится с излишней доверчивостью к отдельным версиям (например, о подложности так называемого третьего письма А.Г. Орлова из Ропши).

Заслуживает добрых слов источниковедческое исследование О.И.Елисеевой о переписке Екатерины и Потемкина в 1787–1791 гг.²¹

Благое дело совершили наши петербургские коллеги, проведя международную конференцию “Екатерина Великая — эпоха российской истории”. Немало интересного и ценного было высказано на ней о просвещении в России, просвещенной монархии, “философском веке”, лике монархии и монархини, о культуре и искусстве второй половины XVIII столетия, о личностях того времени²². Конференцию можно считать переломною в смысле привлечения широкой научной общественности к эпохе и личности Екатерины. Создается, однако, впечатление, что весьма важные реалии, такие как экономика и политика, в том числе внешняя, оказались на периферии форума.

Пока именно так обстоит дело. Все же и нарастающий интерес к личности императрицы, к ее роли в истории внушает оптимизм и выглядит отрадно на фоне того шабаша, который учинили над памятью этой выдающейся женщины некоторые коммерческие издательства, устроившие “охоту” на ее фаворитов — поодиночке, группами и в ансамбле. В изданиях, закамуфлированных под исторические, домыслы перемешаны с истиной так, что последняя теряется в куче мусора, выметенного из темных закоулков придворных слухов. Поскольку в оригинальных поделках, рассчитанных на невзыскательного читателя, ощущается дефицит, реанимируются дореволюционные упражнения невысокого пошиба²³.

И поныне иных серьезных авторов традиции цепко держат в своих сетях. Так, в монографии А.В. Гаврюшкина “Граф Никита Панин” Екатерина выступает в качестве фигурантки в руках собственных министров: ни системы взглядов, ни руководства государственными делами. Иногда, пишет автор, мнения Екатерины и Панина не совпадали, “но происходило это не потому, что она самостоятельно пришла к каким-то иным выводам. Просто чье-то влияние на Екатерину пересиливало панинское”²⁴. Впору вспомнить замечание Евгения Викторовича Тарле, сделанное более полувека назад: курьезно говорить о существовании в политике “пар-

тии Панина”, о “направлении Воронцова”. Он ссылается на мнение Е.Р. Дашковой: “Все делается императрицей и переваривается Паниным”²⁵.

А.В. Гаврюшкин лишает Екатерину таких человеческих черт, как любовь к принявшей ее стране, а заявления самой государыни на сей счет относит к свойственному ей лицемерию: “Она много говорила и писала о величии русского народа... Делала это императрица не потому, что прониклась к России особыми чувствами. Если бы судьба забросила ее не в Петербург, а, скажем, в Константинополь или Пекин, она с неменьшим усердием доказывала бы величие турецкого или китайского народов”²⁶.

Вряд ли утверждения, вроде вышеприведенного, можно отнести к глубокому проникновению в мир чувств крупной исторической личности. Конечно, молва твердит: чужая душа — потемки. Но, может быть, Екатерина заслужила более внимательное и уважительное отношение к себе за свое служение, почти 40-летнее, России, как бы критически ни относиться к многим сторонам ее деятельности, ибо она, конечно же, представляла определенную систему и определенный класс, дворянский, у руководства державой.

На склоне дней своих императрица писала: “Это государство сделало для меня бесконечно много; и я считаю, что всех моих способностей, непрестанно направляемых ко благу этого государства, к его процветанию и к его высшим интересам, едва ли хватит, чтобы отблагодарить его”²⁷. Можно сказать без гаданий, что принявшая ее страна стала для нее не второй, а единственной родиной. По словам британского историка Дж. Гуча, Екатерина повернулась к Германии спиной²⁸. Никаких сношений с родственниками, даже переписки; запрет им приезжать в Петербург; ни разу за 52 года жизни в России она не переступила ее границ. Она отказалась от модного тогда обычая иметь слуг-иностранцев. Когда во время поездки в Прибалтику немецкое рыцарство приветствовало ее на родном языке, отвечал, по ее поручению, Григорий Орлов, притом по-русски. Никто в ее присутствии не смел сказать дурного слова о России. Отправляя Фридриху II перевод составленного ею Наказа, она не преминула сообщить, что он не способен передать всех тонкостей оригинала, ибо немецкий язык уступает русскому в силе и выразительности.

Мелочи? Детали? Действительно, иногда подчеркивание русского выглядело забавно: врача, “отворявшего” ей кровь, императрица попросила выпустить последнюю каплю ее “немецкой” крови так, чтобы в жилах текла одна “русская”. Но ведь из малого складывается великое. Она предусмотрительно сочинила наставление для своей невестки, первой жены Павла. Оно состояло из

трех пунктов: послушание мужу, покорность свекрови, преданность России. Принцесса “должна чтить нацию, к которой будет принадлежать, никогда не должна худо говорить о ней как в целости, так и по отношению к отдельным лицам”; от прибывшей к венцу девицы требовалось “величайшее старание соображаться с обычаями страны и решительная охота говорить на языке этой обширной монархии”; “с самой минуты прибытия своего в Петербург она непременно должна учиться говорить по-русски”²⁹.

Одна Россия, только Россия, Россия превыше всего! Железная дисциплина в служении ей!

Екатерина с легкостью отказалась от семейного владения Петра III, герцогства Гольштинского: негоже самодержцам плестись в толпе немецких князьков. Сама она прочно заняла совсем иную позицию в Европе и Германии. По Тешенскому миру 1779 г. Екатерина вместе с французским королем Людовиком XVI примирила сцепившихся друг с другом Фридриха Прусского и Иосифа Австрийского, стала гарантом Священной Римской империи германской нации и по сути дела арбитром в европейских делах. Старый Фриц приветствовал ее в тонах, близких к подобоострастным: “Ваше императорское величество сказали: да будет мир, и мир свершился... Столь высокомерный двор, каков двор Австрии, был побежден простым словом, произнесенным вашими священными устами, вернее, чем если бы он проиграл не знаю сколько сражений”³⁰. Никому тогда и в голову не приходило препятствовать допуску России в совет Европы: она там первоприсутствовала!

Нужно ли умалять заслуги императрицы и повторять с упорством тезис насчет ее лицемерия?

На репутации Екатерины II темным пятном лежит растерзанная Польша. Но не на совести. Российская государыня была дочерью своего века, когда новые веяния в идеологии причудливо сочетались со старыми, унаследованными от средневековья политическими реалиями, принцип народовластия не вытеснил монархическую идею, а понятие о праве народа на самоопределение не фигурировало в качестве основополагающего. Мы ясно видим историческую вину Екатерины за участие в разделах Польши. Она этого не сознавала. Три адепта Просвещения на тронах, три Вторых — Фридрих, Иосиф и Екатерина — ничтоже сумняшеся и без душевных мук поделили между собой страну с тысячелетней историей. Екатерину не надо мерить мерками XX столетия, надо примерять к ней понятия сотканного из противоречий XVIII в., в котором она жила. По словам Е.В. Тарле, ее мораль была “общевропейской моралью, не хуже и не лучше, и сердиться на Екатерину (как на нее до сих пор сердится часть западной историографии) за то, что ей удавалось почти всегда с необычайной лов-

костью побеждать даже наиболее искушенных партнеров в дипломатической игре... по меньшей мере наивно”³¹. Произнося эти слова во время своей лекции, академик, видимо, не подозревал, как крепко ему самому достанется за попытку подойти к Екатерине не с идеологизированной позиции, и притом не со стороны западной, а советской печати и органов, которые именовались директивными.

Правда, раздел Польши противоречил нарождавшейся политической доктрине, согласно которой Россия не нуждается в дальнейшем территориальном расширении. Как указывал Государственный совет, “Е.И.В. с самого своего восшествия на престол доказать изволила своею политическою системою, что она не ищет распространения своей империи приобретением себе земель”³². Но Екатерина утешалась тем, что чисто польских территорий она не присоединяла.

Тенденция к умалению роли Екатерины возникла не в советское время. Вспомним уничтожающую оценку молодого Пушкина: “Тартюф в юбке и короне”, “деспотизм без кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казна, расхищенная любовниками”, “ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами”³³. Поэт находился тогда в кругу декабристских идей и высказывался с революционной односторонностью.

Создается впечатление, что к екатерининским преобразованиям подходили и тогда не с позиций эпохи, в которую она жила, а с точки зрения иных времен; поступь прогресса в XIX в. развивалась стремительно, общественная мысль шла вперед гигантскими шагами во всеоружии впечатлений от пребывания русской армии на Западе в 1813—1814 гг. и знакомства с царившими там иными реалиями. Разумеется, с высоты понятий XIX в. установленные Екатериной порядки представлялись изжившими себя преданиями старины глубокой. Крепостничество превратилось в серьезный тормоз общественного развития, что понимал даже Николай I, не отличавшийся широтой кругозора своей бабки; отсюда — чуть не десяток секретных комитетов, занимавшихся при нем аграрным вопросом, но так и не решившихся на принятие кардинальных мер. Понадобилась катастрофа Крымской войны и просвещенный ум Александра II, чтобы перейти Рубикон. Но можно ли винить Екатерину за то, что она не опередила своего правнука на 100 лет?

Выпрыгнуть из эпохи не дано ни монарху, ни революционеру. Якобинцы оставили за собой горы отсеченных гильотиною голов, народовольцы — трупы застреленных и истерзанных взрывами, с трудом и жертвами сооруженная социалистическая система рухну-

ла в одночасье. Но мы привыкли воспевать штурмующих небо идеалистов и с презрением осуждать заземленных реалистов, к плеяде которых прочно принадлежала Екатерина (по ее собственным словам, “наш полет по земле, а не на воздухе, еще менее до небеси”)³⁴.

Не пора ли унять излишний критический пыл? Трезво и разносторонне расценивать деяния отдельных лиц, даже если их головы украшала корона? Пример показал нам Пушкин, проследим эволюцию его взглядов.

Четыре игривые строки:

Старушка умная жила
Приятно и немножко блудно.
Вольтеру первый друг была
Наказ писала, флоты жгла.

Но наступило раздумье, и в “Послании цензору” (первом) мы улавливаем совсем иные мотивы:

...Что нужно Лондону, то рано для Москвы...
Скажи, читал ли ты *Наказ* Екатерины?
Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры;
Хемницер истину с улыбкой говорил,
Наперсник Душеньки двусмысленно шутил,
Киприду иногда являл без покрывала —
И никому из них цензура не мешала.

И далее: “В России было только три самобытных деятеля Просвещения: Петр I, Ломоносов и Екатерина”; “Она одна дает толчок своему веку”. Почему-то и по сей день эти глубокие размышления поэта приводятся реже, гораздо реже, нежели хлесткое: “Тартюф в юбке и короне”.

И до Октябрьской революции Екатерина находилась на семи ветрах критики, что сказывалось на историографии. Трудов немного. Относящиеся ко второй половине XVIII в. книги “Истории российской с древнейших времен” С.М. Соловьева падают на закат его жизни, исследование оборвано на полуфразе, великий историк спешил завершить свое детище, но не успел, доведя изложение лишь до Кючук-Кайнарджийского мира. Комментаторы справедливо усматривали недостаток труда в слабой разработанно-

сти социально-экономических вопросов и в оправдании по сути дела участия в разделах Польши³⁵. Но Соловьеву первому открыли доступ к архиву Министерства иностранных дел, он оперировал гигантским рукописным материалом, прочел многие неведомые до толе страницы отечественной дипломатии, хотя, на наш взгляд, и не сумел, или не успел, их должным образом обработать, о чем свидетельствует явная перегруженность последних томов длиннейшими цитатами.

В гораздо более завершенном виде деяния Екатерины предстают со страниц лекций и статей В.О. Ключевского. Он подчеркивал: “Для нас она не может быть ни знаменем, ни мишенью, для нас она только предмет изучения”³⁶, — отмежевываясь тем самым от конъюнктурно-идеологизированного подхода. Он связывал ее важнейшие акты, в том числе Наказ, с предшествующим развитием, показывал связь с прошлым и закономерность их появления, вскрывал их корни. Ко многому В.О. Ключевский относился критически. Он делил правление пополам: 17 лет мира и 17 лет войн, осуждал разделы Речи Посполитой, признавал, что произошло серьезное утяжеление крестьянских повинностей и что внешний блеск прикрывал хаос и неурядицу в делах³⁷.

Но В.О. Ключевский далек от того, чтобы взваливать всю вину на плечи одного человека: “Екатерина не дала народу свободы и просвещения, потому что такие вещи не даются пожалованием, а приобретаются развитием и сознанием, а не получаются даром как милостыня”³⁸. И вывод: “последняя случайность на русском престоле”, как он именовал Екатерину, “провела продолжительное и необычайное царствование, создала целую эпоху в нашей истории”³⁹.

Переиздаваемые ныне книги К. Валишевского представляют интерес разве как сводка данных и интересное чтение. Как заметил Е.В. Тарле, он интересовался Екатериной “со слишком персональной стороны”, но его работы “еще не самое плохое в этом специфическом жанре”⁴⁰. Некоторые же пассажи автора (вроде нижеследующего) приводят в оторопь: “Хлопотать все равно о чем, действовать все равно где и заставлять о себе говорить все равно какой ценой — к этому, по-видимому, и сводилась вся внешняя политика Екатерины”⁴¹.

Задуманный как многотомный, труд Р.А. Бильбасова доведен до 1765 г. Книга А.Г. Брикнера “История Екатерины II” (т. 1–2. М., 1880) — это прежде всего история самой Екатерины, а не России, хотя и содержит богатый фактический материал. Университетский курс М.К. Любавского интересен анализом законотворчества того времени, и прежде всего — работы комиссии по составлению Уложения (1767–1774 гг.)⁴².

Фигура мирового значения, каковой являлась Екатерина II, не была обойдена и мировой историографией, но фактор пристрастия наличествовал здесь с самого начала, с публицистических высказываний прессы еще при ее жизни. Громкие внешнеполитические успехи привели к рождению легенды о безудержно завоевательном курсе этой продолжательницы дела Петра I. Первые кирпичи были заложены во Франции не без участия польских эмигрантов.

Именно в недрах парижского внешнеполитического ведомства зародилось несколько вариантов пресловутого “Завещания Петра Великого”, приписывавшего ему и его преемникам завоевательные замыслы на все четыре стороны света. Эпоха Екатерины подбросила много хвороста в русофобский костер: “восточный барьер” из Швеции, Речи Посполитой и Турции, долженствовавший, по мысли Парижа, отгородить Московию от Европы, был сметен начисто; Екатерина заняла место едва ли не первоприсутствовавшей в решении дел континента; она выступила в общем монархическом строе против Французской революции. Правда, в то время как австрийцы, пруссаки, испанцы, голландцы, англичане сражались с санкюлотами, Екатерина ограничивалась моральным осуждением низвергателей тронов. Она втянулась в “войну перьев”, злокозненные революционные писания подверглись публичному сожжению. Поскольку ее личная жизнь была далеко не безупречной, у французской стороны находилось сколько угодно поводов для морального негодования, коим с той поры окрашивалась сперва полемика, а позднее и исторические труды. Однажды петербургский полицмейстер положил на стол императрицы номер журнала “Монитор”, в котором она именовалась “Мессалиной Севера” и “описывались” устраиваемые ею оргии в подвалах Зимнего дворца. Царица изумилась живости воображения оппонентов, заметила, что в оных подвалах вообще не бывала, и разрешила журнал к распространению.

Распушенность нравов при дворе императрицы и череда сменявших друг друга ее фаворитов создавали мишень для нападок. Иногда это выливалось в сочинение книжечек вроде “Мессалины Севера”⁴³. Николай I был взбешен, ознакомившись с прениями в британской палате общин, в которых Екатерина именовалась “неистойвой проституткой” и “чудовищной бабкой чудовищного внука”, т.е. его самого⁴⁴. Подобного рода приемы использовались для формирования исторического образа императрицы и России ее эпохи. Критика и внутренней, и внешней политики самодержавия разворачивалась на фоне высоконравственного осуждения. Наконец, соперники умело использовали мрачную репутацию царизма как члена-основателя Священного союза и душителя революций, представляя Россию воплощением духа агрессии и зла. А у истоков стояла Екатерина.

Постепенно политические ветры над наукой если и не отшумели, то поутихли. Вдумчивее стал подход к внешнеполитическим акциям. Еще в конце прошлого столетия Альбер Сорель замечал: “Русские государи стремились лишь к полезным завоеваниям, предпринимали только полезные войны. Они составляли, в интересах государства, только такие планы, которые могли быть поддержаны национальным чувством. Екатерина приводила в исполнение традиционные пути русской политики”⁴⁵. В этой оценке есть налет конъюнктуры, но иного плана: то было время, когда французы отчаянно нуждались в союзе с Россией. В 1896 г. Николай II и Александра Федоровна въезжали в Париж, сопровождаемые эскортом из шести видов кавалерии: кирасирами, республиканскими гвардейцами, гусарами, драгунами, конными егерями и спаги в красных бурнуссах. Архитектура запечатлела дух эпохи в таком памятнике, как мост Александра III через Сену. Так что налет несколько излишней добродетели в оценке Сореля есть. Но главное, можно констатировать, что на Западе появились и продолжают публиковаться труды, серьезно трактующие и личность, и эпоху Екатерины II. Уже вне всякой конъюнктуры — со всех сторон дули ветры холодной войны — Аян Грей высказывал мысли, с которыми можно согласиться: “Причерноморские земли были важны для экономического развития России; завоевание Крыма было столь же существенно для ограждения богатств черноморских районов Юга от хищнических налетов татар, которые многие годы убивали переселенцев, опустошали их селения, продавали сотни юношей и девушек в рабство. Екатерина осуществила тем самым национальные чаяния”⁴⁶.

Титул *Великая* прочно утвердился в историографии. Регулярно выходят книги, содержащие более или менее удачную попытку связать биографию царицы со временем, на которое она оказала столь зримо свое влияние⁴⁷.

Для немецкой историографии характерно усиленное внимание к роли соотечественников в российской истории. К ним относят и Екатерину, хотя она сама демонстративно дистанцировалась от Германии. Один из сравнительно недавних серьезных трудов в этой области — фолиант С. Шарфа “Екатерина II, Германия и немцы”⁴⁸. Впечатляют эрудиция автора, громада собранного им материала. Но само построение книги: импульсы реформ — из Германии, просвещение, классицизм, сентиментализм — оттуда же; немцы на российской службе — невольно создает впечатление, будто бы Екатерина черпала опыт и мудрость прежде и больше всего со своей родины. Да, черпала, но не только (а может быть, и не столько), ибо веяния Просвещения поступали прежде всего из Франции (которую, в целом, императрица симпатиями своими

не жаловала). Россия была доступна веяниям из Италии и Великобритании. Страна при Екатерине избежала двух опасностей — чрезмерной открытости перед иноземным влиянием, что может погубить ростки национальной культуры; и ненужной замкнутости, что чревато затворничеством в клетке местной ограниченности и духовной отсталостью. Век Екатерины II подготовил Россию к тому могучему рывку, который вознес страну на вершины мировой культуры в XIX столетии.

Среди зарубежных трудов выделяются фундаментальные исследования Изабель Мадариаги⁴⁹, в первую очередь книга “Россия во время Екатерины Великой”. Здесь освещены, пожалуй, все значительные стороны российской жизни. Мадариага отмечает поразительное развитие экономики в России даже в критические годы седьмой русско-турецкой войны (1787—1791 гг.), особо выделяя стремительное освоение Новороссии, богатейших причерноморских степей, где подвизался неуёмный Потёмкин. И тут сразу возникает вопрос: а что же все-таки с крепостным правом? Исследовательница полагает, что предпосылки для его отмены еще не созрели. По ее мнению, сведение жизни крепостного к “мучительному гнету, символом которого представлялся кнут, извращает картину”. Все: финансы, общественный порядок, сельскохозяйственное и промышленное производство, военная мощь — базировалось на нем⁵⁰.

Мадариага анализирует реформаторскую деятельность Екатерины — статусы о дворянстве, купечестве, городах, судебной системе, серьезные шаги в области образования и здравоохранения, фактическое признание веротерпимости, смягчение нравов и, в частности, почти полный отказ от пыток. Обращает она внимание на склонность своих коллег взирать на Россию сквозь призму достигнутого их странами прогресса и умалять значение екатерининских преобразований. Сама Мадариага придерживается иной точки зрения: величие Екатерины “заключается не столько в территориальных приобретениях, сколько в установлении новых отношений между правительством и управляемыми”. Укрепился правовой статус всех категорий населения, — кроме крепостных, — возникло чувство безопасности, уверенности в завтрашнем дне, в ограждении от произвола. Последнее, правда, подрывалось коррупцией, фаворитизмом, вошедшим в плоть и кровь своеволием властей, но все же не сводилось на нет. Мадариага усматривает заслугу императрицы в повышении роли гражданской администрации, в подрыве доминирующего влияния военной косточки в разных областях общественной жизни, в “демилитаризации” управления: “...на короткий срок в конце XVIII в. Россия и Западная Европа сблизилась. Потом наступило истеричное правление Павла; приоритет

военных достиг апогея при Николае I; наследие Екатерины в гражданской области было растрчено впустую”⁵¹, — пишет исследовательница, явно сгущая краски.

Не все в высказываниях Мадариаги бесспорно, порой она, на наш взгляд, не сводит концы с концами. Своими войнами императрица, полагает она, “сослужила самую дурную службу России”, хотя нельзя одним аршином мерить раздели Польши и российско-турецкое единоборство. Победы российских армий, утверждает она, прикрывали изъяны дипломатии. И тут же — констатация выдающегося места России в международных делах того времени: Екатерина заняла, по всей видимости, “доминирующую позицию в Европе”⁵². Как же так — при неуклюжей и неспособной дипломатии?

Не произнося вслух слова “русофобия”, Мадариага на деле признает ее наличие. По ее словам, ни один немец и мало кто из французов вообще был готов признать способность русских свершить что-либо значительное, не говоря уже о великом.

Никто из современных западных исследователей, даже Мадариага, не погружался в сокровища российских архивов. Это еще впереди, и позволяет надеяться на появление трудов, лишенных известной односторонности, предвзятости и оттенка высокомерия.

У наших исследователей архивы — под рукой, материалов — горы, нужны интерес к эпохе и позиция равной удаленности и одинаковой объективности и по отношению к Пугачеву, и по отношению к Екатерине; лишь тогда мы сможем создать нечто полное, ценное, научно значимое по истории России второй половины XVIII века, ибо без личности императрицы всякое такое исследование будет терять в цене.

¹ Брикнер А.(Г.) История Екатерины II. СПб., 1991. Т. 2. С. 568.

² Соловьев С.М. Соч. М., 1994. Кн. XIII. С. 472.

³ Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. XIV. С. 95.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. С. 631.

⁵ Екатерина Великая: эпоха российской истории. СПб., 1996. С. 139.

⁶ Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. XV. С. 272, 282.

⁷ Там же. С. 273.

⁸ Родина. 1996. № 3. С. 53.

⁹ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1960. С. 188—190, 200, 260, 262.

¹⁰ Соловьев С.М. Соч. Кн. XV. С. 108.

¹¹ Хрестоматия по русской литературе XVIII в. М., 1952. С. 232, 233, 340—342.

- 12 Альшиц Д.Н. Непреходящее значение вклада Екатерины II в историю науки // *Екатерина Великая: эпоха...* С. 112–113.
- 13 Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Л., 1978. Т. 8. С. 103.
- 14 Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 390.
- 15 Екатерина II. Соч. М., 1990; Записки императрицы Екатерины II. М., 1990; Записки императрицы Екатерины II. М., 1989; Сегюр Л.Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II. Л., 1986; Грибовский А. Записки об императрице Екатерине II. М., 1989; Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1990.
- 16 Каменский А.Б. "Под сению Екатерины..." СПб., 1992; Каменский А.Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997.
- 17 Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955; Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1960.
- 18 Чайковская О.Г. "Как любопытный скиф..." М., 1990.
- 19 См.: Родина. 1995. № 10, 11; 1996. № 1, 2, 3, 6, 9, 12; 1997, № 1, 2.
- 20 Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. М., 1997.
- 21 Елисеева О.И. Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. М., 1997.
- 22 Екатерина Великая: эпоха российской истории (Сб. тезисов). СПб., 1996.
- 23 Евгеньев М. Любовники Екатерины II. М., 1989; Департамент фаворитов. М., 1990; Савин А. Фавориты Екатерины II. М., 1990; Жданов Л. Последний фаворит (четыре издания!). Резко выделяется на фоне этих мнимо популярных изданий роман "белого генерала" Н.П. Краснова "Екатерина Великая" (М., 1996).
- 24 Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. М., 1989.
- 25 Тарле Е.В. Екатерина II и ее дипломатия. М., 1945. Т. II. С. 38.
- 26 Гаврюшкин А.В. Указ. соч. С. 74.
- 27 Сборник императорского Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1885. Вып. 42. С. 177.
- 28 Gooch C.P. Catherine the Great. L., 1954. P. 1.
- 29 Наставление великим княгиням // Сб. РИО. СПб., 1874. Вып. 13. С. 334–335.
- 30 Сб. РИО. СПб., 1877. Вып. 20. С. 383.
- 31 Тарле Е.В. Указ. соч. М., 1945. Т. I. С. 5.
- 32 Архив Государственного совета. СПб., 1969. С. 6.
- 33 Пушкин А.С. Соч. М., 1949. С. 710, 709.
- 34 Чайковская О.Г. "Как любопытный скиф..." С. 87.
- 35 Соловьев С.М. Соч. Кн. XIII, XV.
- 36 Ключевский В.О. Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 475.
- 37 Там же. С. 479, 275, 529.

- 38 Там же. С. 528.
- 39 Там же. С. 197.
- 40 Тарле Е.В. Указ. соч. Т. I. С. 11.
- 41 Валишевский К. Роман императрицы. М., 1989. С. 364.
- 42 Брикнер А.[Г.] История Екатерины II. СПб., 1880; Бильбасов Р.А. История Екатерины II. СПб., 1890—1891. Т. 1—2; Любавский М.К. История царствования Екатерины II. [М.], 1911; Иконников В.С. Время Екатерины II. Киев, 1911.
- 43 Messaline de Nord. Geneve, 1834.
- 44 The Mirror of Parliament. 1833. N LII, 3 Aug. P. 2877; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1833 г. Д. 119. Л. 368.
- 45 Сорель А. Европа и французская революция. СПб., 1892. Т. 1. С. 405—406.
- 46 Grey I. Catherine the Great. Westport, 1975. P. 279.
- 47 Alexander J.T. Catherine the Great. N.Y.; Oxford, 1984; Troyat H. Catherine The Great. N.Y., 1981; Valloton H. Catherine II. P., 1955; Thomson Cl.S. Catherine the Great and the Expansion of Russia. L., 1947; Oldenburg Z. Katharina die Grosse. Munchen, 1964; Rimscha H. Katharina II. Gothingen, 1961; Gronin V. Catherine II. L., 1975; Raeff M. Catherine the Great. N. Y., 1972.
- 48 Scharf C. Katherina II, Deutschland und die Deutshen. Mainz, 1995.
- 49 Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven, 1981; Madariaga I. Catherine the Great. New Haven; L., 1990.
- 50 Madariaga I. Russia in the Age... P. 553, 552, 585.
- 51 Ibid. P. 552, 587, 588.
- 52 Ibid. P. 368.

Просвещенные монархи Екатерина II и Иосиф II: опыт сопоставления

Екатерина II и Иосиф II являются выдающимися представителями своей эпохи, они оказали влияние не только на умы современников, но и на воображение последующих поколений. Однако сопоставимы ли вообще две эти фигуры? “Император-революционер” и “философ на троне”, как величали Иосифа и Екатерину, казалось бы, имели очень мало общего. Иосиф был нетерпеливым реформатором, который желал изменить все быстро, радикально, прямо сейчас, в то время как Екатерина являлась дальновидным, если не сказать хитрым, правителем, который редко рискует, не будучи уверенным в результате.

С другой стороны, нетрудно обнаружить характерные общие черты, а порой еще более характерные различия в том положении, которое они занимали, тех задачах, которые им приходилось решать, тех методах, которые они выбирали для достижения поставленных перед собой целей. Таким образом, они могут быть сравнены и даже должны быть сравнены, чтобы лучше понять природу и специфические особенности просвещенного абсолютизма в Центральной и Восточной Европе.

Во-первых, они правили практически в одно и то же время: Екатерина — с 1762 по 1796 г., Иосиф с 1765 г. — как император Священной Римской империи (оставаясь, правда, по точному определению английского историка Д. Билза, “в тени” своей великой матери императрицы Марии Терезии¹), а с 1780 по 1790 г. — как полновластный правитель владений Габсбургского дома*.

Во-вторых, несмотря на принципиальные различия, Российская империя и Габсбургская монархия имели ряд общих черт.

* В конце XVIII в. владения Габсбургского дома, конституированные под именем Австрийской империи лишь в 1804 г., не имели официального названия. Далее в тексте в качестве синонимов используются термины той эпохи: “монархия Габсбургов”, “владения Габсбургского дома”, “Австрия”. Иосиф II в соответствии с исторической традицией именуется в тексте императором, хотя собственно во владениях Габсбургского дома он носил титулы австрийского эрцгерцога, короля Чехии, короля Венгрии и пр.

Обе входили в число великих европейских держав. Обе были обширными по территории государственными образованиями, населенными многочисленными народами, находившимися на разных ступенях экономического, общественного и культурного развития. Правда, официальный статус политических наций в монархии Габсбургов (немцы, чехи, венгры, хорваты) отличался, если можно так сказать, в лучшую сторону от положения даже самых многочисленных народов в России. Наконец, и в России, и в империи Габсбургов ощущалась необходимость социальных и экономических реформ, чтобы догнать ушедшие далеко вперед по пути капиталистической модернизации страны Западной Европы и быть в состоянии вести многочисленные войны — остававшиеся в то время едва ли не единственным путем достижения внешнеполитического превосходства.

В-третьих, мы знаем о многолетних личных контактах Иосифа и Екатерины. Их переписка, их дневники, мемуары современников свидетельствуют о том, что оба монарха были прекрасно информированы о состоянии дел в, соответственно, России и Австрии, более того, оказывали воздействие на принятие тех или иных решений, помогали друг другу советами и даже критиковали друг друга.

Различие между монархией Габсбургов и Российской империей состояло в характере централизации и степени модернизации. В России, которая возникла и развивалась как унитарное государство, речь прежде всего шла о повышении отдачи уже функционировавшей государственной машины, Габсбургам же, начавшим предпринимать реальные шаги по централизации своих обширных владений лишь с середины XVIII в., еще только предстояло унифицировать налоги, законодательство, администрацию, судебную систему, без чего немыслимо ни одно современное государство.

В то же время Россия, даже существенно сократив разрыв с Западной Европой благодаря петровским преобразованиям начала XVIII в., оставалась преимущественно аграрной страной, в которой пропасть, разделявшая отдельные сословия, была непреодолимо глубока, где государственная централизация означала прежде всего упрочение самодержавной власти, и только потом повышение эффективности бюрократического аппарата. Монархия Габсбургов находилась на более высоком (по сравнению с Россией) уровне экономического и социально-политического развития. Во второй половине XVIII в. в австрийских и чешских землях наблюдался экономический подъем, по инициативе государства были ограничены и регламентированы повинности зависимого крестьянства, повсюду, кроме Венгрии, дворянство платило налоги, сословное самоуправление отдельных земель заменялось более эффективной бюрократией.

Различия между Россией и Австрией в экономической области может проиллюстрировать политика по отношению к ремесленным цехам. На большей части территории монархии Габсбургов цеховая организация сложилась в средние века и к середине XVIII в. уже во многом устарела, более того, превращалась в тормоз свободного развития экономики, поэтому Иосиф II снял ограничения на численность мастеров и подмастерьев, объемы производимой продукции. В России, напротив, цеховая организация появилась лишь в 20-е годы XVIII в. и развивалась при непосредственной поддержке государства. В отличие от Западной Европы, цеховые уставы в России не предусматривали сдерживающих развитие производства запретов, поэтому существование ремесленных цехов на протяжении всего XVIII в., поддержку ремесленных организаций со стороны центральной власти можно считать позитивным фактором для развития российской экономики².

Иными словами, во второй половине XVIII в. Россия была уже по сути унитарным государством, в котором процессы капиталистической модернизации выражены еще крайне слабо. Монархия Габсбургов дальше России продвинулась по пути модернизации, но разные ее части отличались по политическому устройству, языку, культуре. Этими обстоятельствами определялись задачи, которые предстояло решить просвещенным монархам, и пределы, дальше которых не могла пойти их реформаторская деятельность.

И Екатерина, и Иосиф являлись просвещенными монархами в том смысле, что оба считали существующее общественное устройство несовершенным и говорили о необходимости его реформирования. Но, с другой стороны, — и в этом они единодушны — оба были глубоко убеждены в том, что эта задача по плечу только самому просвещенному монарху. Поскольку один из основополагающих принципов абсолютистской идеологии сводится к тезису, что суверен воплощает государство и действует в интересах общества в целом, политика просвещенных государей была направлена на усиление государственных институтов и армии, на повышение отдачи от каждого отдельного подданного, на установление тотального контроля за всеми сторонами общественной и частной жизни. Все это порождало неизбежные параллели во внутренней политике обоих монархов. Однако если Екатерина понимала разницу между государственно-правовыми теориями, которым она в свое время отдала должное в *Наказе*, и практикой управления обширной, экономически и социально-политически отсталой страной, то Иосиф II — сам пылкий сторонник идей Просвещения, — казалось, считал, что достаточно убедить подданных, будто предлагаемое им общественное переустройство справедливо и имеет целью лишь общее благо, как любые нововведения будут с ликованием приняты.

Сопоставим социальную базу реформ просвещенного абсолютизма в России и монархии Габсбургов. Екатерина II, не случайно прозванная “дворянской царицей”, делала ставку на господствующий класс, интересы которого во многом диктовали характер реформ и определяли степень реформизма самой императрицы. По “Жалованной грамоте дворянству” (1785), русский дворянин освобождался от подушной подати, рекрутской повинности, телесных наказаний, обладал всей полнотой власти над принадлежащими ему крестьянами, свободно распоряжался недрами, находящимися на территории его имений. В то время губернская реформа 1775 г. повышала роль дворянства в управлении и суде. Мелкое и среднее дворянство, не имея возможности жить на доходы от поместий (часто за отсутствием таковых), поступало на государственную службу, фактически становясь чиновниками. Это не в последнюю очередь способствовало повышению в дворянской среде интереса к образованию как средству и неумолимому условию успешной служебной карьеры. Кроме того, абсолютизм не позволил дворянскому сословию превратиться в замкнутую касту. Введенное Петром I право выслуги, против которого роптало родовитое дворянство, открывало доступ в благородное сословие наиболее талантливым выходцам из иных социальных групп. Таким образом, возвысив дворянство над остальными неполноправными (бесправными) сословными группами, законсервировав некоторые феодальные институты, Екатерина II добилась частичных успехов в деле реформы управления и судебной системы, вовлечения помещичьего хозяйства в рынок, реформы образования и пр.

Зависимость российского дворянства от центральной власти, отсутствие, или точнее неразвитость, традиций сословной оппозиции абсолютизму превратили российский господствующий класс в верного союзника престола. В монархии Габсбургов, где дворянство некоторых областей (прежде всего, Венгрии) располагало экономической базой и политическими механизмами проведения самостоятельной по отношению к центральной власти политики, Габсбургам приходилось искать союзников в рядах непривилегированных сословий. Так, при Иосифе II существенно возросла доля недворян в государственном аппарате. Его преемник Леопольд II (1790—1792), борясь с венгерской сословной оппозицией, рассылал тайных агентов вести антидворянскую пропаганду в городах и деревнях.

В России поддержка зажиточных горожан и купечества была скорее средством расширения социальной базы просвещенного абсолютизма, чем мерой, направленной против привилегированных сословий. Так, согласно “Жалованной грамоте городам” (1785), российские купцы обособлялись от остальных горожан и делились

на три гильдии в зависимости от размеров капитала. Купцы всех гильдий освобождались от подушной подати, замененной ежегодной выплатой в казну 1% с капитала, и рекрутской повинности, замененной выплатой установленной указом суммы. К купцам 1-й и 2-й гильдии и к “именитым гражданам” не могли применяться телесные наказания. Их потомки могли рассчитывать на получение дворянства³. Законодательное оформление сословного строя в России объективно тормозило развитие капиталистических отношений, воздвигало преграды на пути формирования буржуазного общества. В то же время зафиксированное в законе социальное неравенство отдельных категорий населения являлось шагом вперед по сравнению с системой общественных отношений, при которой бесправие одних социальных групп и всемогущество других практически не регулировалось правовыми нормами.

В монархии же Габсбургов, напротив, сословный строй во многом изжил себя, хотя, например, заложенный в сословном самоуправлении потенциал не был до конца исчерпан. Именно этими обстоятельствами определялась социальная политика Иосифа II и здесь же коренились причины его неудач. Он действовал в интересах “общего блага”, не отдавая предпочтения ни одному сословию, ни одной социальной группе. В этом его поддерживали (по крайней мере, до середины 80-х годов) многие прогрессивно мыслящие дворяне, осознавшие, что сохранение сословных привилегий тормозит экономическое и социально-политическое развитие страны. Планы императора нашли живой отклик у протестантов, которым прежде из-за конфессиональной принадлежности был закрыт доступ к государственной службе, и передовой недворянской интеллигенции, обреченной на вторые и третьи роли из-за своего небогатого происхождения.

Однако в результате форсированной централизации “лоскутной империи” перекраивались исторически сложившиеся провинции и земли, уничтожалось местное самоуправление, насаждался государственный немецкий язык, попирались древние традиции. Все это затрагивало чувство регионального патриотизма, которое как раз во второй половине XVIII в. начало давать ростки национального самосознания именно в среде образованных, прогрессивно мыслящих граждан. В конце правления от Иосифа отвернулись многие из бывших пламенных сторонников, примкнув к лагерю сословной оппозиции. Политика йозефинизма потерпела поражение, император так и не смог воплотить в жизнь высокие идеалы гражданского общества, и этому не в малой степени способствовало то обстоятельство, что адресованные всем и никому реформы австрийского просвещенного абсолютизма не сгладили социальные противоречия, а в конечном итоге обострили их.

Вот характерный пример. Для того чтобы контролировать доходы своих подданных и регулировать налоги, центральная власть прежде всего нуждалась в точных данных о численности населения, о размерах движимого и недвижимого имущества подданных. В 1766 г. Екатерина продолжила знаменитое “генеральное межевание”, чтобы решить спорные вопросы землевладения. Проводившаяся неспешно, в течение многих лет, эта мера не вызвала взрыва общественного недовольства. В 1784 г. Иосиф начал обмер земельных владений и перепись населения, так называемую “конскрипцию”. Чтобы осуществить это мероприятие как можно быстрее и с наименьшей затратой сил, он решил использовать армию. Особое недовольство это вызвало в Венгрии, где неприкосновенность дворянского жилища охранялась особой статьей закона. Венгерская королевская канцелярия оказалась завалена протестами дворянских комитатских собраний, а глава комитата Нитра граф М. Форгач был отстранен от должности за особо резкое несогласие с политикой властей⁴.

Перепись населения, служившая прелюдией к введению всеобщего налогообложения, вскрыла глобальное противоречие между центральной властью и привилегированными сословиями отдельных земель монархии Габсбургов. В Венгрии, пользовавшейся особым правовым статусом, дворянство не желало поступаться налоговым иммунитетом, объясняя это тем, что несет бремя расходов, связанных с управлением страной и содержанием дворянского ополчения. Иосиф II, который поставил себе целью искоренить любые корпоративные привилегии и покончить с вековым “паразитизмом” привилегированных сословий, не сумел поставить на службу “общему благу” потенциал, заложенный в венгерском дворянстве.

В руках венгерского господствующего класса веками сосредоточивалась вся полнота административной и судебной власти, причем служившие в центральной и местной администрации дворяне зачастую не получали жалования, поскольку служба на благо отечества считалась почетной обязанностью. Венгерское дворянство, отстаивая свои сословные привилегии, фактически выступало защитником того, что осталось от независимости венгерского государства, поэтому сословная оппозиция реформам просвещенного абсолютизма обрела форму протонационального движения.

Екатерина II, которая в отличие от эгалитариста Иосифа понимала, чем может грозить ограничение дворянских привилегий в стране, где каждый двадцатый принадлежал, пусть лишь номинально, к благородному сословию, осудила венгерскую политику Иосифа II. “Венгерцы мать его спасли в 1740 году от потери всего: я б на его месте их на руках носила”, — писала она Г.А. По-

тёмкину⁵. Императрица имела в виду события Войны за австрийское наследство (1740—1748), когда Фридрих II Прусский захватил богатейшую из наследственных провинций Силезию, а баварский курфюрст Карл Альбрехт короновался чешским королем и императором Священной Римской империи. Только финансовая и военная поддержка венгерского и хорватского дворянства сохранила Габсбургам их короны и земли. На государственном собрании 1741 г. Мария Терезия была избрана венгерским королем (так!) и таким образом получила первую свою корону из завещанного ей отцом, Карлом VI Габсбургом, “австрийского наследства”. Об этом, кстати, она не уставала повторять. Высказывание Екатерины, оброненное как бы между делом, свидетельствует о доскональном знании европейской политики, тонком понимании сути внутривосточных конфликтов, которая оставалась скрытой от взора самого Иосифа II.

Разница в характере централизационных процессов Российской империи и монархии Габсбургов видна и на примере реформы управления. В 1775 г. территория Российской империи была разделена на губернии по прогрессивному для того времени принципу — численности податного населения. Учреждение о губерниях вводилось постепенно: в 1776 г. были созданы первые губернии — Тверская и Смоленская, в последующие годы — Тульская, Олонёцкая и т.д. Иосиф недооценивал то обстоятельство, что монархия Габсбургов никогда не была унитарным государством, поэтому не предвидел трудностей, которые вызвала отмена органов местного самоуправления (точнее того, что от них осталось). Так, в 1785 г. он в одночасье отменил в Венгрии систему комитатов вместе с органами комитатского дворянского самоуправления и вместо них ввел новые, более крупные административно-территориальные единицы — округа. Главы округов назначались самим императором из, как правило, преданных государю, династии и “имперской идее” людей.

Реформа управления, отстранившая местные элиты от реальной власти, закономерно вызвала резкое недовольство повсюду, где администрация до сих пор находилась в руках сословий: в Венгрии, Бельгии, Штирии, Тироле.

На жесткие и решительные действия Екатерина шла только тогда, когда была полностью уверена в успехе, как, например, в 1775 г. при уничтожении автономии Запорожской Сечи. Инкорпорация казачьей старшины в российское дворянство выбила почву из-под ног движения сопротивления. Не обладая ни достаточными материальными ресурсами, ни “национальным” господствующим классом — носителем национального самосознания, Запорожская Сечь не смогла ответить на наступление российского абсолютизма

движением сопротивления, сопоставимым с бельгийской революцией 1787—1788 гг. или венгерскими событиями 1790 г.

В ряде случаев опыт государственного строительства в Габсбургской монархии мог быть полезен русской императрице и с успехом применен в России. С именем Иосифа связывают, в частности, складывание в империи полицейского государства, которое получит наиболее полное развитие в правление его племянника Франца I. Вообще Иосиф II являлся сторонником регулирования мельчайших деталей не только общественной и частной жизни, но и смерти отдельных подданных: печально известны его декрет о том, в каких гробах хоронить представителей различных сословий, или запрет зажигать свечи в храмах, дабы не вызвать пожар. Он мечтал, чтобы государственная машина работала с точностью часового механизма. Обеспечить ее бесперебойную работу и была призвана полиция, которая в Австрии находилась в ведении убежденного государственника графа А. Пергена. Созданное Пергеном ведомство вело тотальную слежку в 80-е годы за масонами, в 90-е годы — за “якобинцами”, а после раскрытия в 1794 г. “якобинских” заговоров — буквально за всеми. Встретившись с Екатериной в 1780 г., Иосиф дал императрице ряд практических советов по организации полицейской системы в России.

Явные параллели прослеживаются и в политике в области образования. Оба монарха пытались создать систему, дающую государству грамотных, способных приносить общественную пользу подданных. В империи Габсбургов реформа образования началась еще при Марии Терезии, которая в 1773 г. распустила орден иезуитов^{2*}, а на деньги от продажи их имущества провела реформу народного образования: создала трехступенчатую школьную систему, предполагавшую преемственность между ступенями⁶. Иосиф II пошел еще дальше, попытавшись осуществить на практике принцип всесословного начального образования на всей территории империи. Как остроумно замечали современники, император мечтал, чтобы во всех владениях Габсбургского дома дети одновременно твердили одну и ту же букву⁷.

Известно, что Иосиф II направил в Россию сербского просветителя Ф. Янковича Мириевского, который до этого успешно провел реформу образования в населенных сербами районах империи Габсбургов. Под руководством Янковича в 1782 г. был раз-

^{2*} В Западной Европе, где учебные планы иезуитов переставали соответствовать растущим требованиям к преподаванию, орден постепенно вытеснялся из сферы образования. Екатерина II, напротив, понимая значение иезуитов для организации школьного дела в украинских и белорусских землях, присоединенных к России после первого раздела Польши в 1772 г., продолжала оказывать ордену поддержку.

работан План к установлению народных училищ в Российской империи, согласно которому в каждом губернском городе учреждались четырехклассные народные училища, а в уездных городах — двухклассные малые народные училища. Формально эти школы являлись сословными и содержались за счет государства. Так в России начала складываться единая система светской школы от малого народного училища до университета⁸. В 1786 г. австрийский канцлер Венцель фон Кауниц лично передал российской императрице записку видного деятеля австрийского Просвещения, профессора Венского университета И. Зонненфельза “Учебное дело в Австрии при императоре Иосифе II”, в которой излагались цели государственной политики в области народного образования и содержание реформ⁹.

И австрийский, и российский просвещенный абсолютизм стремились использовать потенциал, заложенный в дворянском сословии. В этом особую роль играли закрытые привилегированные учебные заведения — дворянские академии. Существовали специальные фонды, из которых оплачивалось обучение талантливых юношей из бедных дворянских семей. В годы правления Марии Терезии перед молодыми дворянами монархии распахнули двери венская Терезианская академия, конвикт Лёвенбурга, фонд Каоса (Кауца), Терезианская военная академия в Винер-Нейштадте и др. При Екатерине II в 1776 г. при Московском университете был открыт первый в России дворянский Благородный пансион, который в 1783 г. обрел самостоятельность, став общеобразовательной школой для дворян.

И в венской Терезианской академии, и в московском Благородном пансионе особое внимание уделялось изучению экономики, делопроизводства, юриспруденции. Сравнительный анализ уставов этих учебных заведений показывает, что просвещенный абсолютизм, повышая образовательный уровень молодых дворян, стремился воспитать когорту высококвалифицированных чиновников, верных государю, трону и отечеству¹⁰. Таким образом, помогая господствующему классу получить образование, необходимое для сохранения ключевых постов в государственном аппарате и ведущих позиций в обществе, просвещенный абсолютизм в конечном итоге сохранял лояльность дворянства по отношению к центральной власти.

Иосиф II стремился последовательно проводить на практике принцип всеобщего и равного доступа к образованию для всех подданных^{3*}. Дворянские академии — закрытые сословные учеб-

^{3*} И тем не менее ряд ограничений сохранялся. К примеру, для православных доступ к высшему образованию был закрыт.

ные заведения — он считал анахронизмом, на смену им должны прийти все сословные школы, гимназии, университеты. В 1784 г. все дворянские академии на территории монархии были закрыты, их библиотеки, оборудование, учебные пособия переданы университетам, а студенты получили право закончить образование в любой гимназии или университете монархии. После смерти императора и отмены ряда его реформ часть академий возродилась. Например, венский Терезианум вновь открылся в 1797 г. и просуществовал в качестве дворянской академии до 1849 г.

Стремление просвещенного абсолютизма превратить каждого подданного в полезного члена общества прослеживается не только в сфере образования, но и в реформе права. На современников, в том числе на просвещенных монархов, сильное влияние оказало сочинение Чезаре Беккариа "О преступлениях и наказаниях", обосновывавшее необходимость смягчения наказаний и более человеческого обращения с заключенными. Екатерина II настойчиво приглашала Беккариа в Петербург принять участие в разработке реформы российской правовой системы. Узнав об этом, канцлер Кауниц приказал губернатору Милана удерживать Беккариа любыми средствами: дать ему университетскую кафедру или присвоить какой-нибудь высокий титул¹¹.

Помимо соображений гуманности, просвещенные монархи усматривали в смягчении наказаний практическую выгоду: ограничивая число смертных казней, запрещая пытки, ведущие к серьезным физическим увечьям, они не только открывали преступникам путь к моральному исправлению, но и сохраняли для государства рабочие руки. В годы правления Марии Терезии и Иосифа II происходит отделение гражданского суда от уголовного, запрещаются пытки, а в 1786 г. — смертная казнь, принимаются меры по улучшению состояния пенитенциарных заведений. В России при Екатерине II уголовное право отделяется от гражданского, запрещаются пытки (1782), хотя на практике этот запрет нередко нарушался.

Императрица попыталась претворить в жизнь идеалы Просвещения, введя так называемые совестные суды, в которых по два заседателя от дворян, купцов и крестьян (не из крепостных) выносили решения, руководствуясь не столько статьями закона, сколько высшими моральными соображениями, совестью. Эта мера вызвала восхищение европейских просветителей, но на деле совестные суды практически бездействовали и их влияние на улучшение нравов подданных было равно нулю¹².

В обеих странах духовенство составляло социальную группу, обладавшую широчайшими привилегиями без каких-либо серьезных финансовых обязательств перед государством. Решительный

шаг первой сделала Екатерина: в 1763 г. она секуляризировала церковные земли (Иосиф сделал то же самое в 1781). Конечно, причина радикализма Екатерины коренится в предшествующей истории Российской империи. Еще Петр I отменил патриаршество и учредил специальный орган — Синод. Так русская православная церковь стала зависимой частью правительственной структуры, и Екатерина только завершила дело, начатое Петром.

Как в свое время Петр I, Иосиф считал, что монахи, проводящие время в постах и молитвах, не приносят пользы обществу. Частью церковной реформы Иосифа II стал роспуск в 1782 г. монашеских орденов, в том числе францисканцев, доминиканцев, бенедиктинцев, если эти ордена не занимались просвещением, благотворительностью или научной деятельностью. Всего с 1782 по 1786 г. в одной только Венгрии было закрыто 134 мужских монастыря и 6 женских. Их имущество распродавалось на специальных аукционах, доходы от которых должны были поступать на общественные нужды. (Историкам еще предстоит оценить, сколько обладавших художественной ценностью или просто дорогих предметов церковной утвари было “утеряно” в ходе инвентаризации.) Смелая политика Иосифа вызвала такое беспокойство Ватикана, что папа Пий VI впервые со времен “авиньонского пленения” пап покинул Рим и отправился в Вену, чтобы в личной беседе с Иосифом II убедить его прекратить гонения на католическую церковь.

Однако император, о котором при жизни и после смерти клерикалы сочиняли злобные пасквили, живописавшие, как душа вероотступника Иосифа горит в аду, не забыл в ходе реформ законодательно регламентировать жалование низших категорий католического клира — приходских священников. Ведь именно благодаря их стараниям беднейшие слои населения получали элементарные навыки чтения, счета, письма, приближая тем самым мечту императора о всеобщем начальном образовании. Когда в январе 1790 г. смертельно больной Иосиф был вынужден отменить большинство своих реформ в Венгрии, в ряду трех знаменательных исключений был декрет о жаловании приходских священников.

Желание заставить каждого гражданина служить интересам государства изменило отношение просвещенных монархов к иным конфессиям. Политика веротерпимости прежде всего ассоциируется с именем Иосифа II. Его “толерантный патент” 1781 г. запрещал дискриминацию не католических христианских конфессий — протестантов и православных. Одним из следствий принятия патента стало нарушение многовековой монополии католиков на государственную службу. Тысячи энергичных протестантов, обучавшихся в лучших университетах Западной Европы (на территории монархии Габсбургов не было ни одного протестантского универ-

ситета), пополнили государственный аппарат, поставив свои знания и таланты на благо отечества. В том же 1781 г. иудеи получили право заниматься предпринимательской и коммерческой деятельностью, служить в армии, носить немецкие фамилии.

Для религиозной политики российского абсолютизма в XVIII в. также был характерен постепенный отказ от подавления церковного раскола с помощью карательных мер и переход к признанию старообрядчества и использованию его в фискальных целях и для развития экономики. Еще Петр III в 1762 г. разрешил раскольникам, бежавшим за границу, беспрепятственно вернуться в Россию и приказал прекратить все судебные и следственные дела о старообрядцах. При Екатерине II победа нового взгляда на отношение светской власти к различию вероисповеданий нашла отражение в указах начала 80-х годов, когда было официально запрещено религиозное преследование староверов и принят ряд мер, направленных на ослабление административно-юридической обособленности староверов¹³.

Несмотря на общие черты в своем развитии, российский и австрийский просвещенный абсолютизм отличались в одном принципиально важном вопросе. Иосиф был полон решимости воплотить "царство разума", как оно описано у философов Просвещения. Но он переоценил силу идей и не сумел создать новое общественное устройство путем "революции сверху". Екатерина не могла и не хотела следовать этой эгалитарной модели. Работа Уложенной комиссии (1767—1769), на которой представители различных социальных групп обсуждали проекты реформ российского законодательства, убедила императрицу в невозможности перенести просвещенные идеалы на неподготовленную российскую почву, где противоречия между отдельными социальными группами были непреодолимо глубоки. Решимость не предпринимать радикальных шагов лишь окрепла после пугачевского бунта (1774), поэтому в дальнейшем для достижения поставленных целей Екатерина предпочитала использовать уже существующее, а не создавать новое, пусть даже лучшее.

Как справедливо отметила венгерская исследовательница Э. Балаж, политика по отношению к крестьянству служит проверкой просвещенного абсолютизма как системы управления. Хорошо, если правитель берет на себя бремя ответственности за сельских тружеников, на чьих плечах покоится пирамида общественно-го здания. Но не менее ценно, когда государь вопреки интересам правящих классов, прежде всего дворянства, берет крестьян под свою защиту и стремится урегулировать их повинности перед помещиком¹⁴.

Мария Терезия исходила из того, что крестьянин должен быть

в состоянии не только обеспечивать себя и свою семью, но и пополнять государственную казну в мирное и военное время. В 1767 г. она фактически принудила венгерское дворянство юридически зафиксировать объемы барщины и других феодальных повинностей. В специальных книгах, так называемых “урбариях”, определялись размеры крестьянских держаний (в зависимости от качества земли), объемы натуральных, продуктовых и денежных повинностей, а также количество дней в году, которое крепостной был обязан отработать на барщине. Бремя феодальной эксплуатации осталось тяжелым, но по крайней мере закон определял пределы, за которые не мог простираться произвол помещика. В 1775 г., после крестьянского восстания в Чехии, императрица издала барщинный патент (Robotpatent), существенно ограничивающий крестьянский труд в австро-немецких землях монархии. В Венгрии же сопротивление дворянства даже умеренной урбаральной реформе заставило императрицу временно отказаться от ограничения барщины.

Опираясь на достижения предшествующего правления, Иосиф II смог пойти дальше, отменив личную зависимость крестьянства: в австро-чешских землях в 1781 г., в Венгрии — в 1785 (на Трансильванию эти меры не распространялись). Крепостные крестьяне получили личную свободу и свободу передвижения, право распоряжаться своим движимым имуществом, право на защиту своих интересов в суде, было запрещено употребление самого слова “крепостной”. Корни особой любви Иосифа к крестьянскому сословию — в теориях физиократов, утверждавших, что единственным богатством является земля, поэтому крестьянство, обрабатывающее землю, нуждается в заботе и заслуживает улучшения социального статуса. Не случайно особой популярностью в годы правления Иосифа II пользовалась картинка, изображающая императора идущим за плугом на глазах удивленной свиты и растерянного крестьянина. (Факт, действительно имевший место во время одного из путешествий Иосифа по Моравии.)

Екатерина II, напротив, не только не попыталась облегчить положение крестьянства, но даже даровала помещикам столь широкие полномочия в отношении крестьян, что крепостная зависимость стала в России синонимом рабства. Крестьян продолжали подвергать телесным наказаниям, за убийство крестьянина дворянин, как правило, отделялся церковным покаянием или заточением в монастырь, крестьян продолжали судить в особых судах и пр. Этот момент можно считать серьезным доводом против просвещенной государыни. Однако, выбрав своим союзником в проведении реформ дворянство, она должна была делать все, чтобы сохранить расположение этого сословия и прежде всего право распоряжаться землей и теми, кто ее обрабатывает.

Еще более разительным различие между Иосифом и Екатериной станет, если мы взглянем на их владение таким немаловажным орудием государей, как социальная демагогия. Кажется, что Иосиф был не просто полностью лишен способности применять этот талант на практике, но и делал все от него зависящее, чтобы любое его начинание производило наихудшее из возможных впечатлений. Младший брат Иосифа, хитрый, даже коварный эрцгерцог Леопольд в одном из своих секретных писем называл многие планы реформ императора “бездумными, деспотичными, исключительно глупыми”¹⁵. Достаточно вспомнить, как Иосиф игнорировал предостережения своих советников не рубить с плеча венгерские правовые традиции. Так, на просьбу не увозить одну из величайших венгерских святынь, символ государственности — святую корону — в Вену император ответил словами Горация: “Сдержите смех, друзья”¹⁶.

В цитированном выше письме Екатерины II к Потемкину есть такие строки о венгерской политике императора: “Если в чем его оправдать нельзя, то это в сем деле: сколько тут перемен было! То он от них все отнимал, то возвращал; то паки отнимал и паки возвращал”. И далее: “О союзнике моем я много жалею, и странно, как, имея ума и знания довольно, он не имел ни единого верного человека, который бы ему говорил, пустяками не раздражать подданных, теперь он умирает, ненавидим всеми”¹⁷.

Социальная демагогия — излюбленный прием Екатерины II. Сложено немало анекдотов о том, как она виртуозно демонстрировала это свое искусство по самым разным поводам. Вот характерный эпизод из мемуаров Джакомо Казановы. Итальянец во время аудиенции поинтересовался, почему Россия до сих пор не перешла на более точный григорианский календарь, от чего, верно, испытывает немало неудобств при контактах с Европой. На это Екатерина ответила: “Лучше допускать сию небольшую оплошность, чем нанести подданным моим великую обиду, убавив на одиннадцать дней календарь и тем самым лишив дней рождения или именин два или три миллиона душ, а пуще того — всех, ибо скажут, что по своему неслыханному тиранству я убавила всем жизнь на одиннадцать дней”¹⁸.

Рассмотренные выше особенности реформаторской деятельности двух правителей, традиционно причисляемых к просвещенным монархам, отнюдь не исчерпывают возможностей сопоставления этих ярких фигур европейской и мировой истории. Тем не менее приведенное сравнение их государственной философии, социальной базы, политики в отношении отдельных сословий и групп населения позволяет сделать следующие выводы.

Дух времени диктовал обращение обоих государей к филосо-

фии Просвещения, в которой они искали подтверждения своей ведущей роли в преобразовании государства и общества и находили постулаты, соответствовавшие если не их убеждениям, то государственным интересам (религиозная терпимость, смягчение наказаний, народное просвещение и т.д.). Необходимость преодоления относительной отсталости обусловила известное совпадение в экономической, социально-политической и культурной политике Иосифа и Екатерины. В то же время разная степень модернизированности Российской империи и Габсбургской монархии, структурные различия этих государственных образований стали причиной несовпадения методов и обусловили принципиально иной эффект от схожих по сути реформ. Наконец, специфику российского и австрийского просвещенного абсолютизма нельзя в полной мере оценить без учета особенностей характеров обоих государей.

К концу жизни Иосиф и Екатерина подошли с разным итогом. Иосиф II умер, "ненавидим всеми", оставив своему брату Леопольду державу, охваченную пламенем недовольства и изнуренную неудачной войной с турками. Екатерина II завещала сыну Павлу внешне процветающую и социально умиротворенную страну, прочно утвердившуюся в ряду великих европейских держав. И все-таки перемены, произведенные Иосифом II в общественном сознании, куда более значительны, чем все попытки Екатерины II любой ценой сохранить и консолидировать существующее общественное устройство, даже если этот путь вел в никуда. Возможности экстенсивного развития России к концу XVIII в. были исчерпаны. Александру I, хотя он и провозгласил преемственность с курсом своей бабушки, в ранних планах реформ пришлось искать более радикальные пути преодоления российской отсталости. Иосиф же во многих своих начинаниях опередил буржуазных реформаторов эпохи Великой Французской революции и предвосхитил либеральные реформы XIX в.

¹ Beales D. Joseph II. Cambridge, 1987. Vol. I (In the shadow of Maria Theresa, 1741–1780).

² Козлова Н.В., Кошман Л.В., Тарловская В.Р. Культура промышленного производства // Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1985. Ч. I. С. 177.

³ Белявский М.Т. Сословия и сословный строй // Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. II. С. 37–41.

⁴ Marczali H. Magyarország II. József korában. Budapest, 1888. Kötet II. 369–383. old. См. также: Хаванова О.В. Миклош Форгач: штрихи к портрету харизматического лидера // Центральная Европа в новое и новейшее время / Отв. ред. А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 69–86.

⁵ Цит. по: Русская старина. 1875. Т. 14, № 10. С. 224.

- ⁶ Melton van Horn J. Absolutism and the Eighteenth-century Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria. Cambridge, 1988. P. 219.
- ⁷ Митрофанов П.П. История Австрии. СПб., 1910. Ч. I. С. 123–124.
- ⁸ Белявский М.Т. Школа и образование // Очерки истории русской культуры XVIII века. Ч. II. С. 273.
- ⁹ Выдержки из документа приведены в: Wolf G. Das Unterrichtswesen in Oesterreich unter Kaiser Josef II: Nach einer Darstellung von J. v. Sonnenfels. Wien, 1880.
- ¹⁰ Сушков Н.В. Московский университетский Благородный пансион. М., 1848. С. 53, 58. О Терезианской академии в Вене см.: Entwurf des königlichen Collegii Theresiani. Wien, 1746. S. 2; Vorschriften für die Präfecten in der thesesianischen und savoyschen Akademie. Wien, 1780. S. 60–65.
- ¹¹ Balázs É. Felvilágosult abszolútizmus (1765–1790) // Magyarország története. 1686–1790. Budapest, 1989. IV/2. 1031. old.
- ¹² Вдовина Л.Н. Право и суд // Очерки истории русской культуры XVIII века. Ч. II. С. 173.
- ¹³ Шульгин В.С. Религия и церковь // Очерки истории русской культуры XVIII века. Ч. II. С. 374–375.
- ¹⁴ Balázs É. Op. cit. 1027. old.
- ¹⁵ Цит. по: Bodi L. Tauwetter in Wien: Zur Prosa der österreichische Aufklärung. 1781–1795. Frankfurt am Main, 1977. S. 156.
- ¹⁶ Marczali H. Magyarország története III. Károlytól a Bécsi kongresszusig (1711–1815). Budapest, 1898. 386. old. (A magyar nemzet története / Szerk. S. Szilágyi. VIII köt.)
- ¹⁷ Цит. по: Русская старина. 1875. Т. 14, № 10. С. 223–224.
- ¹⁸ Казанова Д. История моей жизни. М., 1991. С. 584.

Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года в политике России на Балканах

Кючук-Кайнарджийский договор России с Османской империей 1774 г., процесс его разработки, его содержание и значение были проанализированы в монографии Е.И. Дружининой, опубликованной более 40 лет тому назад¹. С тех пор появился ряд исследований, посвященных истории отдельных балканских народов в XVIII—XIX вв., их отношений с Россией. Рассматривались особенности российской политики в Восточном вопросе в эпоху Екатерины II. Но заслуживает дальнейшей разработки вопрос об особенностях российской политики того времени в отношении отдельных балканских народов, о влиянии Кючук-Кайнарджийского договора на принципы этой политики в дальнейшем, уже в следующем столетии.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. и заключение Кючук-Кайнарджийского мира создали важный рубеж в истории международных отношений Юго-Восточной Европы нового времени. Фактически именно тогда начал свое развитие так называемый Восточный вопрос — узел международных противоречий на Балканах и Ближнем Востоке, который на протяжении полутора столетий занимал видное место во внешнеполитических отношениях в Европе. Его составной частью являлась проблема дальнейшей политической судьбы народов во владениях османов в Юго-Восточной Европе.

В решении балканских проблем самое активное и непосредственное участие в этот длительный период принимала, как известно, Россия. В силу географического положения, экономических и стратегических интересов она проявляла нередко заинтересованность в изменении пресловутого статус-кво на Балканском полуострове, в то время как другие великие европейские державы обычно противились распаду одряхлевшей Османской империи.

В Петербурге нередко лелеяли экспансионистские замыслы в отношении своей южной соседки, рассчитывая в конечном счете закрепиться на берегах Босфора и Дарданелл или поставить их под свой контроль. Достигнуть всего этого можно было только в

результате коренной политической перестройки во владениях султанов и в первую очередь в балканских землях. Поэтому именно Россия стала той внешней силой, которая ускорила распад Османской империи и возникновение на ее обломках новых национальных государств².

Исход каждой из шести войн России с Османской империей, которые имели место на протяжении второй половины XVIII в. и в XIX в., влиял на судьбу национально поработанных балканских народов. Создание Греческого королевства, Сербского княжества, независимость Черногории и Болгарии, освобождение и объединение Дунайских княжеств — все это не только результат массового национально-освободительного движения подданных Порты, их самоотверженной вооруженной борьбы. Эти успехи поддерживались и обеспечивались русскими победами в войнах с Турцией, российской дипломатией. Они были оплачены немалыми материальными жертвами и кровью сотен тысяч русских солдат.

Победы, большей частью одерживаемые в этих войнах с Османской империей, никогда не были легкими и триумфальными. Они достигались в противоборстве с государством, которое, хотя и ослабло по сравнению с тем, чем была эта военно-феодалная держава в период своего расцвета в XV—XVI вв., оставалось еще достаточно мощным в военном отношении, обладавшим громадными материальными и людскими ресурсами. К тому же в международных конфликтах и войнах за спиной султанского правительства стояли обычно заинтересованные европейские кабинеты, в то время как Россия в своей восточной политике редко могла рассчитывать на союзников.

Две русско-турецкие войны, которые велись во время царствования Екатерины II (1768—1774 и 1787—1791 гг.), и война во время правления Александра I (1806—1812) обеспечили России значительные территориальные приобретения за счет турецких владений. В ее состав перешли Южная Украина, Крым, Бессарабия. Россия укрепилась на Черноморском побережье Кавказа и в устье Дуная.

После окончания наполеоновских войн и Венского конгресса, отстаивая принципы консерватизма и легитимизма, царское правительство фактически отказалось от дальнейшей территориальной экспансии в сторону балканских владений Порты. В этом вопросе оно исходило из нецелесообразности расширения государственных границ в юго-западном направлении, из опасения обострить противоречия с европейскими кабинетами. Планы, которые иногда строились на этот счет, являлись скорее дипломатическим зондажем, чем выражением реальных намерений. Вместе с тем до начала 30-х годов XIX в. Россия если и не отстаивала последова-

тельно задачу создания на месте турецких владений в Европе самостоятельных христианских государств, то считала такую перспективу вполне возможной и вполне благоприятной³.

На протяжении XVIII—XIX вв. российская политика в Юго-Восточной Европе прошла ряд этапов в своем развитии, менялись ее конкретные цели, методы, сфера интересов. Начало всем этим процессам, как представляется, положили русско-турецкая война 1768—1774 гг. и завершивший ее Кючук-Кайнарджийский мир.

Согласно условиям этого договора Черное море и проливы из этого моря в Средиземное были открыты для русского торгового судоходства, Россия начала закрепляться на Черноморском побережье. Приближение границ Российской империи к Балканскому полуострову само по себе создавало предпосылки для активизации ее политики в этом регионе. В Кючук-Кайнарджийском трактате содержались статьи, которые должны были облегчить выполнение этих сложных задач. Но в этом отношении русская дипломатия пошла по уже проторенной дороге.

Исходящее из христианского догмата о взаимопомощи единоверцев право европейских государств покровительствовать христианам, оказавшимся под игом мусульман в Османской империи, начало использоваться в политике европейских держав еще в XVI—XVII вв. Ватикан, Австрия, Франция вели на Балканах католическую пропаганду, их право покровительствовать католикам закреплялось в капитуляциях. Но такое покровительство могло относиться только к небольшому числу подданных султанов. Используя подобные прецеденты, российская дипломатия после окончания войны “Священной лиги” с Османской империей при переговорах в 1698 и 1700 гг. пыталась внести в мирный договор пункт о “свободе и вольности без всякого отягочения и лишних податей церквам божиим и монастырям, греческую веру имеющим”, и ту веру употребляющим народам (грекам, сербам, болгарам и др.)⁴. Это требование не было поддержано другими участниками переговоров.

Очевидно еще в конце XVII в. царское правительство приняло первые попытки установить свое политическое преобладание в европейских провинциях Порты, заявить о своем праве защищать интересы ее православных подданных, основывая такие требования на идеологических постулатах. Сделать следующие шаги в этом направлении оказалось возможным лишь много лет спустя, в эпоху правления Екатерины II.

Право России как великой православной державы покровительствовать своим единоверцам, находившимся под властью исламского государства, было сформулировано в Кючук-Кайнарджийском договоре 1774 г. не вполне ясно и определенно, но мог-

ло уже в этом смысле интерпретироваться. В нем фиксировалось обязательство Блистательной Порты предоставить "твердую защиту христианскому закону и церквам оного" (ст. 7). Оговаривались также свобода исповедания христианской религии и права православной церкви в Молдавии и Валахии, на Архипелажских островах (ст. 16, 17). Султанское правительство обязывалось дать разрешение на постройку в Стамбуле "публичной греко-российского вероисповедания церкви", которая "никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет" (ст. 14)⁵.

Эти статьи Кючук-Кайнарджийского договора давали основание считать, что получено международное признание права России покровительствовать православной церкви на Балканах. Тем самым подкреплялась доктрина о ее мессианской роли на Востоке, во владениях исламских государств, что являлось идеологическим обоснованием политики Петербурга в Восточном вопросе и иногда служило прикрытием экспансионистских планов в отношении Османской империи.

Приобретением Россией права покровительствовать православной церкви на Балканах не ограничивались условия мирного договора. Важнейшее значение имели условия гарантии автономных прав и привилегий, которыми в системе турецких владений издавна пользовались Дунайские княжества, фиксация обязательств Порты снизить налоговое бремя их населения и принимать представления российских посланников в Стамбуле в пользу княжеств (с. 16). Это было уже не покровительство со стороны России религии и церкви, а покровительство политического характера. Привилегии и автономные права двух турецких провинций впервые были гарантированы международным договором. Была создана возможность для русского правительства вмешиваться в отношения между Портой и ее подданными, во внутренние дела последних.

В договоре оговаривалось также позволение основывать российские консульства и вице-консульства во всех владениях Османской империи (ст. 11). Это создавало возможность для расширения контактов не только с представителями молдаван и валахов, но и других балканских народов.

Реальные перемены к лучшему, которые произошли после 1774 г. в положении турецких подданных-христиан (в частности греков, молдаван и валахов, о которых в Кючук-Кайнарджийском договоре содержались конкретные упоминания) не были столь значительными, как можно было бы ожидать. Дело в том, что султанское правительство всегда сопротивлялось выполнению договоров с европейскими странами, в том числе и с Россией, и особенно тех условий, которые касались ее христианских подданных.

Оно надеялось на реванш, на изменение соотношения сил в свою пользу и не собиралось без ожесточенной борьбы сдавать свои позиции врагам.

Что касается правительства Екатерины II, то оно, хотя и осознавало свой успех, не могло представить в полной мере то грандиозное значение, которое приобрел Кючук-Кайнарджийский мир для дальнейшей политики России в отношении Турции и балканских народов, для всей политики в Восточном вопросе.

В наше время, анализируя условия этого трактата, сопоставляя их с содержанием последующих русско-турецких договоров, можно прийти к выводу, что именно в 1774 г. была намечена та программа российской политики в Юго-Восточной Европе, которая достаточно последовательно осуществлялась в дальнейшем на протяжении многих десятилетий. Этому не мешало то обстоятельство, что не все требования российской стороны, выдвигавшиеся во время мирных переговоров еще в 1771 г., были удовлетворены (например, относительно предоставления независимости Молдавии и Валахии)⁶, а буквальный смысл статей договора лишь при большом желании мог быть интерпретирован как право России на покровительство и защиту интересов всех своих единоверцев.

Непосредственным результатом победоносной для России войны с Турцией 1768—1774 гг. была активизация ее политики в Восточном вопросе, расширение русско-балканских политических и культурных контактов.

Еще в ходе войны некоторые сподвижники императрицы (Г.А. Потемкин, Н.И. Панин) начали выдвигать экспансионистские планы в отношении Османской империи. Предполагалось добиться присоединения Крымского ханства, закрепиться в Северном Причерноморье, установить экономическое и политическое преобладание России в бассейне Нижнего Дуная путем создания буферного государства в составе Молдавии и Валахии, “приготовить греков и других единоверцев, турками поработенных, к упованию их освобождения”⁷.

В силу благоприятно складывавшейся международной обстановки конца 1770-х — начала 1780-х годов Петербург активизировал свою политику в отношении Турции, экспансионистские замыслы начали осуществляться — в 1783 г. к России был присоединен Крым. Как многие считают, эта успешная акция была облегчена переговорами Екатерины II с австрийским монархом Иосифом II, их перепиской относительно судьбы турецкого наследства в случае падения империи османов.

В знаменитом “Греческом проекте” намечалась политическая перестройка балканских владений Порты. Прежде всего выдвигалась далеко не новая идея воссоздания греческой империи под

скипетром представителя династии Романовых, но при условии невозможности унии между Россией и новым греческим государством, и самостоятельного государства Дакии, в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии. Значительная часть южнославянских земель — часть Сербии, Босния, Далмация — должна была перейти к Австрии. Франция в виде компенсации получила бы Египет. В случае осуществления “Греческого проекта” Россия как будто не делала значительных территориальных приобретений (о ее намерении присоединить Крым, вскоре осуществленном, умалчивалось), но получила бы свободный выход из Черного в Средиземное море, что было главной задачей, а также обеспечила бы себе политическое преобладание в новых балканских государствах⁸.

Договоренность с Австрией на случай возникновения новой войны с Османской империей и ее падения в какой-то степени облегчила подготовку к присоединению Крыма. В дальнейшем “Греческий проект” практически сошел с повестки дня, но сохранил свое значение в русско-австрийских отношениях. Так, в секретной декларации о союзе России и Австрии 1795 г. говорилось, что в случае “общей” войны двух государств с Османской империей намеченный в переписке Екатерины II с австрийским государем “план” должен быть “вполне исполнен... насколько позволят обстоятельства”. При этом особо упоминалось о создании независимого государства в составе Валахии, Молдавии и Бессарабии⁹.

Можно заметить, что идеи “Греческого проекта” оказали влияние на политику русского правительства в отношении отдельных балканских народов в 80—90-е годы XVIII в. Прежде всего это выразилось в демонстративно эллинофильских тенденциях этой политики, в то же время отражавшей практическую заинтересованность Петербурга в привлечении симпатий греков. Такая задача возникла и из-за предшествующих событий.

В ходе войны 1768—1774 гг. и российской экспедиции А.Г. Орлова на Архипелаг началось восстание в Морее (Пелопоннес), которое после ухода эскадры было немилосердно подавлено турками. Поскольку к восстанию греков призывало российское командование, они, надеясь на помощь великой православной державы, испытали сильное разочарование. Рассеять такие настроения должна была популяризация дальнейших освободительных планов русского правительства, его эллинофильских устремлений. Петербург искал опору в Константинопольской патриархии, среди близких к ней фанариотов, среди торгово-ростовщического слоя, поддерживал с ними политические контакты, рассчитывая сделать их проводниками своего политического влияния на балканские народы. Характерно, что идея возрождения греческой империи полностью совпадала с чаяниями этих социальных групп. Они

мечтали воссоздать давно прекратившую существование балкано-азиатскую средневековую державу — Византийскую империю, что в конце XVIII в. было совершенно нереальным и противоречило интересам других народов Юго-Восточной Европы, уже формирующихся в нации.

Условия Кючук-Кайнарджийского договора и тот факт, что в переговорах о судьбе балканских владений Порты предусматривалось создание независимого румынского государства — Дакии, обусловили необходимость для правительства Екатерины II предпринимать активные дипломатические акции, защищая автономные права Дунайских княжеств, добиваясь расширения их привилегий.

Деятельность российской дипломатии по проблемам, касавшимся Дунайских княжеств, определялась общими методами и приемами борьбы вокруг Восточного вопроса. После 1774 г. был взят курс на мирные отношения с Портой и решение всех проблем дипломатическими средствами. Такого рода давление на султанское правительство с конца 70-х годов было почти постоянным, оно усилилось с 1784 г., когда после присоединения Крыма вопрос о Молдавии и Валахии приобрел в российской политике первостепенное значение. Но его решение все время отодвигалось в силу неблагоприятной международной обстановки. Порта постоянно нарушала взятые на себя обязательства в отношении Молдавии и Валахии. Петербург добивался отмены чрезвычайных податей и повинностей с населения, стабильной власти господарей и ограничения роли греков-фанариотов в управлении княжествами при расширении прав местных бояр, возврата боярам и духовенству захваченных турками земель. В 1779—1781 гг. в Молдавии и Валахии было создано генеральное консульство, которое, помимо своей официальной деятельности, занималось политическими вопросами, информировало Петербург о внутреннем положении княжеств, о политике Порты и европейских держав. Все это способствовало возрастанию авторитета и влияния России среди местного населения, среди боярства и духовенства¹⁰.

В последней четверти XVIII в. активизировались политические и культурные контакты России с сербами и черногорцами. Этому способствовало переселенческое движение из турецких и австрийских владений в Россию на слабо освоенные земли Северного Причерноморья и Южной Украины, что поощрялось правительством Екатерины. Немало сербов и черногорцев было принято на государственную и военную службу. Расширялись связи по церковной линии, особенно с Карловацкой митрополией. Сербов часто отправлялись на обучение в Киев, оттуда в югославянские земли привозились церковные книги и утварь¹¹.

Несмотря на все это, можно заметить, что политика прави-

тельства Екатерины II в отношении южнославянских земель отличалась от курса, взятого по отношению к Дунайским княжествам, и это тоже являлось следствием условий Кючук-Кайнарджийского договора. В нем не было речи конкретно о болгарях, сербах или черногорцах. Их этнической близости с русским народом не придавалось особого значения. Политические интересы православной славянской державы на Балканах оставались ограниченными. Однако право покровительствовать своим единоверцам, защищать интересы православной религии систематически отстаивалось дипломатическими средствами. Так, например, назначенный в 1775 г. посланником в Константинополь Н.В. Репнин получил инструкцию зорко следить, “дабы единоверные нигде утесняемы не были по причине их исповедания”, ходатайствовать за интересы православной церкви, требовать поправления храмов¹².

На политику Петербурга в отношении сербов и черногорцев влияли также внешнеполитические факторы и прежде всего дружеские и союзнические отношения с Веной. Австрии старались не давать поводов к каким-либо подозрениям, будто Россия имеет виды на ее южнославянские владения или намерена установить в регионе Юго-Восточной Европы свое политическое преобладание.

По мнению некоторых югославских историков, определенное влияние на политику России в отношении Черногории в 1780-е годы оказали условия “Греческого проекта”, ибо часть территории с сербским населением, Черногорию, предполагалось передать Австрии. В этом ищут причину охлаждения отношения Екатерины II к черногорцам¹³.

Черногорскому митрополиту перестали выплачивать денежное пособие, введенное еще при Петре Великом. Причины этого многообразны. Так, немалую роль сыграло появление в Черногории в 1766 г. светского правителя-авантюриста Степана Малого, выдававшего себя за русского императора Петра III. Возникший в связи с этим конфликт был вскоре урегулирован. С началом войны в 1768 г. черногорцев призвали оказывать помощь российским войскам, и они откликнулись на этот призыв. Но отношения остались холодными. В 1782 г. Петру Негошу, уже фактически являвшемуся правителем Черногории, запретили приехать в Россию для посвящения в сан архимандрита, а три года спустя его выдворили из Петербурга без объяснения причин.

Предполагается, что в этой скандальной истории замешаны бывший фаворит императрицы Зорич, Потемкин или недоброжелатели владыки среди сербских выходцев, проживавших в России. Но не лишено оснований утверждение, что на русско-черногорские отношения того времени влиял и “Греческий проект”.

Российская политика в отношении южнославянских народов в

эпоху Екатерины II в какой-то мере подтверждает предположение, что идея создания греческой империи во главе с представителем династии Романовых мыслилась как достаточно реальная перспектива. К ее осуществлению, хотя бы и не в столь близком будущем, велась определенная подготовка. Может быть, именно поэтому при прокламировании задачи воссоздания греческого государства предавалась забвению необходимость возрождения и государства славянского. Национальные различия, политические интересы каждого из балканских народов не учитывались.

Такой характер российской политики в отношении балканских народов, исходившей из государственных и династических интересов, предававшей забвению реальное положение в землях Юго-Восточной Европы, находившихся под властью Османской империи, Австрии и Венеции, соответствовал духу дореволюционной эпохи.

Задачи политики России в отношении Турции и балканских народов претерпели изменения в годы новой войны с Портой 1787—1791 гг., которая в 1788—1790 гг. велась в союзе с Австрией и протекала в условиях тяжелой международной обстановки.

На первое место в это время снова выдвинулась проблема Дунайских княжеств. На обсуждение Государственного совета в ноябре 1787 г. был представлен план начавшейся войны, в котором предусматривалось объединение княжеств Молдавии и Валахии в одно независимое государство, установление границы с ним по Днестру. Предполагалось организовать наступление российских войск в направлении к Константинополю. Вскоре императрица обратилась к жителям Молдавии и Валахии с манифестом, призвав их создавать ополчение и содействовать российским войскам при их действиях на территории княжеств. В манифесте давалось обещание освободить турецких христиан от ига “агарян”, что и объявлялось задачей войны¹⁴.

Грамоты с призывом к антитурецким выступлениям в начале 1788 г. были направлены славянским народам Балканского полуострова — сербам и черногорцам. В них сообщалось, что две российские армии и морские силы вступят “в пределы нам единоверных”, чтобы “изгнать турок и утвердить безопасность христианскую”. “Вспомняв дела славные предков ваших, нам единоплеменных, соберитесь единодушно, идите на встречу наших полков... и содействуйте всеми вашими силами нашему оружию на поражение повсеместно турков”, — говорилось далее¹⁵.

Призывы помогать своим войскам распространяла на Балканах и Австрия. Все эти призывы получили больший или меньший отклик в Сербии, Черногории, Албании, греческих землях. Сербский “фрайкор” активно действовал совместно с австрийскими войсками, военные акции самостоятельно вели черногорцы, про-

изошли локальные выступления греков и албанцев, греческие моряки противостояли на Средиземном море турецкому флоту. Екатерина фактически шла навстречу стремлениям Вены овладеть Сербией, Боснией, Далмацией, что предусматривалось еще в условиях "Греческого проекта". Переход населенных сербами земель в состав государства Габсбургов в случае его победы в войне представлялся и сербским предводителям, участникам "фрайкора", благоприятной и реальной перспективой.

Ни Австрия, ни Россия не смогли осуществить свои широкие экспансионистские планы в этой войне. Первая в 1790 г. заключила Систовский сепаратный договор с Османской империей, бросив на произвол судьбы сербских добровольцев. Россия была вынуждена вступить в войну со Швецией и из-за враждебной позиции Великобритании не смогла осуществить морскую экспедицию в Средиземноморье. Ясский мир, заключенный в самом конце 1791 г., дал России ценные территориальные приобретения — земли между Бугом и Днестром с крепостью Очаков. Добиться же провозглашения независимости Дунайских княжеств, к чему упорно стремилось правительство Екатерины II, снова не удалось. Но условия Кючук-Кайнарджийского договора и последовавших за ним дипломатических актов были подтверждены, а тем самым упрочены преимущества, завоеванные Россией еще в 1774 г.

Великая Французская революция отодвинула на задний план восточные планы Екатерины II и некоторых ее сподвижников, коренным образом изменила расстановку сил великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Вскоре Левант стал ареной ожесточенной борьбы между наполеоновской Францией и ее основными противниками — Великобританией и Россией. Последняя в конце 1798 г. заключила союзный договор с Османской империей и начала отстаивать целостность и неприкосновенность владений своей южной соседки, рассчитывая таким путем воспрепятствовать осуществлению агрессивных планов наполеоновской Франции на Балканах и Ближнем Востоке.

Но и в новую эпоху истории европейских, в том числе и балканских, народов, наступившую после Французской революции, права и преимущества, полученные Россией по Кючук-Кайнарджийскому договору с Османской империей, не потеряли своего значения. Наоборот, они стали как бы опорой в дипломатической борьбе вокруг балканских проблем и постоянно использовались при проведении курса политики в отношении Турции и ее подданных-христиан. Конкретно это сводилось к следующему: во-первых, очень нечетливо сформулированное в договоре право защищать интересы христианской религии и церкви в турецких владениях получило расширительное толкование и дало основание вы-

двигать перед Портой требования об улучшении общественно-политического положения балканских православных народов, о проведении реформ и т.д.;

во-вторых, гарантия Россией привилегий и автономии Молдавии и Валахии создала прецедент для установления подобного же статуса других турецких провинций;

в-третьих, консульства и вице-консульства, которые основывались в балканских городах и на островах Восточного Средиземноморья в соответствии с условиями Кючук-Кайнарджийского договора, хотя официально имели назначение содействовать интересам русской торговли, фактически использовались и в политических целях. Они стали удобными и надежными каналами для непосредственных контактов с представителями балканских народов, для поддержания и распространения русского влияния.

Необходимо учитывать, что права и преимущества России на Балканах, приобретенные по Кючук-Кайнарджийскому договору, проводились в жизнь в условиях, весьма отличных от тех, в которых возник этот трактат. С течением времени менялись цели и характер внешней политики России. Коренные сдвиги происходили в общественно-политической жизни всех европейских народов. Революционные события в Европе, в том числе и на Балканах, приводили к существенным переменам в международной обстановке. Наибольшее значение в этом отношении имели национальные революции в Сербии и Греции, а позднее вооруженная борьба за освобождение болгар, босняков и герцеговинцев и других народов.

Русское правительство должно было считаться со всем этим, приспособлять свои акции к новым условиям, к требованиям, которые выдвигали подданные Порты в ходе освободительной борьбы. Вследствие всего этого модифицировались непосредственные задачи российской политики на Балканах, намеченные в Кючук-Кайнарджийском договоре, менялись сферы ее активности.

Так, если в 70—90-е годы XVIII в. русские интересы сосредоточивались прежде всего в Дунайских княжествах, на юго-западных окраинах Балканского полуострова и островах Эгейского моря, т.е. в греческих землях, то после начала наполеоновских войн сфера активности Петербурга распространилась на Ионические острова, на Черногорию. А восстание в Белградском пашалыке, начавшееся в 1804 г., заставило правительство Александра I активизировать политику в отношении сербов. Тильзитский мир положил конец политическим контактам с Ионическими островами, с Черногорией. Но ввиду русско-турецкой войны 1806—1812 гг. внимание России концентрировалось в повстанческой Сербии, Молдавии и Валахии, в северной части болгарских земель, ставших театром военных действий.

Грандиозная многонациональная империя османов была обречена, что понимали тогдашние политики. В XIX в. кусок за куском от нее откалывались окраинные, периферийные области. Но распад этого отживавшего свой век государства был процессом длительным и постепенным. В ходе его все заметнее становился тот факт, что общественно-политическое развитие народов Юго-Восточной Европы идет не в направлении их этносоциального объединения, а по линии формирования самостоятельных наций и создания национальных государств.

Это практически стало учитываться в Петербурге в XIX в., но в период правления Екатерины II еще не осознавалось, отношение к каждому из этих народов слабо дифференцировалось. Они представлялись как бы общей массой православных христиан, страждущих под игом мусульман, — “греков”, по терминологии того времени, — что реально отражало общность социально-политического и экономического положения этих народов под властью Османской империи. Но по мере того, как из состава Османской империи выделялись автономные и независимые государства, русская политика стала преследовать различные цели и проводиться различными методами в Сербии и Черногории, Греции, Румынии или Болгарии.

Вместе с тем русская политика в отношении разных балканских народов и стран имела общие черты, ибо проводилась всегда под лозунгом помощи великой православной державы своим единоверцам. И во время войн с Османской империей, и в ходе дипломатической борьбы в Восточном вопросе это служило идеологическим обоснованием внешнеполитических акций, встречало поддержку внутри страны. Более того, право поддерживать единоверцев не оспаривалось общественным мнением Европы, хотя правительства великих держав всегда оспаривали использование Россией своих преимуществ в этом отношении. А главное, само население Европейской Турции уповало на свою защитницу. Ее укрепление и расширение порождало гордость и надежды, военные успехи русских воспринимались как свои успехи, как торжество своей религии.

Во время войн с Османской империей Россия более или менее последовательно добивалась предоставления независимости различным национальным областям на Балканах, а в периоды мирных отношений чаще всего пыталась дипломатическими средствами склонить Порту предоставить автономию таким областям.

Автономия эта в различное время мыслилась неодинаково, и введение ее преследовало различные цели. Внося в Кючук-Кайнарджийский договор условие о гарантии автономии Дунайских княжеств, русская сторона рассчитывала создать наиболее благо-

приятные условия для закрепления там своего влияния. При этом появлялась повышенная заинтересованность в наибольшем обособлении этих турецких провинций, так как имелась в виду перспектива их полного выделения из состава Османской империи. Поэтому в ходе мирных переговоров российская дипломатия пыталась опереться на имевшийся прецедент — Дубровницкую республику, уже несколько столетий существующую фактически самостоятельно, но находящуюся формально под верховной властью султанов¹⁶. Такое уподобление было отвергнуто турецкой стороной и не вошло в окончательный текст договора, но перспектива создания таких политических единиц на месте турецких владений сохранилась.

Моделью этого специфического статуса 25 лет спустя стала Республика Семи Соединенных островов. Ее международный статус был установлен русско-турецким соглашением 1800 г. На основании этой конвенции на Ионических островах создавалась республика, которая лишь формально признавала верховную власть султана. Решающая роль во внутреннем управлении республики, в подготовке ее конституции вплоть до 1807 г. принадлежала России¹⁷.

Ионическая республика в свою очередь создала прецедент. В 1804—1812 гг. российские государственные деятели строили планы создания на территории континентальной Греции, в Сербии, Черногории, Герцеговине, Далмации автономных или почти полностью независимых государств, аналогичных Дунайским княжествам или Республике Семи Соединенных островов. Такие государства должны были стать заслоном против дальнейшей экспансии наполеоновской Франции на юго-восток Европы¹⁸.

Таким же путем правительство Александра I рассчитывало решить сербский вопрос в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Однако ввиду тяжелой международной обстановки — Бухарестский мирный договор с Османской империей был подписан за месяц до начала Отечественной войны 1812 г. — условие об автономии Сербии было сформулировано не вполне конкретно и недостаточно гарантировано. Сам же факт внесения такого пункта в международный договор в дальнейшем сыграл важную роль в борьбе сербов за политическую самостоятельность.

Провозглашенные на Венском конгрессе принципы консерватизма и легитимизма как основы международных отношений в Европе были фактически распространены и на Османскую империю. Но именно в это время русско-турецкие договоры, начиная с Кючук-Кайнарджийского, получили важное значение для практического осуществления балканской политики. Не нарушая легитимистских принципов, они давали основания требовать от Порты выполнения их условий. В российских дипломатических документах,

особенно после начала Восточного кризиса 1820-х годов, ссылки на необходимость выполнения условий в отношении балканских народов Кючук-Кайнарджийского договора неизменно выступают обоснованием требований к Порте¹⁹.

Принцип предоставления автономии отдельным национальным территориям в составе турецких владений рассматривался в Петербурге как компромиссный способ решения балканских проблем, ибо он формально не нарушал интересы противников России на международной арене и самого султанского правительства. Он был использован Александром I и при решении греко-турецкого военного конфликта. Так, в 1824 г. российская дипломатия выдвинула идею создания в повстанческой Греции трех небольших самоуправляющихся княжеств, подобных Дунайским²⁰. Это предложение было отвергнуто и повстанцами, и Портой. Но три года спустя под давлением упорной борьбы греков за свободу, привлечшей внимание и сочувствие всей европейской общественности, Россия, Великобритания, к которым вскоре присоединилась и Франция, решили добиваться “умиротворения” Греции путем предоставления ей не полной независимости, а широкой автономии.

Обязательства Порты в отношении автономии трех придунайских княжеств — Сербии, Молдавии и Валахии — были включены в Отдельные акты Аккерманской конвенции 1826 г., а после окончания новой русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в Адрианопольский мирный договор. В нем принцип политической и административной автономии как половинчатого, но в какой-то мере приемлемого для всех сторон решения балканских проблем был проведен наиболее широко и гарантирован намного надежнее, чем в предшествующих русско-турецких договорах и соглашениях. Примечательно, что Греция по условиям Адрианопольского мира также получила широкую автономию, а не полную независимость, хотя это было лишь дипломатическим маневром со стороны правительства Николая I и несколько месяцев спустя Греция получила полную независимость. Ход решения греческой проблемы по существу доказал, что от автономии до полной независимости иногда может быть лишь один шаг.

Принцип предоставления автономии отдельным провинциям в балканских владениях османов был болезненным и медлительным, но наиболее реальным способом завоевания национальной независимости подданными Порты. Он стал вновь выдвигаться русским правительством на международной арене после поражения в Крымской войне, во второй половине 50-х, в 60—70-е годы XIX в. и, как известно, был применен для решения болгарской проблемы. Но в это время сами русские дипломаты уже не верили, что автономия в составе Османской империи может удовлетво-

рить болгар и другие народы, боровшиеся за полное национальное освобождение²¹.

Итак, на протяжении более чем 100 лет Россия в своей политике на Балканах использовала те или иные преимущества, приобретенные впервые по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору. Его значение в российской внешней политике не ограничивалось конкретным содержанием. Он явился как бы исходным пунктом того политического курса, который стал проводиться в отношении Турции и ее подданных-христиан на протяжении многих десятилетий.

Даже самый выгодный договор с Османской империей иногда оставался на бумаге или терял свое значение спустя несколько лет. Так случилось, например, с договорами о союзе 1798, 1805 гг., с Ункяр-Искелесийским трактатом (1833 г.). В противоположность этому условия Кючук-Кайнарджийского мира, хотя и с большими трудностями для русской дипломатии, служили интересам политики Петербурга на Балканах очень долго.

Не меньшее значение имел Кючук-Кайнарджийский мир для народов Юго-Восточной Европы, которые использовали русско-турецкое противоборство для осуществления своих национальных задач.

Именно начиная с последней четверти XVIII в. эти народы один за другим начали выходить на международную арену, опираясь на дипломатическую, военную или просто моральную поддержку державы-покровительницы. Продвижение российских владений к Черному морю, присоединение Крыма — все это усиливало надежды на близкое сокрушение империи османов, распространяло представления о мессианской роли России на Балканах, неуклонно вело к расширению русско-балканских общественно-политических связей. Причиной всего этого было то обстоятельство, что стремление России ослабить или разрушить Османскую империю, а это являлось, хотя зачастую и скрытой, но главной стратегической задачей Петербурга, совпадало с интересами национально-освободительной борьбы балканских народов, содействовало ее успеху.

Но международная обстановка в Юго-Восточной Европе в XIX в. неуклонно менялась. Роль религиозной общности как основания для опоры на Россию снижалась после создания на месте балканских владений Порты автономных или независимых национальных государств. Влияние в них великой православной державы падало, вытеснялось другими государствами. Во второй половине XIX в. Кючук-Кайнарджийский договор окончательно потерял свое значение для русской политики в Восточном вопросе.

- ¹ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (Его подготовка и заключение). М., 1955.
- ² О российской политике в Восточном вопросе см. последние исследования: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978; История внешней политики России: Первая половина XIX века. М., 1995; История внешней политики России: Вторая половина XIX века. М., 1997; Достян И.С. Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972; Международные отношения на Балканах. 1815—1830 гг. М., 1983; Международные отношения на Балканах. 1830—1856 гг. М., 1990; Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. М., 1986; Александр I, Наполеон и Балканы // Балканские исследования. М., 1997. Вып. 18, и др.
- ³ Достян И.С. Указ соч. С. 338—346.
- ⁴ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1868. Т. IX. Стб. 207, 235—239; Очерки истории СССР: Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 455, 458.
- ⁵ Кючук-Кайнарджийский мирный договор опубликован: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. XIX. С. 957—977. В упомянутой выше книге Е.И. Дружининой договор приводится по современной копии, отличной от текста, публикуемого ранее (с. 349—360).
- ⁶ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 243—244.
- ⁷ Русский архив. 1867. Стб. 1012—1013.
- ⁸ Там же. 1880. Кн. 1. С. 281—291.
- ⁹ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. СПб., 1875. Т. II. С. 244—245; Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798—1807. М., 1962. С. 54.
- ¹⁰ Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1774—1806. Кишинев, 1975. С. 173—175.
- ¹¹ Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982; Лециловская И.И. Сербская культура XVIII века. М., 1994.
- ¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1966. Т. XV(29). С. 165.
- ¹³ См., например: Чубриловић В. Црна Гора и аустро-руски договор о поделе Турске 1782 године // Глас Српске Академије. 1961. ССЛ (10). С. 171—195; Лучић Ч. Митрополит Петар први Петровић. Титоград, 1991. С. 29—30.
- ¹⁴ Гросул Г.С. Указ. соч. С. 91—93.
- ¹⁵ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 334—336.
- ¹⁶ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 243—244.
- ¹⁷ Станиславская А.М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века: Политика России в Ионической республике. 1798—1807. М., 1976.

- ¹⁸ Александр I, Наполеон и Балканы. С. 127.
- ¹⁹ См., например: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. М., 1980. Сер. II. Т. IV (XIII). С. 119, 209, 377; То же. М., 1995. Сер. II. Т. VIII (XVI). С. 67, 196, 290.
- ²⁰ Достян И.С. Указ. соч. С. 235–236.
- ²¹ Зуева Н.В., Шатохина Е.М. Русские проекты реформ в Европейской Турции в 1867 г. // Третий международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы: Доклады и сообщения советской делегации. М., 1974.

Мечтания и действительность: о греческих проектах Екатерины II и Александра I*

Вероятно, без риска ошибиться можно сказать, что самое знаменитое в истории письмо принадлежит царице Екатерине II. Она адресовала его 10(22) сентября 1782 г. австрийскому императору Иосифу II и посвятила разделу европейских владений Османской державы. Мировую известность письмо получило под названием “Греческого проекта”.

В историографии проект зачастую рассматривался как документ, свидетельствующий об экспансионистских замыслах самодержавия на Балканах.

Экспансионизм в загадочном XVIII веке, когда идеи Просвещения мирно уживались в умах людей с унаследованными от средневековья представлениями, считался нормальным аксессуаром всякого сильного и уважающего себя государства. Такой представитель просвещенного абсолютизма, как прусский король Фридрих II, в своем политическом завещании наставлял наследников: “Каждый великий государь имеет желание расширить свое господство”¹. Другой выдающийся просвещенный монарх, адресат Екатерины Иосиф II во внешних делах выступал откровенным хищником. Он живо откликнулся на письмо царицы и наметил себе при развале державы османов в качестве приобретений крепость Хотин с округою в Бессарабии, Малую Валахию до реки Олт, сербские земли по Дунаю, включая Белград, Далматинское побережье Адриатики².

О балканских замыслах Екатерины следует сказать особо. Тонкий знаток имперской политики России, профессор Алабамского университета (США) Хью Рэгсдейл употребил фразу, над которой стоит задуматься. Он пишет о “репутации агрессивности, оставленной внешней политике России Петром I и Екатериной II”³. А репутация создавалась путем определенной интерпретации, на наш взгляд, тенденциозной, некоторых важнейших российских внешнеполитических документов, к которым, несомненно, относится и “Греческий проект”.

* В основу статьи положено выступление В.Н. Виноградова на международной конференции “Российское присутствие на Ионических островах” (Керкира, остров Корфу, март 1998 г.)

Екатерина в нем ничего из балканских земель не требовала непосредственно “для себя”, как то делал Иосиф II в своем ответе. Она не посягала ни на клочок земли на полуострове. Она писала о создании на развалинах Европейской Турции двух государств — Дакийского и Греческого. О последнем сказано: “Ваше императорское величество не откажет мне в поддержке в восстановлении Греческой монархии на обломках рухнувшего варварского правления, здесь господствующего, при вполне определенно выраженном с моей стороны условии — сохранять эту восстановленную монархию в полной независимости от моей, утвердив там моего младшего внука, великого князя Константина, который, в свою очередь, обязуется в то же время никогда не претендовать на российскую монархию. Эти монархии не могут и не должны объединяться”⁴.

Я далек от того, чтобы идеализировать Екатерину. Проект, несомненно, был навеян эгоистическими мотивами, слово “независимость” следует взять в кавычки; конечно же, царица рассчитывала установить в Греческой империи доминирующее влияние самодержавия. Но расчет, в долговременном плане, был построен на песке. Вся история Европы свидетельствует о том, что родственные связи отнюдь не влекли за собой тесное политическое сотрудничество и тем более зависимость. Кто ныне вспоминает французское происхождение династии Бурбонов в Испании и Бернадотов в Швеции? Они давно уже стали символом национальных начал и принципов в той и другой стране. Существует своего рода традиция служения монарха принявшей его стране, и сама Екатерина являлась ее живым воплощением: одна Россия, только Россия, в служении ей — смысл царствования. Так что фактор утверждения любимого внука Константина на греческом престоле даже гипотетически не означал в долговременном аспекте утверждения в Элладе влияния царизма. Остается добавить, что реально ни малейшего шанса на образование тогда Греческой империи не существовало.

Екатерина II, подобно многим своим современникам, заблуждалась, полагая, что дни державы османов сочтены. Поэтому в целом “греческий проект” носил характер фантастический, заоблачно-мечтательный, навеянный постоянными внешнеполитическими успехами и не без влияния охватившей Европу грекомании, которой в полной мере отдавала дань Екатерина. Эта черта проекта давно отмечена в отечественной историографии⁵. Но он содержал реальное зерно, из которого в дальнейшем произошла вся балканская стратегия России. И этим зерном являлась идея о возрождении государственности христианских народов Балкан, освобождении их от османской зависимости. В дальнейшем на международной арене столкнулись два курса: австрийский, а позднее — авст-

ро-венгерский, направленный на прямой захват земель в регионе, и российский, заключавшийся в отколе от Турецкой державы куска за куском и образовании там сперва автономных, а потом и независимых государственных единиц.

Ближайшие же годы показали, что в проекте было навеяно мечтаниями, а что вошло в стратегический арсенал российской дипломатии. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. о проекте как бы забыли. На Балтике готовилась экспедиция в Средиземное море — подвиги эскадры А.Г. Орлова и Г.А. Свиридова за 20 лет до того были на памяти у всех. Вспыхнувшая война со Швецией помешала осуществить план. Но загодя были заготовлены документы, об одном из которых — воззвании к христианам—обитателям балканских земель — здесь нужно упомянуть. “Отнюдь нет намерения нашего, — объявляла в нем государыня, — присвоить сие под обладание наше, а все желания наши к тому устремлены, дабы доставить им свободу полную в исполнении веры их и отправлении публичных обрядов оной и восстановить гражданскую вольность и безопасность”. Жителей следовало не приводить к присяге, а брать с них клятву, что они “за веру и вольность свою подвизаются”⁶.

Итак, балканцев не под скипетр империи Всероссийской подвели, а призывали бороться за освобождение.

Россия, ее флот, армия и дипломатия активно способствовали образованию в 1800 г. первого очага возрождаемой греческой государственности — Республики Семи Соединенных островов, или Ионической⁷. Можно и даже должно критически относиться к деятельности отдельных лиц — адмирала Ф.Ф. Ушакова, В.С. Томары, Г.Д. Мочениго, — анализировать степень предоставленного островам суверенитета и недостатки обговоренного в Петербурге и Стамбуле государственного устройства. Но сам факт весомого и, в плане внешнеполитического, решающего участия России в начавшемся процессе возрождения эллинской государственности сомнению не подлежит.

Звездный час греков наступил в 1821 г., когда их революция всколыхнула Европу. Для царя Александра I восстание явилось неожиданностью. Он сам сковал себя идеологическими цепями Священного союза, выступавшего против любого посягательства на права легитимных монархов, к разряду которых принадлежал в глазах тогдашней Европы и султан.

Российская дипломатия с ног сбилась, пытаясь добиться координированного вмешательства держав в пользу греков; партнеры дальше выражений сочувствия не шли.

В январе 1824 г. российское ведомство иностранных дел составило “Мемуар об умиротворении Греции”. Авторы его, исходя

из того, что Турция никогда не согласится на политическую независимость Греции, предлагали, как “среднее средство”, образовать в континентальной Греции три княжества: северное, западное и южное⁸.

Упоенные своими военными успехами, повстанцы оскорбились: “ноту с Севера” они называли “несправедливой и жестокой” и заявили, что “предпочтут славную смерть позорной судьбе”. “Разве можно сегодня сомневаться, что греки достойны независимости?” — гласил их ответ⁹.

Никто не сомневался, но никто и не помогал. Ознакомившись с греческой реакцией на российский демарш, глава Форин оффис Джордж Каннинг заявил, что всякое вмешательство в греко-турецкий конфликт несвоевременно и бессмысленно — стороны в пылу сватки все равно не обратят внимания на советы разума¹⁰.

Но военное счастье переменчиво как ветер. Со вторжением египетских войск в Морею в 1825 г. ситуация изменилась не в пользу греков. Они просили Великобританию о покровительстве. В ответ последовал вежливый, но не вызывавший сомнений отказ по существу. Ввязываться в конфликт с Высокой Портой, а тем более вступать с нею в войну во имя освобождения Греции Лондон не собирался. Крайняя мера, на которую пошли, — признание греков воюющей стороной. Доктрина статус-кво целостности османских владений в Европе уже успела пустить прочные корни, на султана влиятельные британские круги смотрели как на удобного стража имперских морских путей. Для успокоения турок была издана королевская прокламация о нейтралитете¹¹.

Грекам пришлось смягчить свою позицию.

Извлекла урок из горького опыта четырех лет бесплодных переговоров и российская дипломатия. К началу 1825 г. она пришла к выводу и убедила в том царя Александра, что узел русско-турецких противоречий ей развязать не удастся, что его придется разрубать мечом. “Исправилась” она и в другом отношении, осознав, что условия греко-турецкого урегулирования следует вырабатывать с учетом греческих пожеланий. Ценным информатором выступал знаменитый уроженец Ионических островов Иоанн Каподистрия, достигший в российском министерстве иностранных дел поста статс-секретаря. Второй источник информации возник внезапно.

В ноябре 1825 г. в хорошо знакомом греческим негоциантам и морякам азовском городе Таганроге скончался вечный странник на престоле царь Александр I. Своему брату и наследнику Николаю он оставил труднейшую задачу — добиться санкции европейского ареопага, прежде всего Великобритании, на войну с Турцией.

В феврале 1826 г. формально — на коронацию Николая I, а

фактически — ради улаживания “восточных дел”, как тогда именовалось все, связанное с Турцией, в Россию прибыл знаменитый фельдмаршал А. Веллингтон. В длительных беседах с молодым царем было достигнуто соглашение. А аппарат российского МИДа во главе с вице-канцлером К.В. Нессельроде подготовил документ, вошедший в историю как англо-русский протокол от 23 марта (4 апреля) 1826 г. (отсюда — и его название — Апрельский).

Но основы плана возрождения греческой государственности родились не в Петербурге и не в Лондоне, а на земле Эллады. Базой для выработки документа послужили пожелания, переданные британскому дипломату Ч. Стрэтфорд-Каннингу во время его путешествия в Турцию у о-ва Идры уполномоченными греческого правительства А. Маврокордатосом, Трикуписом и Зомбатосом. Артур Веллингтон ознакомил с ними российскую сторону письмом от 1(13) марта 1826 г., которое я имел случай опубликовать. Греки соглашались на предоставление их стране статуса, подобного тому, которым пользовалась в Османской империи Рагузская (Дубровницкая) республика, т.е. почти полной самостоятельности. “Считают, что греки могли бы согласиться платить ежегодную дань султану и, возможно, возместить турецким землевладельцам убытки за потерю собственности в Морее при условии, что они будут полностью отделены от турок. Были выдвинуты возражения против формы управления, которая преобладает в Дунайских княжествах, хотя те, кто делал сообщение, не расположены отвергать совершенно идею о предоставлении Порте некоторой доли участия в назначении главных властей.

В отношении территории, подлежащей включению в Грецию, те же два лица, как создалось впечатление, полагают, что этот вопрос должен зависеть от состояния военных операций”, — так писал Веллингтон¹².

В ответе российского МИДа вполне определенно говорилось о согласии “взять за основу предложения, сделанные г-ну Стрэтфорду-Каннингу греческими вождями”¹³.

Достаточно сравнить приведенный выше отрывок из письма герцога А. Веллингтона с текстом Апрельского 1826 г. протокола, чтобы убедиться, — этот важнейший документ был составлен при подсказке и на основе пожеланий греческой стороны.

Если учесть, что судьбы восстания висели на волоске, то эти условия были довольно благоприятны для греков. Зависимость их от Порты сводилась к фиксированной дани. При всей компромиссности выработанных предложений они создавали международно-правовую базу для восстановления греческой государственности. Для воплощения ее в жизнь потребовалось еще, чтобы геро-

ические свершения греческих революционеров были дополнены русско-турецкой войной 1828—1829 гг.

Действительность выглядела скромно по сравнению с мечтаниями, заложенными в “Греческом проекте” Екатерины II; но здоровый и плодоносной оказалась заложенная в проекте идея поддержки образования на Юго-Востоке Европы государств христианских народов. Этот курс означал принципиальный отказ самодержавия от территориальных притязаний в регионе (хотя на практике не обошлось без исключений).

Наверное, давая оценку исторического акта, следует останавливаться не только на том, что роднило его с прошлым, но и показывать то новое, что он, этот документ, предвещал в будущем, что мы и делаем.

¹ Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 153.

² *Arneth A.* Joseph II und Katharina von Russland: Ihre Briefwechsel. Wien, 1869. S. 68.

³ *Ragsdale H.* The Russian Tragedy: The Burden of History. N.Y., 1996. P. 81.

⁴ *Arneth A.* Op. cit. S. 156.

⁵ См., например: *Маркова О.П.* О происхождении так называемого Греческого проекта // История СССР. 1958. № 4.

⁶ *Петров А.Н.* Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1880. Т. 1. С. 25.

⁷ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972; Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997; *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII—начале XIX в. М., 1976; Она же. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции 1798—1800 гг. М., 1983.

⁸ *Достян И.С.* Указ. соч. С. 232.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1824 г. Д. 6933. Л. 319—320.

¹⁰ Там же. Л. 307—308; Международные отношения на Балканах 1815—1830. М., 1983. С. 168—171.

¹¹ Международные отношения на Балканах... С. 171.

¹² См.: *Виноградов В.Н.* Герцог Веллингтон в Петербурге // Балканские народы и европейские правительства в XVIII—начале XX вв.: (Балканские исследования, Вып. 8). М., 1982. С. 129; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1826 г. Д. 4456. Л. 2—5.

¹³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1826 г. Д. 4456. Л. 22—26.

“Балканская тема” во внешнеполитических проектах Г.А. Потёмкина

Вторая половина XVIII в. в истории русской политической мысли ознаменовалась появлением крупных государственных проектов, впервые связывавших выгоды отдельных политических союзов, дипломатических и военных акций России с ее геополитическим положением, ее границами, этнокультурными соседствами и постоянными интересами. Эти проекты принадлежали перу фактического соправителя императрицы Екатерины II князя Григория Александровича Потёмкина, который в течение 17 лет, с 1774 по 1791 г., разделял власть со своей августейшей покровительницей. Благодаря созданной им так называемой “русской” партии ему удалось оттеснить от управления страной пропрусски настроенные круги государственных деятелей во главе с канцлером Н.И. Паниным и противопоставить его идеям “северного аккорда” — союза России, Пруссии, Швеции, Дании и Польши при ведущей роли берлинского декора — идею продвижения России на юг, обладания северным побережьем Черного моря. Для реализации названных целей Российская империя вступает в подготовленный Потёмкиным союз с Австрией, также продвигавшейся на юго-восток, оттесняя Османскую империю с завоеванных ею земель.

Как государственный деятель Потёмкин руководствовался идеями, выдвинутыми им в крупных проектах, носивших яркую геополитическую направленность. Таковы его записки “О Крыме”, “О Польше”, примыкавшие к ним документы официального характера, а также проекты, посвященные Северному Кавказу, Закавказью и Персии. Эти материалы до сих пор не подвергались ни источниковедческому, ни общенсторическому исследованию. Между тем именно в них сосредоточены главные идеи, ставшие ведущими во внешней политике второй половины екатерининского царствования.

В силу высокого официального положения Потёмкина и особенностей его личных взаимоотношений с императрицей проекты светлейшего князя отличаются, с одной стороны, исключительным уровнем секретности, с другой — предельной откровенностью в определении целей внешней политики России и методов их осуще-

ствления. Недаром главные инициативные документы из этих проектов находятся среди переписки Екатерины и Потёмкина.

От политических проектов, созданных предшественниками и современниками Потёмкина (А.П. Бестужевым-Рюминым, П.И. Шуваловым, Н.И. Паниным), проекты светлейшего князя отличаются именно рассмотрением всех вопросов с точки зрения неизменных интересов России как некой географической целостности. В них разрабатываются вопросы об особенностях государственных границ России, само положение которых диктует государству серьезные мероприятия в области внешней политики; о принципах стабильности и нестабильности отдельных участков этих границ; о необходимости строительства армии в полном соответствии с реальными условиями защиты рубежей огромной страны. Подробно разбираются вопросы о выгодности и невыгодности различных внешних союзов для России.

Расширение границ империи и включение в нее новых народов ставилось Потёмкиным в прямую зависимость от их этнокультурной и религиозной совместимости с русскими. Для него в высшей степени характерно понимание особенностей русской экспансии. Важнейшая культурно-религиозная особенность продвижения России на новые земли, по мнению Потёмкина, состояла в том, что все православные единоверцы воспринимались как некая единая духовная общность, породненная свыше, которая смотрит на Россию как на свою покровительницу и освободительницу от иго иноверцев. Огромная православная империя и ее подданные ощущали свое право на помощь единоверцам. Это в первую очередь относилось к балканским народам, занимавшим в проектах светлейшего князя особое место.

Сразу следует сказать, что ни один из внешнеполитических проектов Потёмкина прямо не посвящен Балканам, в отличие от Польши, Крыма, Швеции или Закавказья. В то же время, какой бы части света не касался князь, в его проектах неизменно присутствовали подробные планы, относящиеся к балканскому региону. Столь постоянное учитывание Балкан в любом политическом раскладе показывает, какую важную роль балканский вопрос играл во внешней политике России того времени. Возможные пути его решения всегда увязываются с особенностями общей европейской политической ситуации и вписываются Потёмкиным в единую картину дипломатической игры разных европейских держав. Причем балканский вопрос выступает не изолированно, а в совокупности с двумя другими важнейшими для России в тот момент вопросами в данном регионе — о статусе Дунайских княжеств и о режиме проливов Босфор и Дарданеллы.

Видное место балканский вопрос занимает в документах По-

тёмкина, сопровождавших составление Екатериной II знаменитого письма императору Священной Римской империи Иосифу II от 10 (21) сентября 1782 г., содержавшего так называемый “Греческий проект”¹. Сохранились материалы, проливающие свет на историю подготовки приближенными императрицы текста этого внешне чисто конфиденциального послания. Первоначальный вариант его было поручено составить секретарю императрицы А.А. Безбородко. Карандашный текст Безбородко был записан в правой колонке разделенного надвое листа. Затем бумага поступила к Потёмкину для правки. Князь сделал в левой, более широкой графе пространственные пометы и примечания, обращенные не к Безбородко, а к Екатерине II, и многочисленные исправления черными чернилами прямо в карандашном тексте. Многие из этих помет не предназначались для внесения в текст письма, а касались действительных планов России в тот момент.

Так, именно к этому черновику письма был приложен проект Потёмкина о присоединении Крыма², о чем, естественно, союзников не уведомляли. Князь не исключал возможное начало войны с Турцией в результате аннексии Крыма и рассматривал позицию, которую займут различные европейские державы в этом случае. Англия и Франция, занятые войной в американских колониях, не смогут серьезно отреагировать на действия России, Пруссия устремится в Данциг и шведскую Померанию, Швеция без серьезной финансовой поддержки других государств не сможет действовать самостоятельно, оставались два заинтересованных в разделе турецких земель государства: союзная России Австрия и обиженная после первого раздела Польша. Польше предполагалось отдать часть Молдавии, а также земли между Днестром и Бугом. Что касается Австрии, то Иосиф II должен был сам выбрать интересующие его земли ниже течения Дуная. Собственные требования русской стороны были определены коротко: “Границы России — Черное море”. Такая расплывчатая фраза позволяла снять любые возражения Австрии, когда дело с присоединением Крыма уже завершится.

Из приложенного к черновику письма проекта о присоединении Крыма видно, что Россия желала получить еще и устье Дуная. “С Крымом достанете господство в Черном море, — писал Потёмкин, — от Вас зависеть будет, запираť ход туркам и кормить их или морить с голоду”³. В меморандуме, развивающем мысли записки “О Крыме”, князь подчеркивал: “Порта знает уже Ваши виды, о коих с императором (Иосифом II. — О.Е.) соглашались... Устье Дуная будет в Вашей воле. Не Вы от турков станете иметь дозволение ходить в Оспор (Босфор. — О.Е.), а они будут просить о выпуске судов их из Дуная”⁴. Таким образом, владея устьем Дуная и

определяя режим прохождения через него турецких судов, Россия могла бы влиять на Турцию в вопросе о Проливах.

В ответном письме императрице Иосиф II четко определил территории, которые Австрия желает получить на Балканах. Император назвал Хотин с областью, часть Валахии, Никополь, оба берега вверх по Дунаю с городами Видин, Оршова и Белград, Боснию, Черногорию, часть Сербии и Албании по линии от Белграда до Адриатического моря, включая Дринский залив. Кроме того, к австрийской монархии должны были отойти все владения венецианцев “на твердой земле и на море” с прилежащими островами. Венецианцев же император предлагал вознаградить полуостровом Морея (Пелопоннес), а также островами Кандия и Кипр⁵.

Эти требования Австрии вступали в ряд противоречий с желаниями России. В течение всего декабря 1782 г. петербургский кабинет готовил ответ императору. В это время возник особый проект Потёмкина, разъясняющий Екатерине II, какие действия Россия должна предпринять в ответ на планируемые Австрией шаги. Приобретения в Валахии и Хотин мало беспокоили русскую сторону, на захват венецианских колоний в принципе также соглашались закрыть глаза, “но без замены Мореи и Кандии, — писал Потёмкин, — а то что ж останется Греческой империи?”⁶ Еще опаснее представлялся светлейшему князю тайный план, аналогичный захвату Крыма, который Австрия составила, так же как и Россия, не уведомляя союзника. Австрийские дипломаты предлагали Турции помощь в “утушении татарских беспокойств”, т.е. тех крупных волнений, которые уже несколько лет продолжались в формально независимом Крымском ханстве. За эту услугу Австрия рассчитывала получить “часть Молдавии к Сырете реке”. “Но если сие возьмут, — рассуждал Потёмкин, — умолчите им и возьмите Крым”⁷.

Текст проектов Потёмкина, до известной степени “суфлировавших” письма Екатерины II к Иосифу II по вопросу возможного раздела турецких земель, показывает, что при всей общности конечных стратегических целей России и Австрии на Балканах существовала значительная разница тактических выгод обеих сторон. Наиболее глубокое противоречие вскрылось во второстепенном, на первый взгляд, вопросе о владениях венецианцев. Россия не могла согласиться на уступку им Пелопоннеса с прилежащими островами, так как это фактически перечеркивало идею воссоздания Греческой империи, для Австрии же все земельные приобретения не имели смысла без вытеснения венецианцев с берегов Адриатики. Это разногласие в сущности положило конец обсуждению в переписке между Иосифом II и Екатериной II вопроса о разделе турецких земель, но не могло положить конец реальной политике обоих государств.

Россия готовилась к присоединению Крыма, и ее правительст-

во прекрасно осознавало, что вслед за этим шагом Турция может объявить войну, хотя Крымское ханство уже не входило в ее состав. 4(15) января 1783 г. Потёмкин, разрабатывая план военных действий со стороны России в случае расторжения Турцией мирного договора, представил Екатерине II проект о посылке русского флота в Архипелаг. В условиях, когда Австрия фактически уклонялась от совместных действий, князь считал, что Россия должна соразмерить свои планы земельных приобретений “по силам нашим”, т.е. действовать, рассчитывая только на себя, и ограничиться одним Крымом. Вторая после знаменитой Чесменской 1770 г. экспедиция к берегам Адриатики рассматривалась Потёмкиным как способ отвлечь турецкий флот от немногочисленной черноморской эскадры, которая по приказу 20 января (1 февраля) 1783 г. должна была войти в Ахтиарскую гавань. Князь подчеркивал, что “отвлечение флота в Архипелаг (если будет с турками война) следует не ради завоеваний на сухом берегу, но для разделения турецких морских сил. Удержав их флот присутствием нашего, всю мы будем иметь свободу на Черном море”⁸. Таким образом, Россия отступала от идеи захвата собственно турецких земель и все свое внимание сосредоточивала на борьбе за Крым и Черное море. “При том все целить пройти Дарданеллы”, — писал Потёмкин. Важную помощь флоту в Архипелаге должны были оказать греческие каперы, нападавшие на турецкие транспорты.

Операция по присоединению Крыма в 1783 г. прошла успешно, а расстроенная финансовая и военная система Турции не позволила ей своевременно отреагировать на этот шаг России. Европейские державы, обескровленные войной в американских колониях, тоже не предприняли в тот момент никаких решительных действий. Россия добилась желаемого — Крым вошел в состав империи. Планы посылки экспедиции в Архипелаг можно было отложить. Однако это не ставило точку на балканской политике России.

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 5. Д. 591. Ч. I. Л. 99–113 об.

² Там же. Л. 105–106 об.

³ Там же. С. 105.

⁴ Сборник Русского Исторического Общества. 1879. Т. XXVI. С. 444.

⁵ *Arneft A.-R. Joseph II und Katharina von Russland.* Wien, 1869. P.169–170.

⁶ АВПРИ. Ф. 5. Д. 588. Ч. II. Л. 37.

⁷ Там же. Л. 37 об.

⁸ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 557. Л. 1–2.

Некоторые соображения по поводу “Греческого проекта”

“Греческий проект” Екатерины II, которым, к сожалению, серьезно почти не занималась историография¹, благодарная тема для специального большого исследования. В нашем сообщении мы хотели бы затронуть лишь ограниченный круг вопросов: источники возникновения “Греческого проекта”, политика российской императрицы по отношению к грекам в связи с проектом, его значение для борьбы за национальное освобождение Греции и русско-греческих связей.

Говоря о происхождении “Греческого проекта”, следует отметить, что он не был каким-то импульсивным шагом Екатерины II: корни его уходят в глубь веков, основываются на традициях российской внешней политики, на тесных политических, культурных, церковных связях, возникших между православным населением Балкан и Россией в эпоху османского господства. Первую заявку на византийское наследство Русь сделала еще в XV в. в результате женитьбы московского великого князя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Константина XI Зое (Софье) Палеолог.

В начале XVIII в. Россия вышла на мировую арену в качестве великой державы. Хотя основные планы и действия Петра Великого были сосредоточены на балтийском направлении, но у него имелись грандиозные замыслы и на Ближнем Востоке и попытки, хотя и неудачные, привести их в исполнение (вспомним Прутский поход 1711 г.). Об этих планах Петра Екатерина II знала, причем не только из книг и документов, но и от авторитетного свидетеля — сподвижника царя-преобразователя фельдмаршала Б.К. Миниха, победителя турок при Ставучанах. Миних был одним из немногих сановников, сохранивших верность Петру III до последнего момента. Несмотря на это Екатерина II простила его, приблизила к своему двору и часто беседовала с ним. В один из дней рождения наследника престола Павла Петровича приглашенный во дворец Миних высказал такое пожелание имениннику: “Я желаю, чтобы, когда великий князь достигнет семнадцатилетнего возраста, я бы мог поздравить его генералиссимусом российских войск и проводить в Константинополь, слушать там обедню в хра-

ме Св. Софии. Может быть, назовут это химерою... Но я могу на это сказать только то, что Великий Петр с 1695 года, когда в первый раз осаждал Азов, и вплоть до своей кончины не выпускал из вида своего любимого намерения — завоевать Константинополь, изгнать турок и татар и на их месте возстановить христианскую греческую империю”².

Считавшая себя продолжательницей петровских традиций в политике России, императрица с удовольствием слушала сподвижника Петра I — старого воина, скончавшегося впоследствии за год до начала первой русско-турецкой войны ее царствования.

С первых лет правления Екатерины II черноморско-балканское направление занимает важнейшее место в ее внешней политике. Стратегической целью императрицы было овладеть побережьем Черного моря, так же как Петр I завоевал для России побережье Балтики. Установление тесных связей с греками — естественными союзниками России в борьбе с Османской империей — рассматривалось как важное средство достижения этой цели.

В ноябре 1768 г. началась русско-турецкая война, а в феврале 1770 г. эскадра адмирала Г.А. Спиридова, проделав долгий путь от Кронштадта, подошла к Пелопоннесу. Появление впервые в истории русских кораблей у побережья Греции стало толчком к восстанию греческого населения, видевшего в русских солдатах и моряках своих освободителей. Из греческих добровольцев были сформированы под командованием русских офицеров “западный” и “восточный” легионы. Однако вследствие малочисленности и неорганизованности греко-русских отрядов операции сухопутных сил в Пелопоннесе закончились неудачей. Действия русских сил на море были более успешны. В Чесменском бою (26 июня (7 июля) 1770 г.) турецкий флот был разгромлен. Достойный вклад в эту победу внесли и греческие моряки.

В ходе первой русско-турецкой войны Екатерина не ставила целью радикальное решение Восточного вопроса. Цель, к которой она стремилась, была более скромной и вполне реалистичной: обеспечить для России надежный выход к Черному морю. В то же время, чтобы получить поддержку православным населением Балкан военных усилий России, императрица давала понять, что она будет содействовать освобождению балканских народов от османского ига. В царском манифесте от 19(30) января 1769 г., в частности, говорилось: “Наше удовольствие будет величайшее видеть христианские области из поносного порабощения избавляемые и народы, руководством нашим вступающие в следы своих предков, к чему мы и впредь все средства подавать не отречемся, дозволяя им наше покровительство и милость для сохранения всех тех

выгодностей, которые они своим храбрым подвигом в сей нашей войне с вероломным неприятелем одержат”³.

Это несколько неопределенное высказывание не содержит прямого указания на то, что Россия ведет войну с Турцией ради уничтожения власти султана в Европе. Однако российские военачальники, действовавшие в Греции и омывающих ее морях, были более прямолинейны. Так, в воззвании адмирала Г.А. Спиридова от 12(23) марта 1771 г. к балканским народам заявлялось, что “наступило время последний им, туркам, удар сделать и тем всех христиан освободить из-под ига агарянского”. Адмирал призывал “к сему славному делу храбрых всегда в военных делах христианского закона славян, греков, македонцев, албанцев и румелинотов...”⁴ Призыв этот нашел большой отклик в Греции и других балканских странах. Уже в 1771 г. число добровольцев, сражавшихся вместе с русскими, достигло 4 тыс. Из присоединившихся к русским войскам жителей Балкан было сформировано восемь добровольческих батальонов.

Оживившиеся надежды греков на освобождение в результате военного выступления России против Турции нашли отражение и в обращениях видных представителей греческого общества к российской самодержице. Вот что говорил, например, известный греческий ученый и священнослужитель Евгений Булгари, прибывший в Россию в июле 1771 г. по приглашению Екатерины, на данной ему во дворце аудиенции. Обращаясь “ко благочестивой и христолюбивой, богом прославляемой, непобедимой, великой императрице всероссийской” и выражая сожаление, что она не является и греческой императрицей, видный греческий деятель призывал ее оказать помощь в освобождении его родины: “Соверши ты мое благополучие приведением и рода моего в благополучное состояние. Греция после Бога на тебя (Державнейшая Императрица) взирает, тебя молит, к тебе припадает”⁵.

Несколько позднее этот знаменитый ученый и горячий греческий патриот выступил с развернутой программой решения Восточного вопроса, включавшей в себя и освобождение Греции. Она была изложена в его публицистической работе “Размышления о нынешнем критическом состоянии оттоманской державы”, опубликованной в 1772 г. на французском языке, вышедшей также на греческом языке, а позднее — в русском переводе. По представлению Булгари, в ходе шедшей тогда войны с Россией Османская империя оказалась на краю пропасти. В то же время греческий мыслитель не считал крах османского государства неизбежным. Более того, он предупреждал, что если османы усвоят технические достижения европейцев и их военную тактику, то они снова будут представлять грозную опасность для всей Европы. По мнению

ученого, военный разгром Османской империи силами России предотвратил бы эту опасность. Он выражал сожаление в связи с тем, что некоторые христианские государства стремятся помешать решительной победе России в войне с Османской империей, оправдывая свои действия необходимостью сохранения европейского равновесия. Между тем, как убежденно доказывал Булгари, именно уничтожение Османской империи необходимо для поддержания равновесия в Европе. Он писал буквально следующее: “Унижение Оттоманской империи предоставило бы, возможно, другим христианским державам бóльшие выгоды, чем России; и в конечном счете произведенный по взаимному согласию раздел турецких провинций в Европе совместно с созданием небольшого независимого Княжества Греческой Нации смог бы содействовать в будущем сохранению действительного европейского равновесия”⁶.

Содержание брошюры Булгари и некоторые обстоятельства, связанные с ее публикацией (брошюра была издана на французском языке без имени автора, автор находился в это время в Петербурге и был близок ко двору), дают основание для предположения, что в ней нашли отражение не только взгляды видного греческого патриота. При этом следует отметить, что предложенный Булгари путь национального освобождения Греции — создание небольшого независимого греческого княжества — не тождествен “Греческому проекту” Екатерины II, предусматривавшему создание большой Греческой империи.

Призывы к радикальному решению Восточного вопроса и освобождению Греции, обращенные к российской императрице, падали на благодатную почву. Екатерина II была видной представительницей просвещенного абсолютизма. Поддерживая в Европе свой образ просвещенной государыни, она состояла в переписке с некоторыми известными просветителями, в том числе с Вольтером. Важным элементом идеологии Просвещения было преклонение перед античностью, особенно перед культурой Древней Греции. Отсюда проистекал филэллизм видных деятелей европейского Просвещения. В переписке с императрицей Вольтер неоднократно высказывал надежду, что она покончит с турецким господством в Европе и “возродит в Греции Фидиев и Мильтиадов”⁷. Перспектива осуществить этот грандиозный замысел, на протяжении веков занимавший воображение королей и философов, не могла не льстить тщеславию правительницы России.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. не привела, как многие надеялись, к крушению Османской империи. В то же время, по завершившему ее Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, Россия не только получила надежный выход к Черному морю, но и сильные позиции на Балканах и Ближнем Востоке. Статьи до-

говора, трактовавшиеся российской дипломатией расширительно, обеспечили России международно-правовое признание ее покровительства православному населению Османской империи. Возрос авторитет российского государства и самой императрицы среди греков и других балканских народов.

Симпатии греков к России усилились в результате того дружественного приема, который получали в этой стране греческие переселенцы. Массовая греческая эмиграция в Россию, начавшаяся после войны 1768—1774 гг., направлялась на земли Северного Причерноморья. Стремясь к быстрейшему заселению и освоению Новороссии, как официально стали называться с конца XVIII в. эти земли, царское правительство предоставляло всем поселявшимся здесь иностранцам значительные льготы и привилегии. Но самые большие льготы, особенно во времена правления Екатерины II, получали греческие эмигранты. Именно в годы ее правления были созданы специальные военные подразделения из греков, участников русско-турецких войн. Тогда же некоторым греческим общинам Новороссии было предоставлено право самоуправления.

Рост могущества России, укрепление ее связей с греческим миром способствовали возникновению замысла петербургского двора разрешить кардинально Восточный вопрос. О своих далеко идущих планах в этом направлении Екатерина недвусмысленно дала знать в связи с рождением 27 апреля (8 мая) 1779 г. внука, названного Константином. То, что это имя, не встречавшееся до того среди членов царствующего дома России, но весьма распространенное среди императорских фамилий Византии, было дано не случайно, показывают сопутствовавшие рождению великого князя обстоятельства. По случаю его рождения была отчеканена специальная медаль с изображением Софийского собора в Константинополе и Черного моря с сияющей над ним звездой. Кормилицей Константина стала гречанка, по желанию бабки он воспитывался вместе с молодыми греками и изучал греческий язык. При дворе Екатерины возникла мода на все греческое. Придворные устраивали пышные торжества в греческом духе. Так, во время празднества, устроенного Потёмкиным летом 1779 г. в честь рождения внука императрицы, хор певцов пел во время ужина под звуки органа строфы на древнегреческом языке⁸.

Как сообщал в Лондон вскоре после рождения Константина британский посол Гаррис, у российского двора “преобладающей мыслью, затмевающей все остальные, является основание новой империи на востоке, в Афинах или Константинополе...”⁹

Поэты посвящали стихи новорожденному внуку Екатерины, предсказывая ему великое предназначение. Например, в стихотворении князя Ф.С. Голицына имелись такие строки: “Се Констан-

тин восстал! Ликуйте, мудры греки: возобновятся вам прошедши сладки веки. Афины мощной воздвигнет он рукой..." Известный же одописец Василий Петров приветствовал рождение Константина словами: "Гроза и ужас чалмоносцев, великий Константин рожден..."¹⁰

Но если высокое предназначение Константина как будущего императора будущей Греческой империи было предано широкой огласке, что имело целью вызвать симпатии общественного мнения к "Греческому проекту", то дипломатическая подготовка по превращению его в жизнь велась в глубокой тайне. Приступить к соответствующим дипломатическим шагам Екатерину II побуждала сложившаяся международная обстановка.

После Кючук-Кайнарджийского мира напряженность в русско-турецких отношениях нарастала. Особую остроту приобрела проблема Крыма, который Россия стремилась аннексировать, а Турция вернуть под свое господство. Но в целом международная ситуация складывалась для России весьма благоприятно. Англия и Франция вели между собой изнурительную войну. В центре Европы позиции России в результате Тешенского договора 1779 г., предоставившего ей роль гаранта внутригерманских соглашений, были как никогда прочны. Австрия, из сухопутных европейских держав наиболее вовлеченная в балканские дела, стала союзницей России (русско-австрийский союзный договор был заключен в мае 1781 г.).

В этих условиях сторонники кардинальных шагов в Восточном вопросе в окружении Екатерины II, к которым относили Г.А. Потёмкина и А.А. Безбородко, активизировали свою деятельность. В сентябре 1780 г. А.А. Безбородко, в то время доверенный секретарь Екатерины, представил ей "Мемориал по делам политическим". В записке рассматривались различные варианты завершения войны с Турцией, которая назревала, и предполагалось, что союзником России в ней будет Австрия. Основное внимание автор уделит предположению, "что упорство Порты, с одной стороны, и успехи — с другой, подали бы способы к совершенному истреблению Турции и к возстановлению древней Греческой империи в пользу младшего великого князя, внука вашего императорского величества". Далее Безбородко ставил вопрос о тех территориальных компенсациях, которые следует предоставить другим державам, в первую очередь союзнику России Австрии, для того чтобы получить их согласие на осуществление задуманных грандиозных политических преобразований¹¹.

Записка Безбородко легла в основу предложений, которые Екатерина II изложила в письме австрийскому императору Иосифу II от 10(21) сентября 1782 г. Она высказывала здесь мнение,

что международная обстановка и внутреннее состояние Османской империи позволяют поставить вопрос о полной ликвидации османского господства в Европе. Императрица выражала уверенность, “что в случае, если бы успехи наши в предстоящей войне дали нам возможность освободить Европу от врага Христова имени, выгнав его из Константинополя”, император не откажет в своем содействии “для восстановления древней Греческой империи”. Эта новая империя, продолжала самодержица, должна быть совершенно независимой от России, а будущий греческий император, ее трехлетний внук Константин, должен будет отречься “навсегда от всяких притязаний на русский престол”. Территориально помимо собственно Греции в нее должны были также войти Болгария, Македония и значительная часть Албании. План Екатерины включал в себя и создание независимого буферного государства под названием “Дакия”, куда вошли бы Молдавия, Валахия и Бессарабия. Для самой России императрица просила небольших территориальных приращений — Очаков с прилегающей территорией и земли между Бугом и Днестром. За содействие в осуществлении своего проекта Екатерина просила Иосифа лично определить необходимые ему приобретения¹². Как правило, к указанным предложениям и последовавшим переговорам и сводится обычно весь “Греческий проект” Екатерины II. На деле же речь здесь шла лишь о дипломатической подготовке проведения его в жизнь.

Австрийский император в ответном письме от 13 ноября 1782 г. назвал ту цену, за которую он готов был участвовать в осуществлении “Греческого проекта”. Австрия претендовала на Хотин с округом, значительную часть Сербии с Белградом, Северную Албанию и принадлежавшую Венеции Истрию и Далмацию с передачей республике Св. Марка в виде компенсации Мореи и Архипелага*. Обязательным условием своего участия в плане раздела Османской империи Иосиф II считал необходимость обезопасить себя со стороны Пруссии и Франции. По его мнению, для привлечения последней к плану раздела Османской империи ей нужно было обещать Египет¹³.

Сам Иосиф II предпринял некоторые шаги для того, чтобы получить поддержку версальского двора, связанного с ним не только союзными, но и династическими узами, планам Екатерины II, но встретил решительный отказ¹⁴. Что же касается Пруссии, то Екатерина считала, что опасаться ее не следует, так как “преклонные годы” Фридриха II удержат его от решительных действий.

В 1783 г. Екатерина прекратила переписку со своим австрий-

* Екатерина отвергла это предложение, резонно считая, что без этих греческих областей не может быть “Греческой империи”.

ским собратом касательно “Греческого проекта”. Исследователь О.П. Маркова, считающая, что этому проекту предназначалась лишь служебная роль в дипломатической подготовке присоединения Крыма, утверждает, что после достижения данной цели (апрель 1783 г.) “Греческий проект” “потерял свое значение с окончанием дипломатической игры, ради которой он был пущен в оборот”¹⁵. Однако с этим утверждением нельзя согласиться.

Прекращение императрицей дипломатических контактов по “Греческому проекту” связано с происшедшими к этому времени неблагоприятными для России изменениями в международной обстановке, о чем будет сказано ниже. В то же время, несмотря на присоединение Крыма, подготовка к войне с Турцией, как оборонительной, так и наступательной, активно продолжалась. Генерал-губернатор Новороссии Г.А. Потёмкин энергично занимался вновь присоединенных землях Причерноморья строительством верфей, крепостей, arsenалов, прокладкой дорог и подготовкой военных кадров. Особое значение имело начавшееся в Херсоне и Николаеве строительство военных кораблей и основание в 1783 г. Севастополя, ставшего главной базой российского Черноморского флота¹⁶. Создание Черноморского флота имело огромное значение и для обороны новых южных рубежей, и для нанесения удара в случае необходимости по самому центру Османской империи. Екатерина II во время своего путешествия в Крым летом 1787 г. собственными глазами увидела стоявшую на рейде эскадру в составе 3 линейных кораблей, 12 фрегатов, 20 мелких судов, 3 бомбардирских лодок и 2 брандеров¹⁷.

Говоря о подготовке Екатерины II к новой войне с Турцией, в ходе которой мог быть осуществлен “Греческий проект”, следует коснуться одного немаловажного обстоятельства. Речь идет о создании широкой сети российских консульств в Греции.

Как известно, Россия получила право учреждения консульств в Османской империи по Кючук-Кайнарджийскому договору. Однако к созданию консульств Коллегия иностранных дел приступила практически в 1783—1784 гг., т.е. уже после присоединения Крыма. Почти все консульства были учреждены в южной части Балкан, в городах и на островах Греции: в Салониках, Патрах (Пелопоннес), Арте (Эпир), на Негропонте (Эвбее), Хиосе, Родосе, Крите, Миконесе, Самосе, Санторине, а также в Смирне (Измире), на азиатском берегу Эгейского моря, и на Кипре. Кроме того, консульства были учреждены тогда и на находившихся под венецианским господством островах Корфу, Закинфе и Кефалинии. Заметим кстати, что в последующем Россия никогда не имела столь обширной консульской сети в Греции, как в екатерининскую эпоху.

Российские консулы собирали политическую, экономическую и военную информацию. Опираясь на соответствующие положения Кючук-Кайнарджийского договора, они энергично выступали в защиту райи от притеснений турецких властей. В своих донесениях консулы сообщали о стремлении греков освободиться от османского ига, о надеждах, возлагавшихся ими в этой связи на Россию. Характерен эпизод, о котором сообщил в своем донесении от 14(25) декабря 1785 г. российский консул на Крите О. Шпалькгабер: "Прогуливаясь верхом с драгоманом и двумя яничарами, две гречанки остановили меня, желая знать, кто я таков, и узнав о мне, спросили меня, когда освободите вы нас от сих варваров? Можно судить о моем смущении, так как сие происходило в присутствии яничаров, то и удалился я в скорости, ничего не отвечая"¹⁸.

Деятельность российских консулов в Греции, их энергичные шаги в защиту жестоко притесняемой райи получили должную оценку у патриотически настроенных греческих современников. Так, известный греческий просветитель Адамантиос Кораис, живший во Франции и отнюдь не принадлежавший к апологетам Екатерины II, писал в 1803 г.: "Русские консулы по славному для России мирному трактату, к которому императрица успела принудить турок, приобретши право на некоторое во всех странах Турции диктаторское самовластие, часто исторгали греков из мстительных рук правительства, представляя, будто они вступили в подданство или служили под начальством русских"¹⁹.

Активность екатерининских консулов в защите греческого населения Османской империи можно отчасти объяснить и тем, что многие из них сами были греками. Среди них имелись и воспитанники основанного в 1775 г. в Петербурге для обучения греческой молодежи "Корпуса чужестранных единоверцев". Это было уникальное учебное заведение, являвшееся базой подготовки из греков военных и дипломатических кадров в целях осуществления внешнеполитических планов Екатерины II. Оно просуществовало до 1796 г. и было закрыто после вступления на престол Павла I.

В августе 1787 г. по инициативе Турции началась новая русско-турецкая война. Это произошло в весьма непростой для России обстановке. Русских войск в Причерноморье было мало, и они были недостаточно подготовлены к военным действиям. Главнокомандующий генерал-фельдмаршал князь Потёмкин-Таврический не проявил должной энергии и решительности в проведении военных операций. Лишь через полтора года после начала войны им был взят Очаков, являвшийся настоящей занозой в оборонительной системе российского Причерноморья.

Еще в канун русско-турецкой войны в неблагоприятную для России сторону изменилась и международная ситуация. Англия

и Франция, заключившие в 1783 г. мир, начали активно противодействовать усилению России за счет Турции. На монархическом Олимпе Центральной Европы также произошли неприятные для Екатерины II перемены. Прусский король Фридрих II, не выступавший активно против антиосманских планов императрицы, умер за год до начала военного конфликта между Россией и Турцией. Его же преемник Фридрих Вильгельм II вступил в сформированную Англией антирусскую коалицию и занял угрожающую позицию. На стороне России в войну с Турцией в январе 1788 г. вступила Австрия. Но в феврале 1790 г. скончался Иосиф II, партнер Екатерины II по “Греческому проекту”. Его преемник Леопольд II в августе 1791 г. заключил сепаратный мир с Турцией. Все большую тревогу всех без исключения европейских монархов вызывала начавшаяся в 1789 г. во Франции революция.

В этой обстановке главным стремлением Екатерины было не нанесение каких-либо сокрушительных ударов по Порте, а скорейшее заключение мира с ней. Правда, на начальном этапе войны у императрицы имелись планы организации в Греции всеобщего восстания против султанского господства. Об этом свидетельствует воззвание российской самодержицы к грекам от 17(28) февраля 1788 г. Она обращалась к “преосвященным митрополитам, архиепископам, боголюбивым епископам и всему духовенству, благородным и нам любезноверным приматам и прочим начальникам и всем обитателям славных греческих народов” с патетическим призывом: “Нещастные потомки великих героев! Помяните дни древние ваших царств, славу воительности и вашей мудрости, свет проливавшей на всю вселенную. Вольность первым была удовольствием для душ возвышенных ваших предков. Примите от бессмертного их духа добродетель разтерзать узы постыдного рабства, низринуть власть тиранов, яко облаком мрачным вас покрывающую, которая с веками многими не могла еще изтребить в сердцах ваших наследных свойств любить свободу и мужество”²⁰. Строки эти — очевидное свидетельство влияния культа Древней Греции, свойственного эпохе Просвещения, на формирование греческих планов российской императрицы и использования античных реминисценций для их пропаганды среди потомков древних греков.

Обращение Екатерины к грекам с призывом подняться на освободительное восстание было связано с планом новой Архипелажской экспедиции. Но в связи с началом в июне 1788 г. войны со Швецией готовившийся выход эскадры под командованием адмирала С.К. Грейга в Средиземное море был отменен. Несмотря на это манифест российской императрицы распространялся в Греции. Если бы греки в этих условиях последовали призы-

ву Екатерины и поднялись на восстание, то последствия для них могли быть самые печальные. Но на сей раз, можно сказать к счастью, сколько-нибудь значительных повстанческих выступлений на греческой земле не произошло. На море же российский офицер грек Ламброс Кацонис организовал добровольческую флотилию, успешно действовавшую на Эгейском море против турок. Под знаменами Кацониса собрались тысячи добровольцев. Многие из них были убеждены, что сражаются за освобождение Греции и создание независимого греческого государства во главе с внуком Екатерины Константином. Есть об этом свидетельство — обращение одного из сподвижников Кацониса, Н. Пангалоса, к Константину. Известен только русский текст документа, не имеющий датировки, но, судя по его содержанию, относящийся к 1790—1791 гг.

Представитель греческих добровольцев, которые вели морскую войну против Порты, обращаясь к предполагаемому греческому императору, сообщал об их чаяниях и стремлениях: “Теперь предстоит наиспособнейшее время к истреблению врага православия и мучителя человечества и к возвышению на престол Константина Великого, тебя кротчайшего государя нашего; сим все мы дышим, сего надеемся, о сем думаем, и сим предметом утешаются все несчастные потомки просветивших Европу, которые днес презираемы всеми, несут варварское иго”. На обращении имеется помета Екатерины. Императрица поручала передать автору обращения, “что содержание сего письма есть еще рановременное”²¹.

Эта резолюция говорит о том, что в преддверии мира с Турцией, заключенного в декабре 1791 г. в Яссах, Екатерина не желала возвращаться к своему “Греческому проекту”. Ни в самый канун русско-турецкой войны 1787—1791 гг., ни в ее ходе тема эта не затрагивалась во время контактов руководителей России с представителями других великих держав. Но в сокровенных мыслях российской императрицы “Греческий проект” присутствовал почти до конца ее дней. Характерно, что в кратком завещании Екатерины II, относящемся к 1792 г., где она главным образом высказывала пожелания относительно процедуры своих будущих похорон, имеется лишь одна, но весьма многозначительная фраза о ее наиболее крупных политических замыслах: “Мое намерение есть возвести Константина на престол Греческой восточной империи”²². При этом следует иметь в виду, что после завершения второй войны с Турцией центр внешней политики России переместился с восточных дел на европейские и выраженное Екатериной в ее завещании намерение является скорее наказом ее преемникам, чем конкретной политической целью.

Но весьма вероятно, что при изменении международной обста-

новки правительница была готова вернуться к своим планам окончательного решения Восточного вопроса. О серьезности разрушительных замыслов Екатерины II против Османской империи не раз высказывались и ее внуки Александр I и Николай I. Так, Александр I в личном письме султану Селиму III в 1805 г. утверждал, что в отличие от образа мыслей, которого придерживалась Екатерина II почти до конца своего царствования, он сторонник системы нормальных отношений с Турцией. Николай же I во время своих известных бесед с британским послом Г. Сеймуром в 1853 г. по Восточному вопросу заявлял, что в отличие от его бабки Екатерины у него нет честолюбивых замыслов, относящихся к Османской империи²³.

Несколько заключительных замечаний. Большинство историков, писавших о “Греческом проекте”, сводят его к обмену письмами между Екатериной II и Иосифом II в 1782–1783 гг. На самом же деле это была долговременная программа кардинального решения Восточного вопроса в интересах России, с установлением ее преобладающего влияния на Балканах. Программа эта была подкреплена дипломатическими, военными и пропагандистскими акциями, а также некоторыми мерами в области внутренней политики, относящимися, в частности, к колонизации Новороссии. Разумеется, реальность осуществления “Греческого проекта” была весьма проблематичной, что в никакой мере не ставит под сомнение реальность его существования и предпринимавшихся для его осуществления усилий.

Но в “Греческом проекте” была и другая сторона — освобождение балканских народов, в первую очередь греков, от многовекового иноземного ига в форме восстановления средневековой Греческой империи. И хотя после Французской революции греки восприняли иной, демократический вариант решения проблемы национального освобождения, эта сторона “Греческого проекта”, созвучная глубоко укоренившейся в греческом народе надежде на то, что избавление от иноземного рабства принесет ему единоверная Россия, оставила глубокий след в народном сознании. Живым символом этой освободительной, филэллинской стороны “Греческого проекта” являлся для греков великий князь Константин. Не случайно, что в течение многих лет после смерти Екатерины II, вплоть до завершения Греческой революции 1821–1829 гг., греческие патриоты искали у него покровительства и помощи²⁴. “Греческий проект” представляет собою не только значительную внешнеполитическую акцию России, но и важную веху в многовековой истории русско-греческих связей.

- ¹ Назовем последние из известных нам исследований: *Маркова О.П.* Происхождение так называемого греческого проекта // *История СССР*, 1958. № 4; *Hösch E.* Das sogenannte "griechische Projekt" Katharins II // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N.F. Wiesbaden, 1964. Bd. 12. H. 4.
- ² *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992. Кн. III, вып. 7. С. 100.
- ³ *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. В 1769–1774 гг. СПб., 1866. Т. 1. С. 106.
- ⁴ *Уляницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. С. XCVIII.
- ⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 18. Д. 249. Л. 14 (служебный перевод с новогреческого).
- ⁶ *Арш Г.Л.* Видные греческие деятели о кризисе Османской империи в конце XVIII – начале XIX в. // *История. Культура. Этнология: Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы*. М., 1994. С. 82.
- ⁷ См.: *Вольтер и Екатерина II*. СПб., 1882. С. 66, 193, 201, 207.
- ⁸ *Брикнер А.Г.* Потёмкин. СПб., 1891. С. 47.
- ⁹ *Маркова О.П.* Указ. соч. С. 68.
- ¹⁰ Там же. С. 70.
- ¹¹ *Григорович Н.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., 1879. Т. 1. С. 385.
- ¹² Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II // *Русский архив*. М., 1880. Кн. 1. С. 281–291.
- ¹³ Там же. С. 296–300.
- ¹⁴ *Маркова О.П.* Указ. соч. С. 62.
- ¹⁵ Там же. С. 72.
- ¹⁶ *Брикнер А.Г.* Указ. соч. С. 62–63.
- ¹⁷ Там же. С. 96.
- ¹⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. Сношения России с Турцией. 1784 г. Д. 1066. Л. 107.
- ¹⁹ *Корай А.* О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815. С. 25. (пер.: *Coray. Mémoire sur l'état actuel de la civilisation dans la civilisation Grèce*. [s.p.], 1803).
- ²⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 11342. Л. 73. Публикацию греческого текста манифеста см.: Протоψάλη Β. "Η Επανάστατική κίνησις τῶν Ἑλλήνων κατὰ τὸν δεῦτερον ἐπὶ Ἀικατερίνης Β' ρωσσοτουρκικὸν πόλεμον (1787-1792). *Αθήναι*, 1959. Σ. 111–113.
- ²¹ Русский архив. М., 1864. № 7–8. С. 978.
- ²² Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 720.
- ²³ См.: *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 55; *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 242.
- ²⁴ См. например: *Шпаро О.Б.* Освобождение Греции и Россия. М., 1965. С. 186; *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 341.

Очаковский кризис:

к вопросу о стимуляции напряженности внешних параметров конфликта

В 1780-е годы перед Россией и Османской империей среди массы прочих проблем особую остроту приобрели три региональные — крымская, грузинская и балканская. Причем если две первые уже обрели статус политико-территориальных, то балканская на протяжении очень долгого времени так и будет оставаться на уровне определения преобладания именно политического влияния в регионе.

Во взаимном переплетении этих проблем отражались основные противоречия величественного царствования Екатерины II и серьезно различавшихся между собой периодов правления трех ее политических визави по ту сторону Черного моря — османских султанов Мустафы III, Абдул-Хамида I и Селима III.

Бурный период османской истории середины и последней трети XVIII в. рассматривается нами подробно в специальной главе коллективной монографии, посвященной “Веку Екатерины”. Однако до сих пор оставались непрямыми некоторые стороны кризисной политики двух могучих соседей — России и Турции — в самом начале 1790-х годов, на излете войны, начавшейся в 1787 г. и так или иначе затронувшей не только эти две империи. Именно в 1791 г. война угрожала соскользнуть из конфликта регионального в более масштабный.

С 1789 г. на троне Османов пребывал Селим III. Трудно представить себе две более разнородные личности: сын грузинки, осознававший себя турком на османском престоле, и немецкая принцесса, вложившая жизнь в укрепление российского государства. Одно (?) у них было общим. Они, как никто из их венценосных современников, умели *прислушиваться* к советам и *не слушать* никого!

Во всем, что касалось противодействия России в Закавказье, Высокая Порта предпочитала действовать самостоятельно, без согласования и помощи западных держав. Общее направление кавказской политики и Абдул-Хамида I, и Селима III состояло в том, чтобы сплотить под зеленым знаменем султана-халифа мусульманских правителей Северного Кавказа и Закавказья, по возможно-

сти привлечь Среднюю Азию и татар Поволжья, подготовить выступление Кабарды и Бухары против России, а главное, добиться для Восточной Грузии, признавшей по Георгиевскому трактату 1783 г. покровительство России, статуса государства, независимого от обеих империй — и Османской, и Российской¹.

Крымский и балканский вопросы Порты предпочитала согласовывать с западными державами. Османское руководство противопоставило идейной направленности “Греческого проекта” знамя халифата, а растущему влиянию России в Дунайских княжествах и Греции — свои торговые и политические связи с Пруссией и Швецией. С Пруссией — как противницей Австрии, партнера России по “Греческому проекту”. А Густаву III с помощью английских дипломатов и через чрезвычайное османское посольство в Швеции подробно обрисовали перспективу потерять Финляндию подобно тому, как “Турция утратила Крым”².

Дипломаты Порты, хорошо знавшие ситуацию в Европе, учитывали, что политика Екатерины II и усиление России в бассейне Средиземного моря крайне беспокоили Англию. Английскому посланнику в Константинополе Р. Энсли подробно рассказывали о “подстрекательствах” русских консулов на Балканах и в Искандеруне, а также среди “неблагодарных” мамлюков Египта — выходцев из “русской Грузии” и Черкессии, якобы поддерживающих связи с Эрекли-ханом (Ираклием II) и через него — с Россией³. Они находили слушателя внимательного и заинтересованного. Р. Энсли готовил англо-шведско-турецко-пруссский союз против России.

Война 1787—1791 гг. выявила несколько новых моментов в генезисе конфликтов Османской империи с Россией. Впервые Порта начинала войну, подготовив заранее, как надеялись в Константинополе, общемусульманский джихад на Северном Кавказе, в Закавказье и Прикубанье. Призыв халифа к войне был послан также эмиру Бухары. В августе 1787 г. в Англию, Испанию, Неаполь, Пруссию, Данию, Голландию, Австрию, Швецию и Венецию были направлены послания с объяснением объявления войны России как предпринятой по требованию подданных султана, поднявшихся на защиту “Богоспасаемого Предела”. Для того чтобы оплатить предполагаемое военное сотрудничество Швеции, были предприняты первые попытки военных займов в Голландии и Испании⁴.

Новая война с Россией велась армией несколько подновленной и подученной европейскими инструкторами — А. Бонневалем, Ф. де Тоттом и др. Были отремонтированы укрепления крепостей на Черноморском побережье, в Боснии, Сербии и на Дунае. Обновленный, а фактически возрожденный флот насчитывал более 30 современных многопушечных кораблей⁵.

Общая стратегия Порты на Кавказе оказалась неудачной. Попытки Абдул-Хамида I, а затем Селима III поднять на войну с Россией население северокавказских и прикубанских аулов с помощью ферманов, всевозможных обещаний и весьма ощутимых денежных субсидий бекам и мурзам остались безрезультатными. В сентябре 1790 г. кавказский корпус Баттал-паши, состоящий из турецких нерегулярных войск и незначительного отряда, снаряженного за счет местных мусульманских беев, потерпел полное поражение. В первых числах июля 1791 г. сдался турецкий гарнизон Анапы. Реальных сил сдержать возможное наступление России в Восточном Причерноморье Порты не имела.

Основные силы в войне 1787–1791 гг. Россия, как и в предшествующей войне, сосредоточила на Европейском театре военных действий. Военные действия там начались с неудачного для турок десанта под Кинбурном в сентябре 1787 г. Несколько поражений османского флота лишили сухопутную турецкую армию и осажденные турецкие крепости на Дунае поддержки с моря. На суше инициатива всецело принадлежала русской армии. Суворовские чудобогатыри в ноябре 1788 г. овладели Яссами и Хотинном, в январе 1789 г. — Очаковым и в декабре 1790 г. — Измаилом. Крупнейшие опорные пункты турецкой армии, веками считавшиеся оплотом и символом могущества Османской империи, пали. В сентябре 1789 г. в сражениях при Мачине и Рымнике войска под командованием А.В. Суворова нанесли сокрушительные поражения отборным частям янычарского корпуса. Передовое русское военное искусство доказало свое превосходство. Его преимущество было неоспоримым. Оно произвело глубокое впечатление на европейцев, находившихся в числе советников при османской армии, и это в немалой степени предостерегло те силы в Англии, Пруссии и Голландии, которые угрожали России с Севера⁶.

Международный аспект войны 1787–1791 гг. был весьма значителен. Можно смело утверждать, что он не имел прецедента. Во-первых, тем, что впервые новый узел межгосударственных противоречий — Восточный вопрос — привлек практически все европейские страны. Во-вторых, тем, что в эти годы начала складываться доктрина статус-кво, просуществовавшая в той или иной форме вместе с Восточным вопросом до эпохи Версальского мира 20-х годов XX в.⁷ В-третьих, события внешне локальной русско-турецкой войны породили (как оказалось, далеко не в последний раз) военную тревогу общеевропейского масштаба — так называемый “очаковский кризис”.

Перед этим хотим позволить себе краткое теоретическое отступление.

На уроках войны 1787–1791 гг. историк-конфликтолог впра-

ве сделать вывод: вовлечение третьей стороны в вооруженный конфликт, тем более на стадии “тотального разрушения, включая саморазрушение”, может быть конструктивным, но только при четко определенных условиях. Из них главные:

- геополитическая незаинтересованность страны (стран)-арбитра;
- строгая ее (их) нейтральность;
- демонстративность и доступность для проверки всех шагов страны-арбитра по купированию конфликта;
- полное доверие и принятость обеими (!) конфликтующими сторонами участия и “личности” страны-арбитра;
- наличие объективных сил и средств для пробуждения в обеих втянутых в тотальную стадию конфликта сторонах (в их силовых центрах, “нервных узлах”, в группах принятия решения) стремления к деэскалации конфликта⁸.

Рассмотрим стремительную глобализацию русско-турецкого конфликта и роль “третьей стороны”, не удовлетворявшей ни одному из перечисленных условий.

“Очаковским кризисом” в историографии называют период недолгой, но бурной борьбы, развернувшейся в дипломатических кругах Европы и Османской империи в 1790–1791 гг. Основной движущей силой конфликта стала Великобритания. В ее правительстве с тревогой следили за ходом военных действий. После падения крепостей Очаков и Измаил Лондон принял решение потребовать от России возвращения ею Османской империи всех захваченных ранее земель, кроме Крыма. Это было продолжением политики осторожного стимулирования османской воинственности, которой неумоимо занимался английский посланник в Константинополе.

Ситуация несколько осложнилась после кончины проанглийски настроенного султана Абдул-Хамида I. Молодой Селим III был настроен не столь воинственно, и в декабре 1789 г. начался первый тур русско-турецких переговоров о мире. Однако они были прерваны турецкой стороной, получившей от кабинета У. Питта-младшего обещание прямой военной поддержки.

В январе 1790 г. при посредничестве Англии Османская империя заключила союзный договор с Пруссией. В феврале того же года вновь начались мирные переговоры с Россией, но опять были сорваны. На этот раз Берлин и Лондон требовали согласия Константинополя на обязательное участие своих дипломатов в качестве посредников в переговорах с Петербургом, причем как в настоящее время, так и в будущем. Против подобного положения активно выступили стамбульские улемы — мусульманские богословы, с влиянием которых султан не мог не считаться.

Ситуация осложнялась еще и тем, что новый союзник не столько стремился к военному выступлению на стороне Турции против русских войск, сколько пытался заручиться возможностью использовать европейские провинции Османской империи в качестве разменной монеты при разделе Польши.

Таким образом, необходимые условия конструктивного посредничества были изначально нарушены. Великие державы Европы пытались за счет заинтересованных в примирении сторон решать свои собственные геополитические проблемы. Так, еще в марте 1790 г. Пруссия заключила союзное соглашение с Польшей, а в июне прусский король Фридрих Вильгельм II (1786–1797), связанный договором с Османской империей, потребовал от Австрии как от союзницы России добиться мира с Турцией (шла австро-турецкая война) и обеспечить, в числе прочих, и австрийское посредничество при заключении русско-турецкого мира.

При этом Австрия и Турция должны были возвратиться к границам Пожаревацкого мира 1718 года. Австрия уступила бы Польше Галицию, а благодарные поляки отдали бы благодетельной Пруссии пять своих крупных пограничных городов. Найти в этой комбинации “добрые услуги” весьма затруднительно. Не мудрено, что австрийский монарх Леопольд II (1790–1792), встревоженный перспективой столкнуться уже не с малобоеспособными, заинтересованными только в грабежах янычарами, а с прусскими гренадерами или, упаси Бог, навлечь на себя недовольство Екатерины II, был вынужден обратиться за посредничеством к Англии и к Голландии — державам, которые, казалось, не имели каких-либо территориальных притязаний и, соответственно, могли стать незаинтересованными арбитрами⁹.

Действительно, посредники поддержали идею мира, по крайней мере в Центральной Европе. 27 июля 1790 г. Австрия и Пруссия подписали Рейхенбахскую конвенцию. Главным содержанием этого документа было обязательство Австрии добиваться мира с Османской империей, не вовлекая ее больше в европейские территориальные комбинации. Страх перед прусской военной машиной оказался сильнее, чем страх перед гневом российской императрицы.

Некоторое снижение уровня напряженности, однако, не устраивало Фридриха Вильгельма II. В зависимости от перемены ситуации в Европе Пруссия была готова или разорвать свой союз с Высокой Портой (кстати, крайне непопулярный в самой Турции), или сохранить его.

С учетом крайне сложного положения, в котором оказалась Османская империя, Берлин предложил Константинополю еще один вариант “взаимных территориальных разменов”. Об османском суверенитете в этом варианте даже не заходило и речи.

В данной ситуации Пруссия была готова использовать не только европейские провинции Османской империи, но и Закавказье. Грузия должна была “остаться” за Турцией взамен Очакова и Бессарабии, которые отходили к России. Граница между империями, по прусским планам, должна была пройти по Дунаю. Интересы Австрии и Польши компенсировались бы за счет Дунайских княжеств. Пруссия тоже получала свой лакомый кусочек — Данциг и Торн, независимость которых гарантировала бы Россия¹⁰.

Екатерина II довольно быстро узнала о прусских планах использовать османскую карту в территориальных разделах в Центральной Европе. Императрица сама была склонна к различным комбинациям, но об этом варианте отзывалась коротко: “Считаю этот прожект неудобноисполнимым”.

Османская империя выигрывала лишь умозрительно от распространения в Европе мнения, что Высокая Порта — неизменный сторонник гонимых поляков, земли которых хотят поделить между собой великие державы. Процентом от этого можно счесть тот факт, что польские повстанцы 1794, 1830, 1848 и 1861—1863 гг. находили в Турции убежище и защиту и, как правило, поступали на турецкую военную службу.

Реальным же выигрышем внешнеполитических комбинаций для Порты стало то, что Швеция все-таки объявила войну России. Правда, за этот успех пришлось заплатить высокую цену. В Стокгольме на английских кораблях было отправлено 150 млн курушей — сумма, равная годовой дани, которую султанская казна получала с Египта, драгоценнейшей жемчужины османской короны. Таким образом, война на севере Европы была оплачена османскими подданными, а потенциал конфликта на Ближнем Востоке и в Европе в целом лишь увеличился.

Дело в том, что в очень сложной ситуации оказался Лондон. Уильям Питт-младший стремился обеспечить Стамбулу максимальную внешнюю поддержку, вплоть до прямого военного вмешательства Великобритании в русско-турецкие проблемы. Ему удалось предпринять определенные шаги за рубежом: в Берлине и Гааге ему оказали помощь. Копенгаген и Мадрид обещали придерживаться “строжайшего нейтралитета”. Союзница России в этой войне — Австрия начала переговоры о мире с Высокой Портой и вскоре подписала с ней сепаратный мирный договор. Швеция пошла дальше всех — она объявила России войну. Однако английский премьер-министр натолкнулся на неожиданное противодействие в собственном парламенте.

Отличительной особенностью очаковского кризиса был тот факт, что очень серьезные проблемы войны и мира, в отличие от

привычных решений, принимаемых центрами власти, на этот раз обсуждались и решались публично, по крайней мере в Англии. Антирусская позиция Питта не являлась секретом ни для кого еще до того, как успехи русских войск стали казаться английскому премьеру серьезной угрозой спокойствию Британии. Русский посол в Англии С.Р. Воронцов в свою очередь блестяще провел пропагандистскую кампанию с целью настроить общественное мнение страны против войны с Россией. Сам Воронцов плохо владел английским языком, и по представленным им материалам секретарь Воронцова Жоли и его друг член Королевского общества Дж. Парадайс подготовили брошюру "Изучение мотивов и последствий того, что мы сейчас вооружаемся против России"¹¹.

Памфлет был опубликован в Лондоне в начале весны 1791 г. и пользовался большой популярностью. Сторонники дружеских отношений с Россией постарались распространить его среди членов парламента. Эта политика увенчалась успехом.

Вопрос о войне или мире должен был решаться на заседании палаты общин. Питт несколько поторопился: подготовленный им текст резкого ультиматума Екатерине II был отправлен британскому посланнику в Петербург 27 марта 1791 г.

Впервые Британия вмешивалась в отношения Российской империи с третьей стороной: в ультиматуме содержалось требование очистить земли между Бугом и Днестром¹². В письме посланнику Питт сообщал, что парламент определит дату вручения ультиматума российской императрице.

Одновременно было направлено послание Высокой Порте, в котором Турцию самым серьезным образом предупреждали, что Россия собирается напасть на турецкие порты в Красном море, направив туда свой флот с Балтики под голландским флагом вокруг мыса Доброй Надежды¹³!

Дебаты в парламенте начались 28 марта. Палата лордов большинством голосов решительно одобрила подготовку британского флота к военным действиям против России. Но в палате общин нашла коса на камень. Оппозиция выступила против вотиrowания военных кредитов.

Надо отметить, что С.Р. Воронцов отнюдь не возлагал все надежды только на силу печатного слова. Он несколько раз встречался с лидером оппозиционной партии вигов Чарлзом Джеймсом Фоксом, личностью весьма неординарной. Фокс происходил из старинной аристократической семьи, к 25 годам полностью промотал отцовское наследство и добился избрания в парламент, чтобы избежать ареста и долговой тюрьмы. В политической деятельности он обрел себя, но по-прежнему страдал от хронического безденежья. Этот факт был отлично известен русскому посланнику,

и его встречи с британским политиком принесли последнему большую выгоду — в чисто материальном плане...

Речи, направленные против политики Питта, в палате общин произносили Фокс и Э. Бёрк, по оценке Уинстона Черчилля, — “два величайших оратора своего времени”. Думаем, к такой восторженной оценке выдающегося британского политика нашего века стоит прислушаться¹⁴.

Фоксу и Бёрку возражал горячий сторонник Питта Р.Б. Дженкинсон (позже — лорд Хоксбери, с 1809 г. — лорд Ливерпул). Он утверждал, что действия России нарушают равновесие сил в Европе. С яркой ответной речью выступил Эдмунд Бёрк. Он сформулировал мнение большинства политиков Великобритании начала 1790-х годов: Турция не является составной частью баланса сил в Европе. Кроме того, добавил Бёрк, любую христианскую державу надо предпочесть этим дикарям-разрушителям¹⁵.

Твердый сторонник политики Питта, известный политический журналист Уильям Август Майлз в разгар этой полемики опубликовал памфлет “Доказательство того, сколь справедливо и выгодно положить предел экспансии Российской империи”¹⁶. С опровержением основных тезисов Майлза вновь выступил Фокс. Он назвал планы Питта “антикрестовым походом”¹⁷.

Позиция вигов получила поддержку в Сити. На протяжении всего последнего десятилетия реэкспорт русских товаров приносил английским купцам огромные прибыли. Кроме того, именно из России шла основная масса материалов для оснащения английского флота: лес, парусина, смола, пенька... Питт надеялся найти новых поставщиков корабельных припасов в Польше, но безуспешно.

Под воздействием согласованных действий оппозиции и торговых кругов Питт был вынужден отступить. Дебаты продолжались до конца весны 1791 г., но уже без прежнего накала. Правда, Питт сумел привлечь на свою сторону Георга III, но даже такая мощная поддержка не помогла ему. Палата общин еще раз отвергла при голосовании билль о предоставлении правительству военных кредитов для подготовки активных действий против России. Грозный ультиматум так и не был вручен Екатерине II. Теперь перед кабинетом министров стояла задача иного плана: “не слишком позорно выбраться из очень неприятной ситуации”. Это удалось только к середине августа 1791 г., когда в парламенте прекратились дебаты по вопросу о “русском вооружении”. Этому способствовал тот факт, что внимание европейской дипломатии было теперь в основном привлечено к событиям во Франции, развернувшимся после неудачной попытки (21 июля) бегства королевской семьи¹⁸.

Однако успокоить парламент оказалось гораздо проще, чем взбудораженное общественное мнение страны. Очаковский кризис вызвал публикацию целого потока политических карикатур. Доставалось от художников всем участникам. Они не щадили ни своих политиков, ни Екатерину II и ее союзников. Первая карикатура была опубликована в Лондоне 21 апреля 1791 г., но даже после прекращения парламентских дебатов появлялись все новые и новые отклики (и весьма ядовитые!) на проблемы восточной политики Великобритании и России.

Интерес публики к этим вопросам вновь оживился поздней осенью того же года, когда из русского посольства в Лондоне разнеслась весть: императрица Екатерина II пожелала иметь у себя изображение Ч.Дж. Фокса как главного поборника интересов России в Англии. Русский посланник выбрал для отправки в Петербург бюст Фокса, выполненный из белого мрамора известным в те годы ваятелем Дж. Ноллекензом. По распоряжению Екатерины бюст был выставлен в колоннаде Камероновой галереи в Царском Селе. Карикатурам на эту тему не было конца...

Надо отметить, что российская императрица довольно быстро разочаровалась в Фоксе: в середине 1792 г. тот выступил в защиту Французской революции. Современник записал слова императрицы по поводу этого бюста в 1793 г.: "Продала бы его, да только не получить за него и тридцати рублей!"¹⁹ Так и остался на своем месте Чарлз Джеймс Фокс. Он и сейчас поглядывает на посетителей Царского Села с непередаваемым выражением явно-го превосходства и скрытой усмешки...

Итак, османское правительство не дождалось помощи с берегов Темзы. В июле 1791 г. по предложению Высокой Порты было заключено перемирие. В ноябре—декабре 1791 г. в Яссах проходили мирные переговоры, которые завершились подписанием мирного трактата 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.)²⁰.

Нелишне напомнить, что весь 1791 г. был отмечен лихорадочной деятельностью ведомства реис-эфенди. С конца декабря 1790 г. глава османской внешней политики лично присутствовал на затяжных сепаратных мирных переговорах, которые шли в Систове (Свиштов) с представителями Австрии. Вспомним также, что свои боевые действия на протяжении всей войны Вена ограничивала районами Сербии, Боснии и Дунайских княжеств, категорически отказываясь хотя бы как-нибудь согласовывать свою активность с планами и действиями русского военного командования. Это было не очень заметно при военных действиях, направленных против столь малоподвижного и тяжелого на подъем противника, каким оказалась османская армия на излете XVIII столетия. Эта же политика Дворцового военного совета окажется катастрофой менее чем десять лет

спустя, когда Вена и Петербург окажутся перед необходимостью противостоять армиям революционной Франции.

Шедшие более полугода переговоры закончились подписанием 4 августа 1791 г. мирного договора, по которому стороны фактически возвращались к состоянию статус-кво ante bellum, т.е. к границам 1787 г., но все-таки с небольшими территориальными приращениями в пользу Австрии за счет Боснии. Надо отметить, что во время переговоров Порты перебросила часть войск с австрийского на русский фронт, но безрезультатно²¹.

Более важным последствием турецко-австрийской войны стал подъем национально-освободительного движения в Сербии. Там был создан по призыву австрийских властей Военной границы сербский добровольческий корпус — “фрайкор”, в рядах которого фактически прошли обучение многие активные деятели и руководители Первого сербского восстания 1804—1813 гг.

Переговоры в Яссах с представителями русской стороны резко отличались от неспешных, иногда намеренно затягиваемых задушевных бесед в Систове. Опубликованные письма А.А. Безбородко, возглавлявшего русскую делегацию в Яссах, свидетельствуют о том, что турецкие представители держались активно и наступательно. Русская позиция отличалась сдержанностью и отражала общую линию на сохранение и закрепление успехов, достигнутых ценой огромных материальных издержек и людских потерь. Проявлением этой линии стало, в частности, исключение грузинской проблемы из повестки дня переговоров.

Подтверждение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года во всем его объеме сохраняло суверенитет Высокой Порты в Западной Грузии. Однако при этом было четко зафиксировано невмешательство как центральных, так и местных властей Турции во внутренние дела грузинских земель.

Одновременно подтверждение Кючук-Кайнарджийского договора и Айналы-Кавакской конвенции 1779 года закрепляло установленный статус Дунайских княжеств, которые по требованию российской стороны освобождались от уплаты недоимок за годы войны и на два года вперед. Надежды населения княжеств добиться по договору независимости остались на уровне отдельных планов. В сходном положении оказалось население Имеретии, Картли-Кахетии и других грузинских царств, надеявшихся на полный отказ Османской империи от притязаний на Западную Грузию.

Территория между Бугом и Днестром, включая вызвавший столько споров и эмоций Очаков, отходила к России. Бендеры, Килия, Аккерман и Измаил возвращались Турции. Граница была определена по Днестру. На Кавказе границей оставалась р. Кубань. Была сделана уступка турецкой стороне, содержавшая зер-

но будущих осложнений: османским властям было предоставлено право “удерживать” левобережное население от “хищнических набегов” на российские владения на правом берегу Кубани²².

Попытка Турции потребовать возвращения Крыма как предварительного условия переговоров еще в июле 1790 г. была тогда же решительно и окончательно отвергнута русской стороной. Отсутствие вопроса о Крыме в Ясском договоре еще раз свидетельствовало о том, что этот вопрос стал внутренним для Российской империи и обсуждению ни с кем подлежать не может.

Ясский договор закрепил за Россией Черноморское побережье от устья Кубани до устья Днестра. Внешнеполитическая программа России, намеченная в 1760-е годы — добиться обеспеченного выхода к Черному морю, — была решена. При этом несмотря на усилия западной дипломатии все вопросы на мирном конгрессе обсуждались строго на двусторонней основе, что создавало для двух черноморских держав перспективу обретения взаимоприемлемого решения без вмешательства третьей стороны.

Тяжелое военное поражение в войне, в которую правящие круги Османской империи втянулись в коалиции с антирусскими силами, заставило Турцию вплоть до Крымской войны отказаться от участия в союзах, направленных против России. Одновременно начинался жизненно важный для Османской империи период выработки новых принципов внешней политики, новых политических ценностей и реформирования армии. Преимущественное внимание к внутренним проблемам и временный отказ от вооруженной борьбы за потерянные в 1774–1792 гг. земли стали главными элементами политики Высокой Порты на рубеже XVIII–XIX вв.

Западные дипломаты в начале XIX в. так долго и упорно выводили Османскую империю за скобки “большой игры”, что сами поверили в собственную притчу. Будто бы турки еще в начале правления Селима III самоизолировались, отгородились от интересов остального мира. Однако этому существует достаточно простое объяснение.

В ходе военных действий 1787–1791 гг. Османская империя утратила старых союзников и не приобрела новых. Самый надежный из всех прежних партнеров — Франция оказалась захлестнутой волной революционного террора, ее старые политические и торговые связи были полностью разрушены. Пруссия, союзник сравнительно новый, доказала свою несостоятельность в качестве опоры. Австрия и Россия — недавние противники, причем противники удачливые. Быстрое заключение взаимовыгодного союза с такими сторонами вряд ли было возможно.

Оставался единственный кандидат на пост “надежды и опо-

ры” — Великобритания. Именно в ходе парламентских дебатов по поводу очаковского кризиса, во время “первого реального обсуждения принципа Восточного вопроса”²³, 29 марта 1791 г. прозвучали слова, выразившие суть английской политики на 100 лет вперед: “Увеличение мощи России и ослабление Турции затрагивают наши интересы — как торговые, так и политические”²⁴.

Однако этой точки зрения пока придерживались лишь самые дальновидные из английских политиков. Им не удалось привлечь на свою сторону большинство. Так что и этого союзника Высокая Порта получить пока не смогла.

Покинутая союзниками и советниками, Высокая Порта и султан-реформатор сосредоточились на поисках своего прямого, а не через третьи стороны пути к обновлению собственной страны и вступлению в резко меняющуюся Европу. Путь был найден — модернизация армии, флота и системы государственного управления, разработка первых подходов к правам личности.

Проиграв две войны с великой северной царицей, турецкие власти обрели новое видение своих проблем. Начиналась эпоха низам- и джедита.

Фактическая стимуляция великими державами изоляции Высокой Порты как нереализованного очага напряженности вызвала в объекте защитную реакцию. Возобладали внутренние стимулы к преобразованиям.

¹ *Шеремет В.И.* “Греческий проект” и халифат в контексте восточной политики России последней трети XVIII века // Славяне и их соседи: Османская империя и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и Кавказа в XIV–XVIII вв. Тезисы XI конференции. М., 1992. С. 82–86.

² *Мейер М.С.* Россия и Турция на исходе XX века // Московский Центр Карнеги: Научные доклады. М., 1997. Вып. 14. С. 14.

³ *Шеремет В.И.* Империя в огне: Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994. С. 51.

⁴ Там же. С. 53–54.

⁵ *Запорожец В.М.* Турция: проблемы военно-политического развития. М., 1991. С. 79–82.

⁶ Наиболее полный в отечественной литературе анализ военного искусства А.В. Суворова в период русско-турецких войн см.: *Золотарев В.А.* Генезис и тенденции развития военного искусства в России во второй половине XVIII века. М., 1982. С. 232–258. В другой работе того же автора приводится сравнительный разбор военного искусства русских и турецких армий в контексте развития европейского военного искусства нового времени (см.: *Золота-*

- рев В.А. От Карфагена до Карса: Очерки по истории военного искусства. М., 1993. С. 84–112).
- 7 Зеленина Л.В. Формирование принципа статус-кво в политике Великобритании на Балканах (1790–1809) // Советское славяноведение. 1987. № 1. С. 34–45; Зеленина Л.В. Контуры доктрины статус-кво // Балканские исследования. Вып. 18. Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 238–247.
 - 8 Подробнее см.: Шеремет В.И. Историческая конфликтология и проблемы предотвращения вооруженных конфликтов // Проблемы региональной и глобальной безопасности в конце XX – начале XXI веков: Вооруженные силы и высшее военное образование. Российско-американский семинар. Москва, 6–11 сентября 1992 года: Выступления и материалы. М., 1993. С. 155–164.
 - 9 Шеремет В.И. Война и бизнес: Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996. С. 168.
 - 10 Шеремет В.И. Империя в огне. С. 56–57.
 - 11 Serious Enquiries into the Motives and Consequences of Our Present Armament against Russia. L., 1791.
 - 12 The Cambridge History of the British Foreign Policy. Cambridge, 1922. Vol. 1. P. 203–209.
 - 13 Horn D. Great Britain and in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 373.
 - 14 Churchill W.S. The History of the English-Speaking Peoples. L., 1974. Vol. 3 (The Age of Revolution). P. 203.
 - 15 Temperley H. England and the Near East: The Creimea. L., 1936. P. 43.
 - 16 Miles W.A. An Enquiry into Justice and Expediency of Prescribing Bounds to the Russian Empire. L., 1791.
 - 17 См.: Churchill W.S. Op. cit. P. 206.
 - 18 История Франции. М., 1973. Т. 2. С. 24.
 - 19 Anglophobia on the Throne: The British and the Russians in the Age of Catherine the Great / Ed. A. Cross. L. 1992. P. 28.
 - 20 Текст Ясского договора см.: Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С. 41–49.
 - 21 Шеремет В.И. Империя в огне. С. 64.
 - 22 Там же. С. 59.
 - 23 The Cambridge History of the British Foreign Policy. Vol. 1. P. 211.
 - 24 Temperley H. Op. cit. P. 43.

Суворовский план 1793 года наступательной войны с Турцией

Год 1793 начался с ошеломившего легитимную Европу события — казни французскими революционерами короля Людовика XVI. Это подтолкнуло монархические силы к дальнейшей консолидации перед лицом мятежной Франции. Интенсивно формировалась новая европейская коалиция против нее. В марте она включала Англию, Пруссию, Австрию, Испанию, Голландию, германские княжества, Сардинию с Пьемонтом и Неаполь. В нее вошла и Россия. Англия и Россия в марте 1793 г. подписали конвенцию, направленную против Франции. Екатерина II привела российскую армию и флот в боевую готовность ко всему. Была усилена и группировка войск на Днестре. Европа кишела агентами разного рода и государственной принадлежности, и до австрийского двора дошли сведения о намерениях Франции толкнуть Турцию, традиционно находившуюся под ее влиянием, к военному выступлению против России. Разворачивалась борьба между Францией и коалицией.

Между тем внешне русско-турецкие отношения оставались спокойными; произошел обмен посольствами между Портой и Петербургом, сопровождавшийся драгоценными подарками и уверениями в добрососедстве. В этой напряженной и полной ожидания военных конфликтов обстановке в придворных кругах Петербурга рождались разного рода проекты и планы, влиявшие на внешнеполитическую линию Екатерины II или оставшиеся личным мнением прожектеров.

К началу 1793 г. относится план войны против Турции, составленный А.В. Суворовым. В появлении плана, возможно, определенную роль сыграл и психологический фактор: русский полководец, не проигравший ни одного сражения, не мог быть удовлетворен скромными условиями Ясского мирного договора, не соответствовавшими военным победам России в последней войне с Турцией. При этом военная стратегия Суворова в принципе носила наступательный характер, и это не могло не сказаться на его взглядах касательно Турции. План А.В. Суворова неоднократно упоминался в советской исторической литературе¹, но описание его

не связывалось с внешнеполитическими задачами в рамках “Греческого проекта” Екатерины II. Однако некоторые положения этого плана позволяют нам сделать предположение о такой связи.

План “окончания вечной войны с турками” был подготовлен русским полководцем в период его пребывания в Херсоне, куда он был назначен императорским рескриптом 10 (21) ноября 1792 г. командующим войсками в Екатеринославской губернии, Крыму и вновь присоединенных по Ясскому мирному договору 1791 г. землях². Назначение А.В. Суворова на эту должность не было случайным. Обстановка на южных рубежах страны после заключения мира оставалась напряженной, тревожные сведения из Стамбула о стремлении Селима III к реваншу и реорганизации при помощи французских инструкторов турецкой армии и флота требовали укрепления боевой готовности русских войск и укрепления границы.

В мемуарной и исторической литературе приведено немало свидетельств о готовности А.В. Суворова принять участие в военных действиях в случае новой войны с Османской империей, о высказываниях полководца на эту тему в беседах с ближайшими сподвижниками, а также А.А. Безбородко и самой императрицей. Примечательно в этом плане свидетельство, приведенное в записках статс-секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого. В записи от 22 ноября (3 декабря) 1792 г., со слов В.С. Попова, бывшего начальника канцелярии князя Г.А. Потёмкина, он иронично отметил: “Суворов и Мордвинов спят и видят, чтоб войти с флотом в Царьград. Турки тотчас убегут; там останется до 300 тыс. греков — вот наследство вел. кн. Константину Павловичу”³. Важным, на наш взгляд, является упоминание о близости взглядов А.В. Суворова и начальника Черноморского адмиралтейства вице-адмирала Н.С. Мордвинова, еще в 1788 г. подавшего записку князю Г.А. Потёмкину с изложением плана завоевания Константинополя русской эскадрой, отправленной из Севастополя и Херсона ранней весной с тем, чтобы разоруженный на зиму турецкий флот был застигнут врасплох⁴.

С момента назначения на должность командующего южными войсками А.В. Суворов активно занимался приведением в боевую готовность сухопутных войск, строительством и укреплением оборонительных сооружений в Крыму и на Днестре, большое внимание совместно с вице-адмиралом Н.С. Мордвиновым и генерал-майором О.М. Рибасом уделял подготовке Черноморского флота и гребной флотилии. В январе 1793 г. в связи с рескриптом императрицы о подготовке высадки французского десанта в Средиземном море и возможными, по ее словам, “неприятными противу нас действиями” Порты А.В. Суворов представил графу П.А. Зубову план защиты черноморских берегов, собственное мнение по этому пово-

ду высказали и другие военные деятели⁵, в частности О.М. Рибас и генерал А.Н. Самойлов. Следует отметить, что в целом они скептически оценивали успех возможного турецкого десанта в Крыму в этот период и считали, что “положение наше против турок не есть оборонительное, а наступательное”⁶.

В течение 1793 г. А.В. Суворов вел активную и чрезвычайно насыщенную переписку с российскими представителями в Османской империи. В донесениях поверенного в делах в Константинополе А.С. Хвостова, генерального консула в Яссах И.И. Северина приводились подробные сведения о состоянии турецких крепостей, численности и приготовлениях морского линейного и гребного флота, о действиях французской агентуры в Стамбуле, о волнениях в балканских провинциях империи (бунт шкодерского Махмуд-паша)⁷. В сентябре 1793 г. в Константинополь прибыл в качестве российского чрезвычайного и полномочного посла М.И. Голенищев-Кутузов, сообщения которого также стали важнейшим источником сведений о состоянии дел в Порте для А.В. Суворова⁸.

Пожалуй, наиболее примечательным документом в суворовской переписке второй половины 1793 г. можно считать сообщение саксонского советника Ф. Антинга, будущего адъютанта и первого биографа фельдмаршала А.В. Суворова. По просьбе последнего Ф. Антинг, находившийся в это время в Константинополе, подготовил ответы (всего на 23 страницах) на 22 вопроса, касающихся оборонительных сооружений Проливов, средств константинопольского адмиралтейства, реформ армии, источников воды, расположений важнейших зданий и резиденций в городе, политических взглядов султана и наиболее значительных сановников, положения в христианских провинциях, состояния дорог и т.д. В донесении Ф. Антинга были приведены сведения об этническом составе населения Константинополя: 500 тыс. турок, 150 тыс. греков, 180 тыс. армян, 2 тыс. французов, 30 тыс. евреев — всего 862 тыс. человек⁹.

Превосходное владение информацией о состоянии турецкой армии и флота, отличное знание географических особенностей предполагаемого театра военных действий, опыт кампаний П.А. Румянцева и Г.А. Потёмкина, собственный опыт участия в военных действиях против турок легли в основу плана, продиктованного А.В. Суворовым по-французски инженер-полковнику Ф.П. де Волану 10(21) ноября 1793 г. в Херсоне и отправленного по высочайшему требованию в Петербург в начале января 1794 г.¹⁰

План А.В. Суворова представляет собой объемный документ (32 страницы), дающий исключительно важный материал для изучения взглядов полководца по проблемам подготовки и планирования военных действий, взаимодействия между сухопутными и мор-

скими силами, привлечения к активным действиям населения Балкан. Автор четко сформулировал стратегические задачи возможной войны и ее отдельных кампаний, определил потребности в силах и ресурсах, назначил место и время для их сосредоточения.

План носит чисто наступательный характер: “Нужно начинать поход как можно раньше, чтобы они (турки. — И.Б.) не успели собрать своих войск и переправить их к Дунаю”¹¹. План Первой кампании и военных действий “по ту сторону Днестра” предусматривал взятие силами трех корпусов и гребного флота Аккермана, Паланки, Килии, Измаила, Браилова, Хотина, Журжева (Джурджу), Рушука и других крепостей; предполагалось “завладеть Валахией”, “как следует разбить неверных в открытом поле” и взять “реку (Дунай. — И.Б.) до самого ее устья”¹². В целях концентрации сил А.В. Суворов из более 20 намеченных им к захвату крепостей предлагал оставить только 2, а остальные “сравнять с землею, чтобы не держать там сторожевых постов и не размещать войск”¹³. Для начала военных действий, по мнению полководца, достаточно было 60 тыс. человек (всего 100 тыс., включая десантные войска гребного флота), важным фактором он считал время: оно “дороже всего и нужно научиться беречь его”. Первостепенное значение А.В. Суворов придавал взятию Варны “сразу или после приступа” в результате Первой кампании, после чего войска могли бы отправиться на зимние квартиры в Болгарию¹⁴.

В изложении плана Второй кампании А.В. Суворов отметил возможность привлечения балканских христиан (греков, болгар, черногорцев). Довольно реалистично оценивая их способность к участию в военных действиях (“если бы их оказалось большое число в наших войсках, они сделались бы скорее обузой и поглотили их”), он считает целесообразным привлечь островных греков для корсарской и каперской службы, болгар — для “учинения туркам основательных диверсий”. Более активное участие христиан при условии создания из них отборных корпусов возможно, по его мнению, на заключительном этапе войны¹⁵.

Целью Второй кампании являлся переход через Балканы и взятие Константинополя сухопутными войсками при поддержке флота. А.В. Суворов наметил маршруты движения войск (два пути на Константинополь из местечка Канара), места для устройства складов, боевых запасов. Центральным моментом суворовского плана являлось взятие Константинополя. Решение этой задачи, по мнению полководца, должен был предварить ночной десант в составе 10—11 тыс. человек (из них 5 тыс. — черноморские казаки) на укрепления Константинопольского пролива Пориас и Карапче. При условии участия балтийского флота, успешного форсирования им Дарданелл и захвата береговых батарей взятие самого Кон-

Константинополя представлялось возможным А.В. Суворову двумя путями: блокадой или — при условии ожесточенного сопротивления — немедленным приступом, в ходе которого “придется сжечь положительно весь город”¹⁶. По замечанию Суворова, огонь одновременно уничтожил бы опасность распространения чумы, которая не переводится в некоторых частях города. Это замечание о пожаре в Константинополе ассоциируется с изображением медали, подготовленной Екатериной II на случай падения Порты: крест в облаках, мечеть, пожар и надпись “Потщится и низринется”¹⁷.

По оценкам А.В. Суворова, мусульманское население в Константинополе к моменту осады составит с остатками разбитой армии 500 тыс. человек (из них 100—120 тыс. способных носить оружие) и до 120 тыс. христиан, большая часть которых может выступить на стороне русских войск. Заклучая план двух кампаний, полководец призывает удвоить приготовления к ним, поскольку, по его словам, проблема Константинополя должна разрешиться в скором времени и “к обширной Империи, имеющей счастье находиться под милостивым попечением Вашего Величества, присоединим европейские области, изнемогающие под игом врагов Имени Христова и Веры”¹⁸.

В плане, а в большей степени в набросках к нему А.В. Суворов наметил перспективы политических изменений на Балканах: создание Греческой империи, которая, по его мнению, будет состоять из собственно Греции и Негропонта (о. Эвбея в Эгейском море), независимость шкодерского Махмуд-паши, а также возможность предоставления территориальных компенсаций другим государствам: австрийский двор получит часть округов Боснии и Сербии, Венеция — часть Далмации и некоторые острова архипелага, Англия — Кандию и, кроме того, преимущества в левантийской торговле. В набросках А.В. Суворов предусмотрел также изменение военных действий в случае, если “австрийский дом будет втянут турками в войну”¹⁹.

О непосредственной реакции Екатерины II на суворовский план данных нет. Однако прямым ответом императрицы, на наш взгляд, можно считать высочайшие именные повеления, направленные 16 (27) января 1794 г. президенту военной коллегии графу Н.И. Салтыкову, командующему войсками на южных и западных рубежах империи Ю.В. Долгорукову, А.В. Суворову-Рымникскому, И.В. Гудовичу, О.А. Игельштруму²⁰. Содержание этих указов, практически обойденное вниманием исследователей, свидетельствует о намерении императрицы в случае необходимости предусмотреть наступательную стратегию в войне против Османской империи.

В высочайших повелениях 16 (27) января 1794 г., почти идентичных по форме и содержанию, Екатерина II, ссылаясь на “угро-

жение войною” со дня заключения мирного договора, нарушение и невыполнение его статей, а также известия о намерениях турок “открыть противу нас войну чрез три месяца”, требовала принять все необходимые меры “не токмо к отражению их и к защите своей, но и по внесению всегда торжествовавшего оружия НАШЕГО, в сердце областей Турецких”, а также поручала подготовить войска, чтобы они могли быть “в самой скорости устремлены наступательно до самых берегов Дуная и далее”²¹. О серьезности намерений императрицы свидетельствуют определение момента начала войны (в случае, если “Мы или союзник Наш император Римский от турков атакованы будем”), снабжение командующих запасным расписанием войск с указанием сборных мест и предполагаемыми направлениями наступательных операций, требования закладки необходимых для движения войск “магазиннов” с обозначением мест и указанием назначенных для этого сумм (только Ю.В. Долгорукову выделялись на эти цели 200 000 руб.)²².

Особое значение придавалось наступательному характеру действий русских войск: “...по первому известию о разрыве мира с Нами или Императором” различные части русской армии соединить в назначенных местах “в ожидании дальнейших Наших повелений о плане подлежащих наступательных военных операций и тотчас по объявлении войны переправить их через Днестр”, далее “действовать к Дунаю тотчас после разрыва”²³. Переход к неожиданным для врага наступательным действиям императрица определяла в качестве важного фактора успеха: “...воспользоваться можно неготовностью турков и при самом начале удивить их такими предприятиями, коих вовсе не ожидали и к отвращению коих не найдутся в готовности”, таким образом, по ее мнению, “приобрести можно с меньшими силами, с меньшими издержками и с малою потерей выгоды несравненные, посредством коих и прочного мира скорее достигнем”²⁴. Успешные наступательные действия предоставят, по словам Екатерины II, не только возможность низложить “врага имяни Христианскаго скорыми и дальнейшими над ним победами”, но и пресечь действия потенциальных союзников Порты²⁵.

Предписания о подготовке флота к возможной войне получили Н.С. Мордвинов и О.М. Рибас. Им было дано указание привести флотилии “в наилучшее нападательное состояние” и к 1 (12) апреля соединить их в Аджибее²⁶. В высочайшем указе А.В. Суворову 16 (27) января 1794 г. императрица отмечала значение в этой войне флота, который “достигнуть может до торжественного успеха и чесменским пламенем объять стены Цареградские”²⁷.

О военных приготовлениях Екатерины II в начале 1794 г. было известно в петербургских придворных кругах. В марте 1794 г.

язвительный граф Ф.В. Ростопчин писал, что “война для России неизбежна”, императрице “непременно хочется достигнуть своей цели и наполнить газеты вестью о бомбардировании Константинополя”, она “по-прежнему желает обеспечить великому князю Константину Павловичу Молдавию и Валахию и воцарить его там”²⁸. О неизбежности войны сообщал в письме С.Р. Воронцову хорошо осведомленный граф П.В. Завадовский: “...самая связь вещей влечет к решительному удару. Ты ведаешь давнишняя желания”²⁹. Как видим, возможность войны с Турцией присутствовала в умах Екатерины II и ее окружения, но лишь как планы возможного будущего.

В апреле 1794 г. в Петербург поступили сведения о волнениях в польских областях, переросших в широкомасштабное восстание. В рескрипте от 24 апреля (5 мая) 1794 г., поручая руководство объединенными русскими войсками П.А. Румянцеву-Задунайскому, императрица отмечала, что война с Турцией “не может так скоро произойти, чтоб воспрепятствовать Нам в усмирении мятежа польского, которым всемерно поспешать должно, упреждая дабы в случае разрыва с Портою не иметь сугубых затруднений”³⁰. Польские события в конечном итоге не дали возможности осуществить план “вынужденной” войны с Османской империей.

Проект А.В. Суворова остался фактом состояния русской военно-политической мысли, прежде всего настроений самого полководца, в неустойчивой международной ситуации в Европе начала 90-х годов XVIII в. Развитие российско-турецких отношений перед лицом нарастания наполеоновской агрессии пошло по пути сближения Петербурга и Порты, завершившегося историческим союзным договором 1799 г.

¹ Крупченко И. А.В. Суворов и военное искусство // Военно-исторический журнал. 1980. № 10. С. 71–75; Суворов А.В. Походы и сражения в письмах и записках / Сост. и вступит. ст. О.Я. Сарина. М., 1990. С. 17–18; Суворов А.В. Документы. 1791–1793 / Под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1952. Т. 3. С. XI–XII.

² Суворов А.В. Документы. Т. 3. С. 129.

³ Дневник А.В. Храповицкого с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901. С. 243.

⁴ План, поданный графом Суворовым на утверждение Ея Величеству Императрице в 1795 году // Русский архив. 1914. Кн. 2. С. 179.

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГА-ДА). Ф. 20. Дела военные. Ед. хр. 339 (ч. II). Л. 79–80.

⁶ Там же. Ед. хр. 365 (ч. II). Л. 127–131, 177–186.

- 7 Переписка А.В. Суворова 1793 г. частично опубликована: Из бумаг фельдмаршала князя Суворова // Русский архив. 1878. Кн. 1. № 2. С. 140–152; *Суворов А.В. Документы*. Т. 3. С. 142–272; Он же. Походы и сражения в письмах и записках. С. 343–351; Он же. Письма. М., 1986. С. 245–263.
- 8 О пребывании М.И. Голенищева-Кутузова в Стамбуле см.: *Шеремет В.И. Сафьяновый портфель М.И. Кутузова* // Сб.: XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998. С. 119–125.
- 9 РГАДА. Ф. 15. Ед. хр. 475. Л. 1–12.
- 10 Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. ВУА. Д. 17785. Ч. I. Л. 1, 4–18; Ч. II. Л. 1–16. В деле две копии суворовского плана. Первая копия плана (Ч. I. Л. 1, 4–18), представленная кавалером Маллия в 1806 г. и ошибочно им датированная, опубликована на рус. яз. в: *Русский архив*. 1914. Кн. 2. С. 159–175, а с уточнением даты в: *Суворов А.В. Документы*. Т. 3. С. 252–266. Вторая копия (Ч. II. Л. 1–16) с указанием даты и места составления идентична публикации плана на языке оригинала в труде А. Петрушевского “Генералиссимус князь Суворов” (Т. 2. СПб., 1884. Приложение III к главе XIV. С. 431–447). В данной статье автор ссылается на копию, хранящуюся в РГВИА (Ф. ВУА. Д. 17785. Ч. II. Л. 1–16).
- 11 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 17785. Ч. II. Л. 3.
- 12 Там же. Л. 3–5.
- 13 Там же. Л. 4–5.
- 14 Там же. Л. 5–6, 9.
- 15 Там же. Л. 10; *Суворов А.В. Документы*. Т. 3. С. 250–251.
- 16 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 17785. Ч. II. Л. 16.
- 17 Кое-что о временах Екатерины II-й (Из записок Н.В. Сушкова) // *Русский архив*. 1865. М., 1866. С. 615.
- 18 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 17785. Ч. II. Л. 16.
- 19 *Суворов А.В. Документы*. Т. 3. С. 250–251.
- 20 РГВИА. Ф. 29. Именные высочайшие указы 1794 года. Оп. 1/153-в. Д. 2а. Л. 3–24. Текст указа А.В. Суворову опубликован: *Суворов А.В. Документы*. Т. 3. С. 272–277.
- 21 РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153-в. Д. 2а. Л. 5, 11.
- 22 Там же. Л. 6, 8, 25–28.
- 23 Там же. Л. 5, 7.
- 24 Там же. Л. 5.
- 25 Там же. Л. 6.
- 26 Там же. Л. 15.
- 27 Там же. Л. 16.
- 28 Письмо графа Ф.В. Ростопчина о состоянии России в конце Екатерининского царствования // *Русский архив*. 1878. Кн. 1, № 3. С. 295. Ф.В. Ростопчин не точен: у Екатерины II никогда не было планов по-

садить Константина в Дунайские княжества. Она предназначала его в качестве императора Греческой империи.

²⁹ Архив князя Воронцова. Кн. XII. Бумаги графов Александра и Семёна Воронцовых. М., 1877. № 71. С. 104.

³⁰ Из бумаг князя Потёмкина-Таврического // Русский архив. 1865. М., 1866. С. 750.

Екатерина II в сознании сербов-современников

История русско-сербских связей всегда привлекала внимание исследователей. Но при этом остается слабо изученным взаимное восприятие народами друг друга в прошлом. Это тем более касается общественного взгляда на государственных деятелей, отношения сербов к царствующим лицам в России. В литературе вообще не освещалось восприятие сербами во второй половине XVIII в. главы России того времени Екатерины II. Настоящая статья ставит задачей восполнить исследовательский пробел.

В глазах сербов-современников Екатерина II персонифицировала Россию, поэтому и взгляд на императрицу окрашивался отношением к мощной славянской державе в целом. При этом разные группировки сербов проявляли различное понимание деятельности главы государства.

Восприятие сербами Екатерины II, опираясь на славянское родство и языковую близость сербов и русских, религиозную общность и традиции взаимопонимания, определялось в конечном итоге внешнеполитическими успехами императрицы в противостоянии России и Турции. Победы российского оружия на Балканах были самым сильным аргументом в пользу повышенного внимания сербов к царствующей особе.

Во второй половине XVIII в., как и ранее, наибольшим авторитетом у сербов пользовалась православная церковь. Но у них не было единой церковной организации, и сербская церковь на территории, подвластной Порте, австрийскому двору и венецианскому сенату, занимая неодинаковое положение, проявляла себя сообразно с местными обстоятельствами. Но во всех случаях ее позиции касательно Екатерины II определялись традиционными связями с единой Россией, конкретными нуждами церковной организации и потребностью в опоре для улучшения положения сербов.

Сербское духовенство постоянно обращалось к Екатерине II за помощью. Но ее характер мыслился церковными лицами в Австрийской монархии и в землях, находящихся под властью Порты, притом в разное время, неодинаково. Так, в 1764 г. сербский епи-

скоп в Славонии Арсение Радивоевич, епархия которого охватывала 4 монастыря и 75 приходов, просил императрицу через российского посла в Вене Д.М. Голицына прислать богослужебных книг и церковной утвари. Просьба Радивоевича была удовлетворена¹.

Надежды, возлагавшиеся черногорской церковью на Екатерину II, в силу совмещения митрополитами религиозных и государственных функций, а также полунезависимого положения Черногории были шире. Цетинский митрополит Сава Петрович в донесении в Коллегию иностранных дел от 1765 г., величая императрицу “истинной защитницей греческого православия”², хлопотал не только о “награждении святых церквей”, но и о том, чтобы “народ снабдеть и законом утвердить и от честаго турецкаго нападения и тиранства вечно освободить”³. “Всепресветлейшая” восстановила выплаты Черногории денежной субсидии, установленной еще Петром I для Цетинского монастыря, но выплачиваемой нерегулярно, хотя загадочная история со Степаном Малым и внесла временное охлаждение в черногорско-российские отношения.

В 1766 г. Сава Петрович и черногорские старейшины теперь уже в обращении непосредственно к Екатерине II писали: “Мы, общество черногорское, силно и крепко надеемся, что от вашего монаршаскаго благоволения не будем оставлены как силною протекциею, так и годним пенсионом. Для сего обещаемся как пред живущим богом, так и монаршаским вашим величеством кровию нашею заслужить, когда будет повеление вашего монаршаскаго величества и потомков наших”⁴. Сава Петрович с начала воцарения Екатерины II не ограничивался в своих надеждах на императрицу религиозными чувствами и церковными потребностями, но связывал с ее помощью государственное строительство в Черногории и полное освобождение от власти турок.

К Екатерине II и российским государственным лицам неоднократно обращались сербские кнезы с ходатайствами о защите от османов или переселении сербов в Россию. Естественно, определения, даваемые Екатерине II при этом, носили панегирический характер. Сербские кнезы Рашки в 1784 г. возвеличили ее до степени “защитницы рода человеческого”⁵. Но при этом в характеристике правительницы России получали отражение и реальные черты ее жизни и деятельности. Она представляла прежде всего под знаком благочестия, сербское сознание фиксировало преемственность между нею и Петром I в российской мощи и славе. Кнезы Рашки, считая ее “единою в свете надеждою”, писали: “...мы, сербы, имея один язык и православие с россиянами, имеем больше привязанности и усердия к благочестивой государыне нашей, нежели какой-либо другой народ”⁶. Сербские кнезы аргументирова-

ли особое отношение к Екатерине Второй генетическим родством и единоверием сербов и русских.

Русско-турецкие войны оказали неоднозначное влияние на отношение сербов к Екатерине II. Представители сербского населения в Герцеговине во главе с архимандритом древнего православного монастыря Студеницы Авксентие Радоничем в 1794 г. в обращении к Петру I Петровичу Негошу с просьбой о содействии их переселению в Россию подчеркивали свою приверженность "к сильной и православной и непобедимой императрице всероссийской"⁷. Екатерина II, олицетворяя в сознании сербов военную силу России, выступала в ореоле славы и непобедимости.

Вместе с тем манифесты императрицы, обращенные к христианам в связи с началом русско-турецких войн, побуждали сербов в ряде мест к вооруженным действиям против турок. Терпя поражения, повстанцы вынуждены были с семьями покидать родные места во избежание мести османов. Многочисленным был поток беженцев после 1789 г. из Герцеговины в Черногорию, которая не могла оказать им действенной помощи. В 90-е годы беженцы неоднократно обращались к Петру I Петровичу Негошу, российским высокопоставленным лицам и к самой Екатерине II с просьбой о переселении в Россию⁸. Однако российские власти в эти годы считали нецелесообразным поощрять массовое эмиграционное движение в условиях мирных отношений с Турцией и сложной международной обстановки при признании Портой права Петербурга покровительствовать балканским христианам⁹. Поэтому решение вопроса, в частности о переселении герцеговинцев, затягивалось.

Победы России в войнах с Турцией вызывали у сербов чувства гордости за единоверный народ и удовлетворения посрамлением турок-угнетателей, надежды на лучшее будущее. Поэты славали вдохновенные стихи во славу русского оружия, писатели воздавали хвалу Екатерине II. Вместе с тем екатерининская рискованная политика на Балканах во время вооруженных конфликтов с Турцией порождала проблему беженцев в глубине региона, далеко от фронта военных действий. Сербов не постигло разочарование в победоносной России, какое охватило их на исходе столетия в отношении Австрии, которая бросила местных повстанцев, взявшихся за оружие в поддержку габсбургских войск, на произвол турок после ухода ее армии в 1790 г. из западной Сербии и Боснии и заключения сепаратного мира с Турцией. Но обращения сербских беженцев в Петербург и после 1774 г., и после 1791 г. с просьбой о переселении в Россию были отмечены чувством беззащитности, безнадёжности и отчаяния. Вынужденные покинуть родину сербы не упрекали, только молили о защите. Екатеринин-

ская дипломатия стремилась реализовать обретенное силой оружия право Петербурга на покровительство угнетенным христианам.

С почитанием неоднократно упоминал Екатерину II Герасим Зелич в книге “Житие”. Мемуарное сочинение на сербском языке основывалось на записках автора. Предисловие помечено апрелем 1817 г., но вышло оно в Буде в 1823 г. Несомненно, ток времен наложил печать на оценку автором прошлых событий, но это не касалось восприятия современником российской императрицы.

Г. Зелич дважды посетил Россию, длительное время пребывая в разных городах. Иеромонах известного монастыря Крупы в Далмации, он оказался в результате внутримонастырских интриг “без всякой службы и дела”¹⁰. Не теряя времени даром, Зелич в 1782 г. отправился через Вену, Пешт и Польшу в Россию, чтобы научиться иконописанию и одновременно собрать “милостыню”. “Поскольку с тех пор как греки и сербы потеряли царства, — писал он, — монахи в Турции вынуждены жить большей частью за счет подаяний”¹¹.

Г. Зелич учился в Киево-Печерской лавре иконописи до марта 1783 г. Но не достигнув больших успехов (чтобы освоить это ремесло в совершенстве, нужно было заниматься им с детства), а также из-за болезни глаз он покинул лавру и в течение трех месяцев собирал “милостыню” в районе между Киевом и Херсоном. В это время вблизи Херсона сосредоточивались российские войска во главе с Г.А. Потёмкиным в ожидании вступления в Крым. Татары, по замечанию автора, раньше своими набегами беспокоили россиян, доходя иногда до Москвы. Через адъютанта князя генерала Салтыкова Зелич был представлен Потёмкину и по его указанию получил бессрочный паспорт до Петербурга для сбора “милостыни”¹².

Однако в столицу Зелич не поехал, но стал свидетелем событий, развернувшихся в Крыму. Мемуарист пишет, что здесь разгорелась борьба за ханский престол и по повелению Екатерины II Потёмкин направил свою армию в Крым. На просьбу татар о помощи, говорилось далее в книге, “султан ответил, что ему достаточно было с Россией воевать и что он больше в своей жизни не будет с ней сражаться”. Татарам ничего не оставалось, продолжает Зелич, как “добровольно поклониться и предаться российской императрице Екатерине Второй”¹³. Они направили депутацию в составе 12 человек в Херсон к князю Потёмкину и вручили ему ключи от Крыма. В 1784 г. Зелич покинул Херсон.

Через два года Г. Зелич, теперь уже в сане архимандрита далматинского монастыря, предпринял новое путешествие в Россию с целью сбора “милостыни” для Крупы. Находясь на польско-рос-

сийской границе, в начале 1787 г. он получил паспорт до Петербурга по специальному указанию императрицы¹⁴.

Однако деятельный монах, узнав, что Екатерина II находится в Киеве, устремился туда. Его влекло неудержимое желание, “как бы удостоиться увидеть и поцеловать руку великой и благочестивой императрицы”¹⁵. По рекомендации губернатора Зелич обратился к духовнику Екатерины II Иоанну Панфилову, тот просил ее оказать честь архимандриту, и “она это дозволила”. Сообщая Зеличу о решении императрицы, духовник прибавил: “Но не дерзните никакого прошения (просительного письма) ей дать, поскольку правительство запретило утруждать в пути ее императорское величество”¹⁶. Излагая эти хлопоты, Зелич не мог удержаться, чтобы не передать сильное впечатление, произведенное на него архиерейским облачением из золототканой парчи.

С восхищением Зелич описывает литургию в Успенском соборе Киево-Печерской лавры. Придя в положенное время, он встал в алтаре в совершении проскомидии, чтобы можно было в ходе службы “наглядеться на царицу, которая стояла на правой стороне перед троном (престолом), специально сделанным для нее”. Собор и дорога к нему от ворот монастыря, продолжает мемуарист, были покрыты зеленым сукном. Екатерина вышла из кареты у ворот Печерского монастыря и шла пешком до собора “из благоговения”, хотя карета могла подъехать к самому храму. На литургии все придворные дамы стояли за императрицей справа, а сановники и генералы слева позади. Служба сопровождалась духовным песнопением. Певчие на хорах пели по нотам. “...И невозможно описать, — замечает автор, — как наслаждались и радовались они слух человеческий”. Литургия завершилась целованием руки императрицы в порядке чинов. Зелич оказался последним. При этом далматинский архимандрит был особенно поражен русским обычаем — обменом поцелуями императрицы и духовенства¹⁷. Церковная служба в Киево-Печерской лавре привела Зелича в восторженное, умильное состояние, которое передано и в его “Житии”.

В целом большинство сербов, в первую очередь духовенство, а также простое население в разных землях рассматривали Екатерину II как покровительницу, защитницу и спасительницу православных перед лицом иноземных угнетателей.

Значимость религиозного фактора в рассматриваемое время, постоянство связей России с местной церковью на Балканах определили идейное оформление балканской политики Екатерины II. Вместе с тем, надо полагать, оказало влияние и массовое восприятие российского престола, согласно традиции, как хранителя и оплота православного начала. Вслед за Петром I Екатерина II идеологически обосновывала юго-западное направление российской

внешней политики двумя постулатами: защитой православной веры и освобождением подвластных Порте христианских народов¹⁸. Они выступали в обрамлении таких понятий, как польза, справедливость, вольность, благополучие. Все это было понятно, знакомо и близко христианскому населению на Балканах.

Новый взгляд на Екатерину II выразил один из самых замечательных представителей светской сербской культуры XVIII в. Захария Орфелин. Он проявил себя в разных сферах творчества, восприняв рационалистический подход к пониманию жизни. Человек широких интересов и безмерно талантливый, во многом опередивший свое время, З. Орфелин явился предтечей сербского Просвещения.

З. Орфелину принадлежит знаменитый двухтомный исторический труд «Житие и славныя дела... Петра Великаго» (Венеция, 1772), написанный на русском языке с сербизмами. Он открывается обращением к Екатерине II: «Всепресветлейшая державнейшая государыня императрица и самодержица всея России». Но поскольку Орфелин издал это сочинение анонимно, как, впрочем, и другие наиболее значительные свои произведения, Посвящение было подписано издателем, собственником кирилловской типографии в Венеции греком Д. Теодосие. Так труд и вошел на многие десятилетия в историографию, пока сербский историк Д. Руварац в 1887 г. точно не установил авторство этого уникального сочинения. Сам факт посвящения монографии Екатерине II говорил о глубоком почитании сербским писателем и историком российской императрицы.

Наиболее важным в описании деятельности Екатерины II было стремление Орфелина определить ее место в истории России. «Понеже всяк из оных, — писал он, — который в Европе слышит именованье Российской империи, и гремящую тоя славу, а притом и о Великом Петре, который оную возобновил и распространил, должен ведать, что Ваше императорское величество его путем следует, и о всегдашнем умножении как Империи Российской славы, так и о благополучии подданных своих, стемиж благопоспешными и благохвальными намерениями, кои Великий оный Государь воспримал, не прерывное попечение имеет»¹⁹. И далее, в предисловии, Орфелин повторял, что Екатерина II «духом Великаго Петра правительствует» и «Петр Великий в Екатерине Второй воскресл, жив...»

В глазах Орфелина, Екатерина II довела до высшей точки начатое Петром I дело возвышения России. «А притом империя, как и род российской, — говорилось в Посвящении, — к такому пришло чинному состоянию и вежеству знаний, художеств и благих нравов, к каковому никакая иная нация в понятии склоннейшею

быть могла бы. И так прилично да и праведно бы сказать можно было, что таковая и толика слава от благаго и великаго бога, особливо токмо вашему величеству отложена была”²⁰. Императрица неоднократно объявляла себя последовательницей Петра I, льстили ей в этом и вельможи, связывая с ее деятельностью дальнейшее усиление мощи России. Орфелин же понимал эту преемственность как продолжение обновления страны, необходимого, с его точки зрения, условия всякого процветания. Значительность деяний Екатерины II он подчеркивал заложенным в них божественным промыслом.

Сербский автор с удовлетворением отмечал широту деятельности Екатерины II, охватившей своим вниманием все, что “к охранию, расширению и пользе империи” касалось.

Среди конкретных дел императрицы Орфелин прежде всего назвал ее законодательную инициативу. Во второй половине XVIII в. Россия жила еще по Уложению 1649 г. “Учреждение же Вашего величества всоставлении новаго уложения, — говорилось в Посвящении, — о высоком попечении и изволении Вашем довольным до казателством есть, и явственню вид добродетелей Вашего величества изображают. Сия довольно показывают намерение и дух идей Вашего величества всегда благонравных, не усыпно пекущихся о растворении строгости законов милостию, милость же законами. И сие то есть истинное знание, которое Вашего величества подданных, о своей толь премудрой государыне во удивление приводит, и оную как мать свою любить наставляет”. В политике Екатерины II 60-х—начала 70-х годов Орфелин правомерно выделил главное — попытку обновления законодательства.

В то время в передовых кругах европейского общества громадным успехом пользовался философско-политический труд Ш.Л. Монтескье “О духе законов” (1741). В сложнейшем учении французского просветителя наибольшую популярность получил тезис о монархии, управляющейся на основании точных законов и через посредствующие инстанции, стоящие между правителем и народом. В этом виделся залог ограждения общества от деспотии. Екатерина II широко использовала труд Монтескье при составлении своего *Наказа* Уложенной комиссии, приступившей к работе в Москве в 1767 г. Он был напечатан, правда, с купюрами наиболее смелых мест. Как известно, Уложенная комиссия, переведенная затем в Петербург, ввиду раздиравших ее противоречий и неспособности выработать проекты законов, удовлетворяющих все слои общества, как о том мечтала Екатерина II, в 1768 г. под предлогом начала русско-турецкой войны прекратила деятельность.

Лучшие умы среди сербов, особенно явственно это проявится

в национальном Просвещении, также воспринимали “мудрые” законы в соответствии с критической, рационалистической философией как условие благополучия и благоденствия общества и гарантию от тирании, анархии и произвола.

З. Орфелин исходил из посылки, что “наинужнейшее, наиболее полезнейшее” — это просвещенный наукой разум, “чем управляются, возвышаются и утверждаются царства земныя”²¹. Среди наиболее значительных учреждений эпохи Екатерины II он упоминал в Посвящении “академии для наставления шляхетства во всяком искусстве военном” (шляхетские корпуса), гимназии, “коллегии для воспитания и наставления юности в вере, нравах, и разных художествах”, “Академию резьбы, живописи и скульптуры” в Петербурге (Академию художеств), гимназию для двухсот благородных девиц (Смольный институт). В труде говорилось о работе в Москве университета с гимназией, типографии, библиотеки. Сербский автор писал о цветущем состоянии Петербургской академии наук (она сочетала научную и образовательную деятельность), которая “приводит всех европейцев во удивление: она имеет учителей, каковых Германия, Франция, Англия, Холландия и Италия наилучших могли произвести. В Петербурге предаются науки, какие только в Европе находятся, на разных и на российском языках”²².

Среди многочисленных достопримечательностей Петербурга Орфелин отметил хорошо организованную типографию, располагающую шрифтами почти всех восточных и западных языков²³.

“И да бы не было отнюд в славе и светлости благополучной жизни Вашей какового недостаточества, — говорилось в Посвящении, — изволит Ваше величество, как в Петербургской славной Академии, так и ко двору своему зазывать философов нынешних времен отличнейших, котории как по всякому изъятию превосходнии, свидетельствовать и со удивлением признавать могли бы, коликое в исполнении знатных онаго государя императора Петра и преславных предприятий, Ваше императорское величество упражнение прилагать соизволяет”²⁴.

З. Орфелин представил в своей книге общее состояние науки и образования в России в начальный период царствования Екатерины II. Подавляющая часть упомянутых учреждений вела свою историю из более раннего времени. Екатерина II учредила лишь в 1764 г. Институт благородных девиц (Смольный институт) — первый женский воспитательный дом в России. По широте образовательных программ и наличию отделения для девочек недворянского происхождения он в те годы являлся замечательным учебным учреждением. Были открыты также воспитательные дома для сирот в Петербурге и Москве. Всеобъемлющая же школьная реформа императрицы была еще впереди. Необходимо отме-

тить, что сербский писатель, по-видимому, за отсутствием информации вовсе не упомянул о таком знаменательном начинании Екатерины II, как учреждение в 1765 г. в Петербурге Вольного экономического общества, независимого от властей учреждения, призванного содействовать улучшению состояния сельского хозяйства в стране.

Э. Орфелин видел в Екатерине II представительницу европейского образования, покровительницу наук и сторонницу приобщения России к накопленным на Западе знаниям.

Сербский автор упомянул также в качестве заслуг российской императрицы “публично призываемии целыя колонии для народного умножения и ради толь пространния империи Вашей земель населения”²⁵. Развернувшаяся в середине XVIII в. эмиграция православного населения в Россию непосредственно касалась и судеб сербов, спасавшихся таким путем не только от османского произвола, но и от угнетения в государстве Габсбургов. Российское правительство поощряло тогда переселенческое движение, рассчитывая с помощью колонистов частично решить военные и хозяйственные задачи, особенно на юге страны. Массовое миграционное движение в Россию имело результатом активное освоение необжитых территорий государства и, хотя судьбы колонистов складывались по-разному, облегчение положения выходцев с Балкан. Масштабность этого явления была такова, что сербский писатель не мог обойти его своим вниманием.

Среди заслуг Екатерины II в Посвящении упоминалась “коммерция такожде с отдалеными Азии нациями заведеная и умноженная”.

Орфелин создал свой труд в годы первой екатерининской русско-турецкой войны. Победы российского оружия на суше и на море дали ему основание высказаться в предисловии о ней как о “предприятии”, “которое ныне всю вселенную в несказанном удивлении, а Малую Азию и всю Турецкую империю в крайнем трепете и ужасе содержит”²⁶. Орфелин первым из сербов отметил масштабность и общеевропейский резонанс внешней политики Екатерины II.

Сербский писатель в историческом труде дал краткую, но емкую характеристику деятельности Екатерины II. Это был начальный период ее правления, когда она, полная смелых замыслов, вела переписку с Вольтером, Дидро, Д'Аламбером, Ф.М. Гриммом и другими лучшими умами Западной Европы и предпринимала разносторонние начинания как во внутренней, так и внешней политике. Этим начинаниям присущи черты “просвещенного абсолютизма”, и при всей их поверхностности и ограниченности они служили государственным интересам России. Однако потребность са-

моутверждения в качестве державной императрицы при отсутствии всяких династических прав, опасность потери трона из-за неспособности и неготовности дворянства к новациям сводили новаторские замыслы Екатерины к осторожной политике с оглядкой на возвысившую ее гвардию, а желанное ею благодетельствование всех подданных вырождалось в безрезультативные потуги.

Однако несмотря на противоречивость действий Екатерины II у сербского писателя были основания в те годы связывать с нетрадиционной фигурой императрицы позитивные черты в жизни страны. На протяжении XVIII в. в России не утихала борьба по вопросу о путях развития государства. В начальный период царствования Екатерины II Э. Орфелин не без основания оценивал ее деятельность как политику европеизации России.

Орфелин посвятил труд о Петре I Екатерине II не из конъюнктурных соображений, хотя надежды на повышенный интерес в России к его книге при этом нельзя исключить. В его понимании все начинания императрицы были подтверждением выстроенной им исторической концепции развития России — неуклонного возвышения славянской страны на основе знаний и обновления посредством использования европейского опыта.

Э. Орфелин написал труд о Петровской эпохе в России, не в последнюю очередь имея в виду животрепещущие вопросы жизни сербов. Не случайно в монографии автор неоднократно обращался к современному ему положению соплеменников, видя в петровском опыте материал для размышлений и пример для подражания. Примечательно, что в деятельности Екатерины II он обратил внимание на разработку ею законов, развитие наук, светского образования и искусства, расширение торговли, т.е. на те проблемы, которые являлись весьма актуальными для сербов.

Образ Екатерины II присутствовал в сочинениях мыслителя, писателя, педагога главы сербского Просвещения Досифея Обрадовича, но большей частью безымянно, в связи с победоносными русско-турецкими войнами. В “Советах здравого разума” (1784) и “Баснях” (1788) он приветствовал успешное освобождение Россией территорий от османской власти²⁷. Обрадович продвинулся в понимании австро-, русско-турецких войн. В сочинении “Басни” он писал: “Известно, что римский император* и российская императрица за интересы своих царств с турками воюют, но тем не менее каждая благоразумная и человеколюбивая душа благословит имена тех, кого вечный промысл избрал в качестве своего орудия, чтобы уменьшить беспорядок, варварство, чуму, мрак суеверия и невежества и все злополучия, которые из них истекают, со вре-

* Имелся в виду Иосиф II.

менем истребить из человеческого рода”²⁸. Сербский глава Просвещения впервые в общественной мысли сербов разделил государственные интересы России и Австрии и потребности балканских народов. Но осознав наличие у Екатерины II и Иосифа II особых геополитических задач, Обрадович тем не менее однозначно позитивно оценивал результаты их действий в отношении Турции для региона в целом. При этом он делал акцент на гуманистическом характере антиосманской политики.

В 1789 г. в разгар войны России и Австрии против Турции Обрадович написал “Песню об избавлении Сербии”, в которой прославлял победы австрийского и русского оружия над османами.

Екатерина II присутствовала в произведениях Досифея Обрадовича не только как конкретный государственный деятель, правительница могущественной России. Вектор ее деятельности оказал влияние на теоретико-политические взгляды сербского мыслителя. Черты, присущие Петру I, Екатерине II и Иосифу II, в представлении Обрадовича, создавали идеальный образ просвещенного правителя, с которым связывалась вера в обновление мира и торжество разума. С ним должны были соотносить свои человеческие свойства и деятельность реально существующие монархи. “Если когда-либо род человеческий придет к своему благополучию, — писал Обрадович, — он достигнет его под управлением и предводительством ученых и добродетельных государей, а не иначе”²⁹. Петр I, Екатерина II и Иосиф II являли собой, по мнению сербского писателя, признаки идеального просвещенного правителя, наделенного сознанием не только своих прав, но и обязанностей по отношению к подданным.

Близких взглядов на Екатерину II придерживался П. Соларич, ученик и сподвижник Д. Обрадовича. В книге “Ново гражданско землеописание” (Венеция, 1804) он утверждал: “И то, что в наши времена просвещение за одно столетие далее, нежели в древности за шесть, преуспеть может, свидетельствует нам Россия”³⁰. Далее он конкретизировал состояние образовательного дела в стране: “Распространение и умножение полезных знаний в России при царе Петре Великом началось, и хотя еще деятельнее со всей щедростью со стороны Великой Екатерины II облагодетельствовано и сейчас быстро продвигается вперед, есть еще в хороших образовательных учреждениях большой недостаток”³¹. Хотя Соларич не упоминал о школьной реформе императрицы, он особо отметил после Петра I ее роль в развитии образования в стране.

Сербские деятели культуры высказывались о Екатерине II в связи с теми или иными событиями, что определяло соответствующий акцент в их характеристиках. В 1789 г. И. Раич, непреложный у сербов авторитет в области православия, церковный дея-

тель, историк, поэт, издал на народном языке аллегорическую поэму “Бой змея с орлами”. Ставшая знаменитой, она воспевала победы союзников над османами.

В центре поэмы находятся два события: взятие русскими войсками Очакова и австрийскими — Белграда. Поэт особо подчеркивает содружество Екатерины II и Иосифа II перед лицом турок:

У них дух один, и сердце едино.
Войска их учены, и все стоят чинно³².

Змею Мухаммеду следует предупреждение:

С орлами ты имеешь дело, побереги очи,
Выколет в самом деле, кто раньше доскочит³³.

И вот Очаковым овладела “сильная, славная Катя”. Она открывает путь к Дарданеллам, в ее руках ключи от Дона, Днепра и Днестра. “Черного моря госпожа угрожает Буюкдеру”. Возвышается Херсон (заложенный императрицей в 1777 г.), растет в нем торговля. Все это вызывает у поэта чувство восторга: “Пусть здравствует Катерина, всей России Гордость”³⁴. В поэме упоминаются екатерининские военачальники: Потёмкин — “солдат неутомимый”, Суворов — “юнак дивный”, Волконский — “храбрый воевода, по происхождению князь, генерал и славного рода”, Каменский³⁵. И. Раич заключает сочинение молитвой за жизнь Екатерины II и Иосифа II:

А ты, боже Саваоф, обоих сохрани,
Твою благость и милость на них распространи.
И как ты начал, так и кончай,
Всякое добро чрез них твоим людям дай³⁶.

В поэме Раича Екатерина II предстает как символ русской воинской славы, как целеустремленная и рачительная правительница, обеспечившая господство России на Черном море, и как благотельница человечества.

В 1794–1795 гг. И. Раич выпустил в Вене фундаментальный четырехтомный труд на архаичном русском литературном языке “История разных славенских народов наипаче болгар, хорватов и сербов из тмы забвения изятая и во свет исторический произведенная”. Первый том этого труда, переизданный в России, был проникнут сознанием общности славян. В 1795 г. Екатерина II в знак признательности одарила И. Раича за его заслуги золотым медальоном со своим изображением.

Жизнь и деятельность Э. Орфелина, Д. Обрадовича, П. Соларича, И. Раича были связаны с Австрийской монархией. Внутренняя обстановка там, союзнические отношения Австрии и России, йозефинизм, атмосфера Западного Просвещения — все это в

той или иной мере влияло на восприятие российской императрицы сербскими деятелями культуры. Этим, в частности, можно объяснить нередкое упоминание ими Екатерины II наряду с Иосифом II, одновременное прославление русского и австрийского военного искусства, восприятие и российской, и австрийской политики на Балканах как тождественной.

В 1787 г. Россию посетил Сава Текелия, один из немногих сербских дворян в Австрийской монархии. После успешного завершения учебы в университете Пешта и (впервые среди сербов) получения звания доктора юриспруденции он отправился в Россию к родному дяде генералу П.А. Текелин. Последний хотел видеть в племяннике наследника своих богатств. В Петербурге Сава Текелия не раз бывал в Зимнем дворце и видел Екатерину II. В воспоминаниях, над которыми он работал с 1798 по 1842 г., до конца своей жизни, автор нарисовал ее словесный портрет: “Царица — женщина невысокого роста, полная, но все еще красивая, на голове у нее была небольшая корона из бриллиантов”³⁷.

Надежды сделать в России с помощью высокопоставленного дяди блестящую карьеру не оправдались. Возможно, крушение планов сыграло не последнюю роль в том, что по возвращении в родной Арад Сава Текелия испытал разочарование в Петербурге. В период же наполеоновских войн он, известный уже политический и общественный деятель, и вовсе занял антироссийскую позицию. В меморандуме Наполеону от 1803 г., с которым Текелия связал теперь надежды южных славян, автор развивал мысль о захватнических планах Петра I и Екатерины II на Балканах.

Деятельность Екатерины II в 90-е годы XVIII в. получила отражение в одной из первых сербоязычных газет “Славенно-сербския ведомости”. Ее издателем был известный предприниматель Стефан Новакович, придворный агент, купивший в Вене типографию И. Курцбека. Предприимчивый немец в течение 20 лет владел монопольным правом на издание книг кириллицей в монархии. “Ведомости” выходили с декабря 1792 г. до конца 1794 г.^{2*} в австрийской столице на смешанном языке с большой долей сербизмов и печатались гражданским шрифтом. Сербская газета существовала в тисках жесточайшей цензуры, следовала в фарватере австрийской официальной печати и черпала из нее материалы для своих публикаций.

Исходными принципами газеты были легитимизм, австрийский патриотизм и верность австро-российскому сотрудничеству. Вместе с тем сквозь толщу цензуры в ней пробивались намеки сербского восприятия описываемых лиц и событий.

Сербская газета выходила в годы нарастания революции во

^{2*} Все даты, связанные с газетой, даются по старому стилю.

Франции, казни Людовика XVI и Марии Антуанетты, смешения устоявшихся государственных союзов, интервенции европейских держав против Франции с ее устрашающим примером, второго частичного раздела Польши между Пруссией и Россией, польского восстания под руководством Т. Костюшко и русско-польской войны, завершившейся окончательной гибелью Речи Посполитой. К ведущим явлениям времени относилось возросшее влияние в международных делах России с ее мощной армией и военными победами.

Екатерина II была уже на склоне лет. В сложной международной обстановке, давно покончив с надеждами преодолеть традиции и предрассудки дворянства, она проводила вялую внутреннюю политику. Но на внешнеполитической арене это время отмечено ее напряженной деятельностью, связанной не в последнюю очередь с гордым осознанием присутствия интересов великой державы во всех регионах Европы и Средиземноморья.

1793 год ознаменовался важным событием в жизни российского двора. Сербская газета сообщила, что императрица направляла своего посланника графа Романцова^{3*} (Румянцева) в Карлсруэ к баденскому маркграфу на предмет сватовства баденской принцессы за Александра, старшего сына великого князя. Согласие было получено, "и посланник с радостным ответом вернулся в Петербург"³⁸.

Следующим шагом стало принятие Луизой Марией Августой Баденской православия. "Ведомости" подробно описали происшедшее таинство. В торжественном акте, совершенном в Петербурге и приуроченном к большому празднику св. Николая Чудотворца, приняли участие члены святейшего Синода, духовные и гражданские чины и высокопоставленные лица. Екатерина II с баденской принцессой в сопровождении великих князей и княжен, а также всего двора проследовала в придворную церковь. Здесь согласно церковному уставу петербургский митрополит Гавриил совершил миропомазание принцессы, получившей отныне имя Елизаветы Алексеевны и титул "благоверной княжны"^{4*}. Духовные чины приветствовали ее по случаю вступления в лоно православной церкви, затем Екатерина II и великий князь принесли поздравления. Митрополит с высшим духовенством, продолжала газета, совершили божественную службу. Во время причащения Екатерина II поднялась со своего места и подвела княжну к поклонению святым иконам, а затем к приобщению к телу и крови Хри-

^{3*} Сербская газета нередко искажала русские фамилии, в скобках дается их верная транскрипция.

^{4*} В газете ошибочно сказано, что Елизавета Алексеевна получила в тот момент титул "правоверной великой княгини".

ста. По завершении литургии знатное духовенство поздравило императрицу и высочества и было жаловано к руке.

На следующий день состоялись торжества по случаю именин вел. княжны Екатерины Павловны и обручения вел. кн. Александра Павловича с княжной Елизаветой Алексеевной, воспрियाвшей православную веру. В заметке говорилось, что Екатерина II, высокие чины, а также иностранные дипломаты, собравшиеся в Зимнем дворце, последовали в большую придворную церковь, на паперти которой были встречены высоким духовенством во главе с митрополитом Гавриилом с крестом в руке. В сопровождении духовенства Екатерина II вошла в церковь. Императрица сама подвела Александра Павловича и княжну Елизавету Алексеевну к возвышению, воздвигнутому посреди церкви и покрытому красным бархатом. Митрополит в окружении духовенства совершил по церковному уставу обряд обручения и надел жениху и невесте обручальные кольца. "Императрица же изволила разменить ими и пожаловать обоим императорским высочеств к руке"³⁹. Завершение церемонии сопровождалось артиллерийским салютом из 51 орудия петербургской (Петропавловской) крепости.

При чтении митрополитом молитвы, продолжала сербская газета, Елизавета Алексеевна была именована "обрученной невестой" и великой княжной. Духовенство по этому торжественному случаю приветствовало императрицу и императорские высочества и получило дозволение приложиться к руке. Церемония завершилась духовным песнопением, сопровождавшимся артиллерийской стрельбой из 31 орудия. По окончании литургии был салют из 21 пушки.

Из церкви участники ритуала последовали во дворец, где иностранные дипломаты в свою очередь принесли поздравления и были жалованы к руке. А перед дворцом были выстроены гвардия и другие части, трубили трубы, гремели барабанная дробь и литавры.

В полдень, писала сербская газета, императрица обедала с великим князем и его женой (Павлом и Марией Федоровной. — И.Л.), с вел. кн. Александром Павловичем и его невестой, с вел. кн. Константином Павловичем на возвышении под балдахином. В том же зале состоялась трапеза для членов Синода и высокого духовенства и были сервированы столы на 170 персон. Тосты за здоровье императрицы и императорских высочеств сопровождались звуками труб и литавр, а также артиллерийскими залпами. Торжественный обед проходил на фоне итальянской камерной вокальной и инструментальной музыки с участием хора придворных певчих⁴⁰.

"Ведомости" поместили манифест Екатерины II от 10 мая

1793 г. с сообщением “подданным” об обручении “вселюбезного внука” Александра Павловича с Елизаветой Алексеевной и присвоении последней титула “ее императорского высочества”⁴¹.

По сообщению газеты, императрица, поручившая видным особам воспитание невесты, щедро одарила их. Генерал граф Солтиков (Салтыков) получил 7000 крестьян и одновременно 100 000 руб., сверх того ежегодную субсидию в 25 000 руб. Генерал-лейтенант Проташов (Протасов) был пожалован 3000 крестьян, 3000 руб. ежегодной субсидии и орденом Александра Невского. “Обер-лейтенанту” Делхарпе были назначены 10 000 руб. золотом и 2000 руб. в виде ежегодного дара⁴². Газета информировала читателей, что 6 октября в Петербурге состоялось бракосочетание⁴³.

Подробное освещение сербской газетой бракосочетания Александра с Елизаветой Алексеевной было продиктовано важностью государственного акта, но также отвечало интересу неискушенной сербской читательской публики к придворному российскому церемониалу. В центре газетных сообщений находилась Екатерина II, что адекватно отражало ее абсолютную власть в государстве. Великолепие торжеств не только не растворяло, но подчеркивало значимость и личные черты императрицы: царственную отдаленность и особое расположение к внуку, монаршую щедрость и личную благодарность, державную величавость и обходительность.

Рубеж 1792–1793 гг. стал годовщиной подписания Ясского мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1787–1791 гг. 4 февраля 1793 г. “Славенно-сербския ведомости” оповестили читателей, что императрица наградила контр-адмирала Рибаса и Ласкарова (Лашкарева) 2000 руб. каждого “за труд, приложенный в Яссах, когда был заключен последний мир”⁴⁴. Это стало предвестием грандиозных мероприятий, связанных с очередной датой жизненно важного для России события.

В начале октября 1793 г. сербская газета писала, что по повелению российской императрицы 2 сентября было объявлено днем “благодарения” по случаю “счастливого заключения мира с Оттоманской портой”⁴⁵. Екатерина II, сообщала “Ведомости”, издала манифест с выражением “милостей и благодеяний” как армии и флоту, так и всем подданным. Нижние военные чины, воевавшие против неприятеля, награждались памятной серебряной медалью. Всем офицерам и солдатам, получившим ранения и ставшим инвалидами, гарантировалось пожизненно полное жалованье. Флотские люди были награждены согласно морскому Регламенту Петра Великого. Императрица распорядилась, продолжала газета, разработать и представить ей регламент и для сухопутных войск, подобный петровскому военно-морскому, и т.д.

Много внимания сербская газета уделила описанию “торжеств-

ва мира" с Турцией, состоявшегося 2 сентября в Петербурге. О начале празднества возвестили залпы 21 орудия крепости. Перед Зимним дворцом собралось "все воинство" числом 12 029 человек под предводительством генерал-аншефа князя Н.В. Репнина. Во дворце в парадных костюмах при орденах находились придворные чины, члены Совета, Правительствующего Сената и другие сановные лица. О выходе императрицы из внутренних покоев возвестили звуки труб и литавр. Шествие в большую дворцовую церковь совершалось в строгом соответствии с придворным этикетом. Процессию предвворяли придворные чины, члены Совета. За ними следовала императрица, увенчанная малой короной (диадемой) и с царской порфирой на плечах. Шлейф пурпурной мантии несли 6 камергеров, а конец — их глава князь Несвицкий (И.В. Несвицкий). Далее шли великий князь и великая княгиня (Павел и Мария Федоровна), вел. кн. Александр с невестой, остальные великие князья и княжны, статс-дамы и фрейлины, а также прочие знатные лица "по чину и званию". На паперти церкви митрополит Гавриил в сопровождении высшего духовенства благословил крестом и освященною водой Екатерину II и провел императрицу и великокняжеские особы под пение хора на свои места. За ними расположились участники церемонии. По окончании службы митрополит крестом благословил всех, обратив приветственную речь к императрице. Молитва "Тебя бога хвалим" сопровождалась артиллерийским и ружейным салютом и церковным звоном.

Из церкви императрица под звуки труб и литавр, а также участники церковной церемонии в установленном порядке проследовали во дворец. Духовенство, генералитет, гражданские чины и дамы расположились в галерее. Императрица, вышедшая затем из своих покоев, торжественно села на трон, окруженный высшими лицами государства. На столе, покрытом красным бархатом, лежали императорские регалии. На другом столе находились награды. В зал вошли члены Правительствующего Сената. Генерал-прокурор генерал-лейтенант Самойлов "от имени Сената и всего народа" после троекратного поклона держал "приветственное и благодарственное слово", обращенное к императрице. Сербская газета поместила полный текст его выступления в переводе. В обращении Екатерина II прославлялась как носительница "венца непомраченной славы", не имеющая себе равных среди других правителей. "От духа твоего вождь мудрость, воин храбрость прияли", — говорилось в нем. Екатерина II была представлена как преемница Петра I, вознесшая военную мощь, славу и благоденствие России до невиданных дотоле высот и расширившая границы государства. "Возстани Петр Первый и удивися второму преображению России!" — восклицал оратор.

“...Ни один как она из преемников твоего престола, — продолжал Самойлов, — не почтил и твою память толь достойно”^{5*}. Глава Сената провозгласил присвоить Екатерине II титул *Великой*. От лица императрицы благодарственный ответ держал вице-канцлер, после чего чины Сената и другие отменные лица были жалованы с коленопреклонением к руке.

Затем, пишет сербская газета, действительный статский советник Державин, стоя на самой нижней ступени тронного возвышения, оглашал имена удостоенных “милостей и награждения”. Каждый из них подходил к трону “и из рук императрицы с коленопреклонением принимал даруемую щедрую благодать”. Газета поименно называла награжденных и виды поощрений. Так, генерал граф Салтыков был отмечен похвальной грамотой и наделен владением. Наградой для князя Репнина стали грамота с перечислением его заслуг, орден св. Андрея Первозванного и 60 000 руб. Среди удостоенных монаршей милости газета называла и графа Суворова, получившего бриллиантовый перстень, бриллиантовую эполету и большой крест третьей степени (орден св. Георгия Победоносца. — И.Л.) для вручения по своему усмотрению заслужившему его лицу. Фельдмаршалу Румянцеву и генералу Самойлову были вручены осыпанные бриллиантами шпаги. Посланнику в Константинополе Кутузову были пожалованы 2000 крестьян. Многочисленные военные и гражданские чины высших разрядов были щедро одарены орденами, деньгами и деревнями.

Императрица воздала должное покойному князю Потёмкину, постановив воздвигнуть в Херсоне мраморный памятник, в местном кафедральном соборе в ковчеге поместить на хранение “похвальный декрет о его заслугах”. В оружейной палате предписывалось воздвигнуть его бюст и, наконец, выпустить в его честь медаль⁴⁶.

Сербская газета, столь подробно описывая великолепие торжества в Петербурге по случаю годовщины Ясского мира, показывала тем самым его значение для России. Газета раскрывала роль Екатерины II в достижении победы над Турцией и прославляла русское военное искусство.

В 1794 г. “Ведомости” писали о награждении Екатериной II в годовщину своего коронования 22 сентября (3 октября) ряда лиц орденом св. Владимира⁴⁷.

Полностью подчинив церковь абсолютной монаршей власти, Екатерина II периодически одаривала ее богатыми подарками. Так, сербская газета сообщала о передаче императрицей в дар мо-

^{5*} Цитаты приводятся в соответствии с оригинальным текстом (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1793. 13 сент. С. 1720, 1721).

сковскому кафедральному собору дивного потира, украшенного бриллиантами, яшмой и агатами, и трех скатертей, расшитых бисером⁴⁸.

“Ведомости” знакомили читателей с внутренней экономической политикой Екатерины II. В сентябре 1794 г. в одной из заметок говорилось, что императрица намерена продать пустующие государственные земли, чтобы пополнить доходы казны, и одновременно заселить и пустить в оборот сельскохозяйственные угодья. Те же имения, которые подарены частным лицам, предполагается заново обмерить и переписать на предмет проверки законности владения ими. Газета писала также о предстоящей новой переписи населения, о повышении подушной подати, разного рода такс и платежей⁴⁹.

Сербская газета также сообщала, что вывоз зерна из российских черноморских портов “всеконечно” запрещен, информировала о екатерининских указах касательно набора рекрутов⁵⁰. Все это было вызвано нарастанием напряженности в Европе и событиями в Польше.

Внутренняя политика Екатерины II была представлена в газете “Славенно-сербския ведомости” значительно полнее, чем прямые и конкретные сведения о ней самой и непосредственно о ее деятельности. Сравнение материалов об императрице, помещенных в сербской газете, с соответствующей информацией в “Санкт-Петербургских ведомостях” показывает, что сербский печатный орган, за исключением небольших погрешностей, давал точное описание событий. Газета формировала парадный портрет Екатерины II, всевластной правительницы могущественной страны, мудрого кормчего и щедрой благодетельницы подданных.

Сербская газета содержала многоплановую информацию о внешней политике Екатерины II. В 1793–1794 гг. основное внимание обращалось на южное и западное ее направления.

После победы над Турцией и Швецией в навязанных ей войнах Екатерина II могла бы позволить себе мирную передышку, однако динамичные процессы в международной жизни требовали определения нового стратегического внешнеполитического курса. И это, при всей самостоятельности Екатерины II в управлении страной и решении вопросов внешней политики, — в отсутствие Г.А. Потёмкина. Крупнейший государственный деятель России, инициатор важных дипломатических начинаний, блестящий военный стратег, которому, по выражению А.С. Пушкина, “Россия была обязана Черным морем”⁵¹, талантливый хозяйственник, неутомимый строитель городов и общего обустройства южных безлюдных плодородных просторов страны, наконец, законный, но тайный муж Екатерины умер в 1791 г., не дождавшись заключе-

ния мира с турками, на пути из Херсона в Петербург ночью, в кибитке, в степи, в одиночестве. Екатерине II, хотя и окруженной талантливыми генералами, предстояло наивысшее напряжение сил, чтобы определить место России в Европе в условиях нарушенно-го Французской революцией старого равновесия сил.

Важным объектом внимания Екатерины II оставалась Турция, за которую разворачивалась борьба между Францией и европейской коалицией. В 1793 г. состоялся обмен посольствами между Россией и Турцией. Сербская газета подробно информировала читателей о поездке и принятии в Константинополе российского посла М.И. Кутузова и о приезде в Петербург турецкого. И хотя в этих заметках нет прямого упоминания имени Екатерины II, проницательному читателю было ясно, что за всей этой чрезвычайной важности процедурой стояла ее величаява фигура, скрывались проницательный ум и непреклонная настойчивость в действиях.

В ноябре 1793 г., как писала газета, турецкий посол в Петербурге вручил императрице от имени султана многочисленные драгоценные подарки, среди которых выделялся шатер, украшенный внутри драгоценными камнями и бисером. Турецкому послу, кроме содержания двора и питания, выделялось 1300 руб. в день. В свою очередь российское посольство в Константинополе также рассчитывало на 2 млн руб.⁵² В новой международной обстановке и Екатерина II, принимая султанские дары, выступала не столько как торжествующая победительница, сколько как тонкий и проницательный дипломат.

Вместе с тем сербская газета отмечала и твердость позиции Екатерины II в отношении Порты. Она сообщала, что российская императрица “крепко настаивает” на возвращении русских пленных. На встречное пожелание султана о возвращении турецких пленников Екатерина II, согласно газете, отвечала, что “она нисколько тому не противится, только если они добровольно хотят вернуться; силой же их принуждать не будут”. Екатерина II занимала также жесткую позицию в отношении таможенных тарифов, стремилась не допустить прямой границы между Турцией и Польшей⁵³. Турция, Польша и Швеция оставались в ее представлении недружественными России государствами.

В сентябре 1794 г. сербская газета, ссылаясь на достоверные известия из Константинополя, писала, что согласие между Россией и оттоманской Портой “возобновлено и утверждено”⁵⁴.

Развитие событий во Франции, рост движения за установление в стране республики при стабилизации мирных отношений России с Турцией поставили Францию в центр внимания Екатерины II. Еще в 1791 г. она участвовала в организации первой европейской коалиции в целях вмешательства во внутренние дела

Франции. Однако Россия, отвлеченная тогда событиями в Польше, участия в военных действиях не приняла.

Серьезной проблемой, связанной с Францией, стало для Екатерины II устройство эмигрантов-роялистов. Дворяне-эмигранты рассматривались ею как потенциальная сила укрощения революционной страны. Сербская газета обратила внимание на этот вопрос, поместив в феврале 1793 г. информацию о том, что императрица предоставила принцу Конде и всем французам, не желавшим возвращаться в отечество, обширные земли в пользование на берегах Азовского моря, где располагались город Петровский и 120 селений⁵⁵.

Казнь Людовика XVI в январе 1793 г. ужесточила позицию правящих кругов России в отношении Франции. Сербская газета отмечала, что Екатерина II своим указом от 19 февраля запретила торговлю и всякое сообщение с Францией. Всем русским предписывалось покинуть мятежную страну, ввоз в Россию французской печати был запрещен. Французам, признававшим установившееся во Франции правление, предлагалось в течение трех недель покинуть Россию, остальным эмигрантам вменялось в обязанность, высказав проклятие в адрес убийц законного короля, принести клятву верности французскому наследнику “по праву скипетра”⁵⁶.

По сообщению сербской газеты, Екатерина II признала старшего брата Людовика XVI (графа Прованского. — И.Л.) в качестве регента Франции до совершеннолетия молодого наследника (Людовика XVII. — И.Л.), которое было установлено в 14 лет, и определила графа Романцова (Н.П. Румянцева) своим посланником при дворе⁵⁷.

Сербская газета не обошла вниманием сближение России и Англии перед лицом Франции. В июле 1793 г. она писала, что 14 марта была подписана конвенция между английским королем и российской императрицей в лице лорда Гренвиля и графа С.Г. Воронцова. Ее содержание сводилось к взаимопомощи в войне с Францией, обоюдному согласию при заключении мира и гарантии “покоя и безопасности” всей Европы. Стороны брали обязательства закрыть для французов свои порты и прекратить торговлю с ними. Министрам повелевалось незамедлительно заключить “трактат междуусобного мира и торговли” на основе трактата 1766 г.⁵⁸ Шел процесс формирования новой коалиции против Французской революции.

В начале 1794 г. “Ведомости” информировали читателей о намерениях российской императрицы весной оказать помощь соединенным дворам в войне против французов. С этой целью, говорилось в заметке, Россия укрепляла свой флот на Черном и Балтийском морях⁵⁹.

Важное место во внешней политике России в 90-е годы занимала Польша. Сербская газета регулярно сообщала о развитии российско-польских отношений. Однако имя Екатерины II упоминалось в этих материалах редко. В первом номере газеты от 28 декабря 1792 г. рассказывалось о работе сейма в Гродно и поездке польских посланцев в Петербург. Они выразили благодарность Екатерине II за то, что “она вернула им (полякам. — И.Л.) старую свободу и старые права”⁶⁰. Речь шла об удовлетворении шляхетской конфедерации в Польше, образованной под покровительством Екатерины II, упразднением конституции 3 мая 1791 г. По сообщению газеты, в Гродно был торжественно отмечен день именин российской императрицы.

Сербская газета, последовательно раскрывая историю второго раздела Польши между Россией и Пруссией, поместила текст российско-польского трактата, заключенного между Екатериной II и польским королем⁶¹. В заметке, помещенной в конце 1793 г., говорилось, что Екатерина II приняла “депутатов” от новоприобретенных польских земель, заверивших ее “в верности и преданности новых подданных”. Она щедро одарила их богатыми подарками, среди которых были драгоценные перстни и табакерки⁶².

В начале 1794 г. сербская газета неоднократно упоминала Екатерину II в связи с ее требованиями, предъявляемыми Польше. Это касалось, в частности, ликвидации польского ордена, учрежденного по случаю побед Польши над Россией, решений гродненского сейма⁶³.

На протяжении 1794 г. “Славенно-сербския ведомости” регулярно помещали обширный материал о ходе военных действий в Польше. Подробно описывались отдельные операции, назывались потери сторон. Неоднократно говорилось о награждениях императрицей генералов, офицеров и простых солдат, воевавших в Польше⁶⁴. В сентябре 1794 г. сербская газета писала, что Екатерина II выпустила памятную медаль, на одной стороне которой помещено изображение лика императрицы, а на другой — российского орла, державшего карту польских земель, перешедших к России в 1772 и 1793 гг., с надписью “Возврати единожды отторгнутая!”⁶⁵

По окончании военных действий “Ведомости” оповестили читателей о щедром вознаграждении императрицей отличившихся в войне. Граф Суворов был отмечен за храбрость бриллиантовой кокардой, генерал Валерий Зубов, потерявший ногу, был удостоен ордена св. Андрея Первозванного, другие генералы и офицеры награждались орденами, золотыми саблями, земельными пожалованиями. По словам газеты, вознаграждения были столь значитель-

ны, “сколько французы своим генералам и офицерам за все время службы вместе с жалованием не давали”⁶⁶. Через несколько дней сербский печатный орган сообщил о присвоении Суворову за взятие Варшавы чина фельдмаршала, а также о прибытии сюда в скором времени князя Репнина⁶⁷.

Символическим переходом к мирным известиям стала помещенная в газете заметка о том, как немецкий художник и торговец Г.И. Гертель послал Екатерине II весьма редкий портрет Петра I. В ответ императрица, приняв подарок, удостоила Гертеля золотой медали, отлитой по случаю сооружения памятника Петру I, и подарила ему бриллиантовый перстень⁶⁸.

Как и в отношении внутренней политики, главные внешнеполитические акции Екатерины II “Славенно-сербския ведомости” освещали в целом достоверно. Сербская газета давала информацию без комментариев. Однако иногда она позволяла себе выразить отношение к событиям. На ее страницах встречались высказывания о “злобе и мерзости якобинцев”, “о безбожных французах”. Постоянно называя поляков в ходе русско-польской войны “мятежниками”, она в то же время писала “верховный воевода Польский славный оный Кошциуско”⁶⁹.

Газета, формируя сербское общественное мнение о Екатерине II, в части внешнеполитической деятельности изображала ее как правительницу, утверждавшую международный престиж России и заботившуюся о высоком положении страны, как твердого, хладнокровного и тонкого политика. Газетные информации давали представление о политических убеждениях императрицы, ее приверженности в то время принципам монархизма, традиционализма и легитимизма. Впрочем последний был только на словах, так как на практике она безоглядно нарушала его, о чем свидетельствуют, в частности, ее восшествие на российский престол и отношения с Польшей.

Сербская газета выделяла екатерининскую политику касательно Турции в силу положения сербов. В других случаях она показывала Екатерину II на международной арене в соответствии с нормами XVIII в., когда дипломатия мирно уживалась с захватами, “прирезками”, торговлей чужими территориями более слабых государств, когда обычным и признаваемым еще оставалось право сильного.

Сербская газета, скрупулезно описывая щедрость Екатерины II при награждении генералов, офицеров и простых солдат за военные победы, показывала читателям, как высоко чтит императрица свою армию, один из оплотов величия и достоинства России.

Сербские мыслители, образованные сербы жили и писали в неодинаковых условиях и даже в разных государствах. Окружающая

атмосфера сказывалась на их восприятии Екатерины II. Но общее представление о ней и ее деятельности связано с их исходными общественными взглядами. Среди сербов при множестве нюансов существовало три модели представлений о российской императрице. Духовенство и масса населения воспринимали ее как спасительницу православия перед лицом наступления ислама и католицизма и благодетельницу, защитницу православного населения. После победоносных войн России с Турцией этот взгляд получил особое распространение под воздействием соответствующих статей мирных договоров о покровительстве российского правительства части балканских христиан.

В умах носителей сербского Просвещения и близких к нему кругов Екатерина II представала как государственный деятель нового склада, отличный от традиционных монархов.

В зарождающейся национальной периодике картина деятельности Екатерины II была тесно связана с австрийским официальным союзническим курсом в отношении России. Значение газетной информации состояло в обширности и разноплановости конкретного материала, позволяющего сербской читательской публике составить более полное представление о Екатерине II и ее эпохе.

Общей чертой сербского восприятия императрицы было соединение ее образа с победами русского оружия над Турцией.

Изображение Екатерины II в сербской литературе, в широком ее значении, было отмечено идеализацией царствующей особы. Это естественно для того времени, тем более что ее внешняя политика на балканском направлении, имеющая целью ослабление Турции, совпадала с интересами и чаяниями подвластных Порте народов. Что же касается сербского Просвещения, оно находилось в плену политической утопии о разумном монархе как двигателе и носителе прогресса. Утопизм политической доктрины Просвещения состоял в абсолютизации этого принципа.

Представления сербов-современников о Екатерине II при всех издержках, проистекающих и из характера эпохи, и из субъективных особенностей их носителей, в известной степени реально соотносились с отдельными аспектами ее деятельности, в первую очередь политики в отношении Турции.

Значение изображения Екатерины II в сербской литературе было много шире ее персонального удела. Таким путем формировалось у сербов представление о самой России — независимом родственном государстве, укреплялись вера и надежда на будущее в союзе с ним.

- ¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 276—277.
- ² Там же. С. 278. В статье тексты на русском церковнославянском и архаичном русском языках приводятся в оригинале в соответствии с правилами археографии, тексты на смешанном или народном сербском языках даются в переводе.
- ³ Там же. С. 279.
- ⁴ Там же. С. 285.
- ⁵ Там же. С. 327.
- ⁶ Там же. С. 329.
- ⁷ Там же. С. 367.
- ⁸ Там же. С. 336 и сл.
- ⁹ См. там же. С. 370.
- ¹⁰ *Зелић Герасим*. Житие. В Будиме, 1823. С. 56.
- ¹¹ Там же. С. 81.
- ¹² Там же. С. 84, 85, 88, 91.
- ¹³ Там же. С. 93.
- ¹⁴ Там же. С. 189.
- ¹⁵ Там же. С. 191.
- ¹⁶ Там же. С. 192.
- ¹⁷ Там же. С. 194.
- ¹⁸ См.: Политические и культурные отношения... С. 335.
- ¹⁹ Житие и славные дела... Петра Великаго. Венеция, 1772. Ч. I. Посвящение, [б/с.] (далее — Житие).
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Предисловие [б/с].
- ²² Там же. С. 40.
- ²³ Там же. С. 31.
- ²⁴ Там же. Посвящение [б/с].
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Предисловие [б/с].
- ²⁷ *Обрадовић Д.* Сабрана дела. 1811—1961: В 3-х т. Београд, 1961. Т. 1. С. 303, 306, 424.
- ²⁸ Там же. С. 613.
- ²⁹ Там же. С. 704.
- ³⁰ *Соларич П.* Ново гражданско землеописание. У Венеции, 1804. Ч. I. С. XIII—XIV.
- ³¹ Там же. Ч. II. С. 407.
- ³² *Раић И.* Бой змая са орловы. У Бечу, 1789. С. 14.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 41.
- ³⁵ Там же. С. 14, 17.
- ³⁶ Там же. С. 42.
- ³⁷ *Текелија С.* Описаније живота. Београд, 1966. С. 108.
- ³⁸ Славенно-сербскія ведомости. 1793. 4. II. С. 52.
- ³⁹ Там же. 1793.14.VI. С. 161, 162.
- ⁴⁰ Там же. С. 162.
- ⁴¹ Там же. 1793.25.VI. С. 174.

- 42 Там же. 1793.5.XI. С. 329.
- 43 В газете ошибочно говорилось о бракосочетании Павла Петровича с Елизаветой Алексеевной.
- 44 См.: Там же. 1793.4.II. С. 52.
- 45 Там же. 1793.4.X. С. 287.
- 46 Там же. 1793.18.X. С. 304–306; 25.X. С. 316–318.
- 47 Там же. 1794.24.X. С. 354.
- 48 Там же. 1794.8.XI. С. 302.
- 49 Там же. 1794.6.IX. С. 298; 26.IX. С. 322.
- 50 Там же. 1794.26.IX. С. 322; 13.I. С. 24; 27.X. С. 358; 4.XI. С. 367.
- 51 См.: Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1976. Т. 7. С. 163.
- 52 Славенно-сербския ведомости. 1793.9.XII. С. 369.
- 53 Там же. 1794.24.II. С. 75, 76.
- 54 Там же. 1794.6.IX. С. 298.
- 55 Там же. 1793.4.II. С. 52.
- 56 Там же. 1793.22.III. С. 90, 91.
- 57 Там же. 1793.29.IV. С. 123.
- 58 Там же. 1793.19.VII. С. 193.
- 59 Там же. 1794.27.I. С. 40.
- 60 Там же. 1792.28.XII. С. 8.
- 61 Там же. 1793.5.XI. С. 330–331.
- 62 Там же. 1793.9.XII. С. 369.
- 63 Там же. 1794.24.I. С. 35.
- 64 Там же. 1794.8.VIII. С. 264; 18.VIII. С. 275; 4.XI. С. 367.
- 65 Там же. 1794.8.IX. С. 302.
- 66 Там же. 1794.5.XII. С. 404.
- 67 Там же. 1794.19.XII. С. 422.
- 68 Там же. 1794.19.XII. С. 416.
- 69 Там же. 1794.24.X. С. 353.

Характерная черта жизни российского двора в XVIII в. — фаворитизм. Прихотливой судьбе Екатерины II было угодно, чтобы среди ее фаворитов оказался серб. Им стал Семен Гаврилович Зорич. “Зорич был очень прост”, — так кратко и емко охарактеризовал гениальный А.С. Пушкин этого человека¹. Настоящая фамилия его Симеон Неранджич (Неранчич, Наранчич), он родился в 1745 г. в Сербии. Усыновленный двоюродным дядей Максимом Зоричем, сербом, переехавшим с семьей в Россию и дослужившимся здесь до генеральского чина, он принял его фамилию. С.Г. Зорич прожил интересную изменчивую жизнь.

Исключительной храбростью С. Зорич отличился еще в молодые годы на фронте Семилетней войны. Будучи энергичным талантливым офицером, он познал блестящие военные успехи в русско-турецкую войну. Но в результате тяжелых ранений Зорич попал в турецкий плен и отсидел четыре года в Семибашенном замке. В 1775 г. состоялся обмен военнопленными согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мира, и он вернулся в Россию. За проявленные героизм и мужество серб—российский офицер был награжден орденом Св. Георгия IV степени.

С. Зоричу было 30 лет, когда он стал адъютантом Г.А. Потёмкина. В 1777 г. в обстановке охлаждения между князем и императрицей тот представил молодого красивого и изящного полковника Екатерине II. И Зорич оказался в милости у государыни. Вскоре он стал флигель-адъютантом, получил чин генерал-майора и был осыпан щедрыми наградами. Фаворит поселился в доме вблизи Зимнего дворца. Но основу его богатства составили земельные пожалования, в том числе владение Сесвеген в Лифляндии, местечко Шклов в Могилевской губернии с 13 тыс. душ, бывшее имение князей Чарторыхских, и др. Его состояние исчислялось суммой более чем в 2 млн руб.² С. Зорич получил известность за границей. Он стал кавалером шведского, польских и мальтийского орденов. Ему посвящались литературные произведе-

ния, в частности перевод сочинения Ж.М. Вольтера "Тактика". О. Кекловский написал в честь него "Оду" (СПб., 1778). Милости и почести придали ему излишнюю уверенность в себе и пробудили дерзкие надежды на самостоятельность.

С. Зорич был прост и потому не понял подлинной роли светлейшего при дворе. Не прошло и года, как он, столкнувшись с князем, "выбыл из случая".

Удаленный от двора С. Зорич отправился за границу. Как писал А.С. Пушкин, намекая на его простодушие, "собираясь в чужие края, он не знал, как назвать себя, и непременно думал путешествовать под чужим именем, чтоб не беспокоить Европу"³. С лета 1778 г. С. Зорич постоянно поселился в Шклове, превратив его в центр светской жизни на западе России.

Шкловский дворец, полный роскоши и великолепия, жил шумной безалаберной жизнью. Бесконечные развлечения, балы, зрелища, маскарады, театральные представления, охота, крупная карточная игра проходили при многолюдном съезде гостей, среди которых присутствовала и знать из Петербурга и Москвы. В карточной игре преуспевал сам хозяин дома. А.С. Пушкин упомянул его имя в "Пиковой даме" как азартного и удачливого игрока.

По словам генерала Л.Н. Энгельгардта, который являлся сыном могилевского губернатора и хорошо знал жизнь Шклова, "ни одного не было барина в России, который бы так жил, как Зорич. Шклов был наполнен живущими людьми всякого рода, звания и наций, многие были родственники и прежние сослуживцы Зорича, когда он служил майором в гусарском полку, и жили на его совершенном иждивении; затем отставные штаб и обер-офицеры, не имеющие приюта, игроки, авантюристы всякого рода, иностранцы, французы, итальянцы, немцы, сербы, греки, молдаване, турки, словом, всякий сброд и побродяги; всех их ласково принимал, стол был для всех открыт..."⁴ Шкловский дворец славился гостеприимством, и собиравшееся там общество было пестрым как по национальному составу, так и социальному положению. На шкловские ярмарки два раза в год съезжались купцы из разных концов России.

Желая придать своему имени блеск, Зорич купил в Петербурге солидную библиотеку и основал крепостной театр с постоянными драматической и балетной труппами. Кроме того в театре имелись хор и оркестр. Великосветскими любителями ставилась в Шклове французская опера, представители знати участвовали в постановках русских трагедии и комедии. Видный общественный деятель С.Н. Глинка, брат которого учился в шкловском корпусе, вспоминая о широкой жизни в Шклове, писал: "Из Шклова можно было отправиться в столицы, в полном смысле, человеком модного света"⁵.

В Шкловском имении случались романтические истории. В любовных интригах был замешан и сам владелец. По словам А.С. Пушкина, он был влюблен в княгиню Долгорукую, жену командира дивизии, расквартированной в Могилевской губернии. Княгиня участвовала в любительских постановках французской оперы. “Зорич не зная, как ее угостить, — продолжал А.С. Пушкин, — вздумал велеть палить из пушек, когда Annette (героиня оперы. — И.Л.) взойдет хозяйкой в свою хижину. Когда она бросается на колени перед своим господином, то из-за кулис велено было выдвинуть ей бархатную подушку и etc.”⁶ В простосердечии Зорич воспринимал сцену как жизнь.

Зорич основал в имении Шкловское благородное (фактически военное) училище с хорошо поставленной системой преподавания, в котором на его счет воспитывались молодые дворяне. Курсанты в свою очередь участвовали в празднествах, увеселяя гостей разыгрываемыми военными сценами, катаниями на шлюпках. В училище воспитывалось до 300 молодых людей⁷.

Зорич строил промышленные предприятия, давал всем и всякому деньги. При этом он продолжал формально служить, командовал Лейб-гусарским эскадроном и Лейб-казачьими командами, временами вступая в конфликт с офицерами. Словом, это была широкая и беспечная натура.

В 1780 г. проездом в Могилев, куда она направлялась для встречи с Иосифом II, Шклов посетила Екатерина II. Зорич построил к ее приезду “преогромный дом, богато убранный”, выписал из Саксонии фарфоровый сервис стоимостью более 60 тыс. руб. “Благородные, — вспоминал Энгельгардт, — представили пантомиму на театре, бывшем в том же доме с чрезвычайными декорациями, которых было до семи—десяти...”⁸ Ужин завершился сказочным фейерверком. В журнале путешествия императрицы прием Екатерины II в Шклове описан следующим образом: “Помещик сего местечка, господин генерал-майор Зорич встретил Ея Императорское Величество у триумфальных ворот со множеством последующих за ним, и препровождал чрез местечко в дом свой, в коем ожидали Высочайшего присутствия, Могилевского уезда предводитель с дворянством, уездной судья с заседателями, земской капитан-исправник с заседателями и штатная команда. К вечеру изволила Ея Императорское Величество забавляться в карты и смотреть немецкую оперу комическую, представленную на домашнем Шкловского помещика театре; после коей начался бал, и потом дан был для свиты Ея Императорского Величества великолепный ужин. Дом помещичий и все местечко были иллюминированы”⁹. Екатерина II ночевала в Шклове. Императрица осталась довольна пышным приемом, устроенным в ее честь бывшим фаворитом.

На обратном пути Екатерина II останавливалась в Шклове. 30 мая “в 6 часов пополудни прибыли в местечко Шклов, — записано в журнале путешествия, — принадлежащее господину генерал-майору Зоричу, который встретил Ея Величество за триумфальными воротами. По прибытии Ея Величества представлена была пантомима на домашнем Шкловского помещика театре, потом начался бал в масках. После огромного ужина зажжен был фейерверк. Дом помещиц, гостиный двор, площади, церкви и все дома иллюминированы были. Для простаго народа поставлены были качели и другие забавы и, сверх того, бык, хлебы и разные питья”. “Мая 31. По утру, в 9 часов, Ея Императорское Величество, по выслушании службы Божией, для дня воскресного, в девичьем тамошнем монастыре, на который Ея Величество пожаловала триста рублей, изволила отправиться в путь свой в провожании графа Фалькенштейна”¹⁰.

В 1782 г. в Шклове, проезжая через Могилев, останавливался Г.А. Потёмкин. Случайно открывшиеся князю неблагоприятные дела здесь, связанные с выпуском фальшивых денег, стоили вскоре Зоричу репутации¹¹.

Владелец Шклова поддерживал постоянные связи с соплеменниками. Серб А.С. Пишчевич, сын генерала С.С. Пишчевича, переехавшего из Австрийской монархии в Россию и включившегося в ее жизнь, писал в своих воспоминаниях о Зориче как об обожанном “всеми сербами вельможе”. Побывав в 1783 г. в Шклове, А.С. Пишчевич вынес впечатление, что “сербы сюда ездят, как в России поселившиеся, так и из Цесарии”¹². И чувствовали они себя здесь раскованно и свободно. За дружескими застольями велись неторопливые разговоры, сопровождавшиеся пением сербских народных песен. Участвуя в одном из них, А.С. Пишчевич наблюдал, как монах из Австрийской монархии присовокупил к ним “одну весьма жалостную о падении Сербского царства и рассказывал сие происшествие так, как будто бы он сам был оному очевидцем”¹³. Народные песни составляли в то время неотъемлемую часть сербского быта.

Многие сербы учились в шкловском училище. Среди них были родственник Зорича Василие Райкович, племянник архимандрита известного православного монастыря в Далмации Крупы Герасима Зелича, племянник епископа Бачки в Австрийской монархии Йована Йовановича Петар Йованович, который стал офицером российской армии¹⁴.

В 1787 г. в Шклов приезжали в разное время С. Текелия и дважды Герасим Зелич. Сава Текелия, находясь длительное время в России, специально посетил Шклов, чтобы встретиться с Зоричем, а также посмотреть имения своего дяди генерала П.А. Те-

келии в Витебской губернии. В своих мемуарах С. Текелия передал впечатления о встрече с хозяином Шклова: “Пошел к Зоричу, он нас любезно принял... Зорич был некогда фаворитом Екатерины. Во всем его обхождении он — придворный человек, но сознает свою ошибку, что не захотел подчиниться Потёмкину, который властвовал над царицей, и так Зорич лишился милости. Он два месяца назад вернулся из Венгрии и так много мне рассказал о своем путешествии”¹⁵. В мемуарах Савы Текелии Зорич предстает человеком с придворной ментальностью, сожалевшим о неправомерности своих действий при дворе. Из рассказа следует, что Зорич, будучи в немилости, не раз выезжал за границу. Его разговоры с Текелией о Венгрии ложились на благодатную почву, поскольку собеседник был из Арада.

С.Г. Зорич был осведомлен об интеллектуальной жизни соотечественников, о чем свидетельствовало, в частности, его приглашение в качестве преподавателей для своего училища двух наиболее образованных сербов — Досифея Обрадовича, мыслителя, писателя и педагога, и Эмануило Янковича, лучшего сербского переводчика XVIII в., популяризатора естественнонаучных знаний, члена Научного общества в Галле. На приглашение Зорича откликнулся лишь Обрадович.

Еще в 1778 г., будучи в Пожони*, Досифей Обрадович познакомился там с Д.Г. Неранджичем (Наранчичем), сербом, переехавшим в Россию. Он был полковником русской армии, проявлял заинтересованность в судьбах сербского народа. В 1783 г. Обрадович впервые выступил в печати как убежденный сторонник идей Просвещения, издав в Лейпциге сочинение “Жизнь и приключения Димитрие Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем, им самим написанные и изданные”. Находясь в Лейпциге, писатель решил послать свою книгу Неранджичу с оказией — через торговцев из местечка Шклов в Белоруссии. Однако те не могли указать его местонахождение. Правда, они сообщили ему, что брат этого офицера генерал Семен Зорич Неранджич находится в своем имении Шклов в Могилевской губернии. Через этих купцов Обрадович передал для Зорича четыре экземпляра своей книги¹⁶.

В январе 1784 г. Обрадович в Лейпциге получил письмо от Зорича. Тот благодарил за книгу и приглашал приехать в Шклов. “Словом, за всю свою жизнь, — вспоминал Обрадович, — я не получал столь радостного письма, ни сам когда-либо радостнее был”¹⁷. Писатель ответил благодарственным письмом со стихами и посвятил Зоричу свою новую книгу “Советы здравого разума”

* Нем. — Пресбург, теперь Братислава.

(1784 г.). “Любовь его к отечеству своих благородных прародителей и к своему родному народу, — писал он в “Советах”, — достойна всегдашнего воспоминания и благодарности”¹⁸.

Но в Шклов Обрадович в то время не поехал. Постоянный поиск, желание узнать и увидеть мир, сложившаяся просветительская позиция стали побудительной причиной многочисленных путешествий писателя. На этот раз, оставив Лейпциг, он отправился через Германию во Францию и Англию.

По возвращении в Лейпциг Обрадовича ожидало новое письмо от Зорича. Для поездки в Шклов требовались деньги, и Обрадович переехал в Вену, намереваясь уроками скопить нужные средства. По словам писателя, он благополучно жил в столице. Но Зорич обещал основать в Шклове типографию, и “непреодолимое желание еще что-либо издать при жизни все победило...”¹⁹ Следуя заветной цели образования своего “милого рода”, глава сербского Просвещения в июне 1787 г. отправился в Шклов.

Досифей Обрадович прожил в Шклове полгода, преподавая в училище. Здесь он начал писать вторую часть “Жизни и приключений...” Но мысль о родине, желание быть полезным своему народу не покидали его даже среди удобств жизни в Шклове. К тому же Зорич ко времени приезда Обрадовича был уже весь в долгах. В такой ситуации об устройстве типографии не могло быть и речи. В июне 1788 г., распродав привезенные с собой книги (книги на немецком языке Зорич взял в свою библиотеку), Обрадович покинул Шклов. Посетив в Лифляндии Сесвеген, он через Ригу выехал в Германию. Зорич дал ему 400 руб. и лисью шубу. На эти деньги писатель издал в 1788 г. в Лейпциге вторую часть “Жизни и приключений...” и “Басни”, наиболее зрелое и известное свое произведение²⁰. Так Зорич оставил след и в истории сербской культуры.

Пребывание в Шклове, солидная библиотека Зорича, театр, непосредственные контакты с представителями разных слоев русского общества — все это способствовало расширению знаний сербского писателя о России. Не случайно, что русского материала особенно много в его “Баснях”, которые вышли в свет вскоре по возвращении Обрадовича из Шклова в Лейпциг.

Как ни велики были богатства Зорича, расточительный образ жизни привел его состояние к краху. Еще в 1784 г. он был уволен с военной службы в связи с раскрытием аферы авантюристов из Далмации графов Зановичей, которые, будучи управляющими Шклова, наладили здесь выпуск фальшивых ассигнаций. Дело подверглось расследованию. И, хотя следствие признало Зорича непричастным к печатанию фальшивых денег, за ним был установлен негласный надзор.

В 1796 г. после смерти Екатерины Павел I вернул Зорича на службу, вверив ему гусарский полк и произведя в генерал-лейтенанты. Однако на этот раз Зорич, растратив казенные деньги и превысив власть над офицерами и нижними чинами, был привлечен к суду. В 1797 г. Павел уволил Зорича с военной службы и повелел ему жить в Шклове. Разоренный и опозоренный, Зорич умер в 1799 г. в кругу бедных родственников и прихлебателей. К этому времени Шкловское имение пришло в полное расстройство, и оно было отдано в управление Г.Р. Державину. Училище, здание которого в 1799 г. сгорело, перешло в государственные руки и в конечном итоге было переведено в Москву в качестве Первого московского кадетского корпуса.

С.Г. Зорич был наделен судьбой сербской ментальностью, дерзким бесстрашием, нерасчетливой щедростью, непросвещенностью ума и безалаберностью. В своей жизни он познал головокружительный взлет, унижительные расследования и забвение. На исходе жизни он упал в глазах Екатерины II, и она отозвалась о нем так: "Можно сказать, что две души имел: любил доброе, но делал худое, был храбр в деле с неприятелем, но лично был трус"²¹. Тем не менее С.Г. Зорич вошел в историю, однако не придворными успехами, а благодаря вкладу в развитие военного образования в России и личному участию в поддержании русско-сербских отношений.

1 Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1976. Т. 7. С. 182.

2 Скерлић Ј. Генерал Симеон Зорич // Сабрана дела. Београд, 1964. Т. 1. Писци и књиге. См. также: Русский биографический словарь. СПб., 1916. Т. 7.

3 Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 7. С. 182.

4 Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1860. С. 24.

5 Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 138.

6 Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 7. С. 182.

7 Энгельгардт Л.Н. Записки. С. 10.

8 Там же. С. 21.

9 Дневная записка путешествия Ея Императорского Величества чрез Псков и Полоцк в Могилев, а оттуда обратно чрез Смоленск и Новгород // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. Т. 1. С. 404.

10 Там же. С. 409, 410.

11 Энгельгардт Л.Н. Записки. С. 23.

12 Жизнь Александра Пищевича, им самим описанная. 1764—1787. Ч. 1-я // Чтения Общества истории и древностей российских. 1885, январь—март. Кн. 1. С. 28.

13 Там же. С. 30.

14 Зорич Семен Гаврилович. Письма к Булгакову Якову Ивановичу //

- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 41. Булгаковы, 88. Ед. хр. 4. Письмо от 12.XI.1798; Житије Герасима Зелића. Београд, 1897. Св. 1. С. 173; Денић Ч. Школовање срба у Русији крајем XVIII века и однос сународника према њима // Југо-словенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С. 255.
- ¹⁵ Текелија С. Описаније живота. Београд, 1966. С. 113.
- ¹⁶ Обрадовић Д. Сабрана дела. 1811–1961: В 3-х т. Београд, 1961. Т. 1. С. 306–307.
- ¹⁷ Там же. С. 308.
- ¹⁸ Там же. С. 308, 311–313.
- ¹⁹ Там же. С. 281.
- ²⁰ Там же. С. 281, 282.
- ²¹ Цит. по: Русский биографический словарь. Т. 7. С. 468.

Молдавия и Валахия в балканской политике Екатерины II (экономические аспекты)

Значение Молдавии и Валахии в балканской политике Екатерины II определялось прежде всего геополитическими интересами России в Придунайском регионе Черноморского бассейна, обусловленными необходимостью решения царским правительством таких общегосударственных задач, как укрепление юго-западных границ, создание благоприятных условий для экономического развития юга страны.

Осуществление этих задач было сопряжено с обострением со второй половины XVIII в. так называемого Восточного вопроса, основу которого составляла проблема Черноморских проливов и судьба владений Османской империи в Европе, в том числе и находившихся в вассальной зависимости от османов Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии. Перспектива раздела наследства клонившейся к упадку могущественной империи вызывала острейшие противоречия между европейскими державами, соперничавшими в стремлении реализовать свои экономические и стратегические интересы в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке.

Политика России в регионе в последней трети XVIII в. диктовалась внутренними потребностями экономического развития страны. Интересы дворянства и нарождавшейся буржуазии в увеличении производства товарного хлеба и хлебной торговли выдвигали перед царским правительством задачу расширения и освоения плодородных земель Причерноморья, обеспечения свободы торговли по Черному морю и примыкающим к нему водным артериям. Османская империя, считавшая Черное море своим “внутренним озером”, всячески препятствовала осуществлению российских планов, используя с этой целью в качестве преграды Крымское ханство.

Планы России по продвижению к Черному морю и расширению южных земель вызвали решительное сопротивление османского правительства и вели к обострению русско-турецких отношений. Складывавшаяся в связи с этим международная ситуация в Юго-Восточной Европе и политика Екатерины II на Балканах получили достаточно полное освещение в других статьях данного

труда. В контексте балканской политики Екатерины затрагивалась и проблема Дунайских княжеств. В настоящей статье остановимся на рассмотрении одного аспекта проблемы — экономических интересов России в ее политике в отношении Молдавии и Валахии в последней трети XVIII в.

В фондах Архива внешней политики Российской империи сохранилось довольно много материалов, раскрывающих экономические причины политических устремлений России в Юго-Восточной Европе, в частности и ее интересов в Молдавии и Валахии. Помимо документальных внешнеполитических актов — договоров, соглашений, большей частью опубликованных, среди сохранившихся документов представляют интерес правительственные инструкции в посольство России в Стамбуле и русским консулам в Молдавии и Валахии, а также переписка между консулами и российскими представителями в турецкой столице. Особенно ценными являются донесения консулов России в Дунайских княжествах в Коллегию иностранных дел. Консулы регулярно, почти ежемесячно, сообщали российскому правительству важные данные не только по вопросам военно-стратегических шагов Турции и западных держав в сторону юго-западных границ России. В их донесениях содержались подробные сведения об экономическом положении и внутривнутриполитической ситуации в Дунайских княжествах, о настроениях их жителей и их отношении к России. Консулы направляли также в коммерц-коллегию ежегодно составлявшиеся ими торговые реестры с отчетом о ввозе и вывозе товаров из России в княжества и обратно, о провозе русских товаров через Молдавию и Валахию в другие страны. Эти материалы в полном объеме еще не изучены, хотя часть архивных документов, касающихся главным образом торговых отношений Дунайских княжеств с Россией в XVIII—начале XIX в., были использованы в работах румынского исследователя А. Виану¹, молдавских историков И.В. Семеновой, Г.С. Гросул и др.²

Между тем указанные материалы представляют большой интерес, особенно в исследовании экономических аспектов балканской политики России. Не претендуя на всестороннее их освещение, попытаемся на основе ряда выявленных документов рассмотреть некоторые вопросы отношений России с Молдавией и Валахией с точки зрения экономических интересов империи в юго-восточном регионе Европы в последней трети XVIII в.

Расширение южных границ России, превращение ее в черноморскую державу в результате русско-турецких войн XVIII в. создавали благоприятные условия для ускоренного экономического развития южных районов страны. Одной из важнейших задач царского правительства становится заселение и освоение причерноморских земель, что диктовалось, прежде всего, интересами новых

хозяев степных губерний. В осуществлении этой задачи главной трудностью было бегство крестьян в соседние области.

И здесь Дунайские княжества, особенно территориально соседствовавшая Молдавия, где укрывались тысячи русских и украинских беглых крепостных крестьян, стали для южнорусских помещиков и буржуазии объектом своекорыстных интересов, связанных с возвратом беглых лиц и заселением ими южных земель.

Озабоченное размахом бегства российское правительство настояло в переговорах с Турцией включить вопрос о возврате беглых в условиях Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. В соответствии со статьями I и II договора России предоставлялось право поиска и возврата беглых, скрывавшихся в Молдавии³.

Консульские донесения в Коллегию иностранных дел пестрят данными о беглых крестьянах, укрывавшихся в княжествах. Правительство предписывало консулам “прилагать возможное старание о изыскании” беглых в княжествах, а также побуждать “раскаивающихся беглецов к возвращению в Россию”⁴. Местные власти в княжествах нередко под разными предлогами препятствовали их возврату, что заставляло консулов через русское посольство в Стамбуле ходатайствовать перед Портой о посылке молдавскому и валашскому господарям фермана, запрещающего им чинить препятствия в отправке беглых. Документы свидетельствуют о посылке таких ферманов в Молдавию и Валахию⁵.

Кроме возвращения беглых, большое значение в реализации программы заселения южных земель российское правительство придавало привлечению иностранных колонистов. Среди них особенно поощрялись выходцы из Молдавии и Валахии. Показательны в этом отношении приведенные Е.И. Дружининой данные о национальном составе иностранных поселенцев в Новороссийской губернии. Так, в 1773 г. здесь среди иностранных колонистов больше всего было молдаван и валахов — 2471 человек, тогда как остальные национальности (болгары, сербы, греки и другие) вместе взятые составляли 704 человека⁶.

Притоку молдавских и валашских колонистов в южные области России способствовали Кючук-Кайнарджийский 1774 г. и Ясский 1791 г. мирные договоры России с Турцией. Тексты договоров включали постановления о предоставлении права свободного переселения в Россию всем желающим “оставить свое отечество” в течение года (по договору 1774 г.) и 14 месяцев (по Ясскому трактату 1791 г.). Для служивших в войсках срок не ограничивался.

Желающих переселиться в Россию в княжествах было достаточно много ввиду ухудшения условий жизни населения*. В нару-

* См. ниже Приложения. Док. 6, 7.

шение установленного русско-турецкими договорами статуса княжеств Порты усиливала в них фискальный гнет, повышая денежные сборы, увеличивая поставки продовольствия и скота, что приводило к возрастанию налогового бремени для жителей; продолжалась политика ущемления османскими властями прав и привилегий местных бояр⁷.

После 1791 г. особенно возросло число молдаван, желающих поселиться на российских землях за Днестром. По Ясскому договору 1791 г. к России были присоединены земли Левобережья нижнего течения Днестра. Россия стала непосредственно граничить по Днестру с Молдавией. Сюда на новоприобретенные территории Приднестровья и устремлялись молдавские переселенцы^{2*}.

Молдавский господарь и Порты не были заинтересованы в сокращении числа налогоплательщиков в княжестве. Поэтому они чинили всяческие препятствия переселенцам. Главным орудием господаря была затяжка времени, так как договор ограничивал срок переселения 14 месяцами. Чинились препятствия в продаже имений перед отъездом. Особые трудности создавались для податных сословий. Консул И. Северин доносил, что по приказанию господаря местные власти "сильные им в том делают затруднения и редко кого из уездов выпускают"⁸.

В таких условиях Коллегией иностранных дел предписывалось консульству заступаться за переселенцев перед господарем, помогать им в оформлении переезда^{3*}. В частности, в отношении бояр добиваться, чтобы "дозволено было беспрепятственно отправляться, куда они заблагорассудят, и распоряжаться имениями и делами их, как они похотят..." В отношении лиц небоярского происхождения рекомендовалась "надлежащая осторожность", оказание в необходимых случаях денежной помощи и направление на поселение в Таврическую и Екатеринославскую губернии⁹.

Российское консульство прилагало немалые усилия для решения дел переселенцев. Обращений в консульство желающих переехать на жительство в Россию было много¹⁰. Консул И. Северин доносил, что "жители здешние, пользуясь определенным в последнем мирном трактате сроком, почти ежедневно прибегают о принятии их в покровительство России, в чем я им не отказываю и по всей возможности стараюсь способствовать в делах их"¹¹.

Консульству приходилось преодолевать большие трудности в связи с препятствиями, чинимыми переселенцам со стороны господаря и местных властей¹². Консул должен был обращаться с представлением по делу каждого отъезжающего в Россию к господа-

^{2*} Там же. Док. 2—5.

^{3*} Там же. Док. 1.

рю или к местным властям, иногда вступать в конфликт с ними. Как писал И. Северин члену Коллегии иностранных дел А. Безбородко 29 декабря 1792 г., молдавские переселенцы с благодарностью принимали помощь консульства, выражали надежду, что, “вступая в подданство и службу ея величества, употребят все силы к достижению найвящего ея к ним благоволения”¹³.

Несмотря на все чинимые местными властями препятствия, переселение молдавских и валашских жителей на российские земли продолжалось и после истечения установленных договорами сроков, принимая чаще всего форму бегства.

Переселенцы получали в России такие льготы, как личную свободу, наследственное право на землю, освобождение от рекрутской повинности и др.¹⁴ Переселенцы боярского происхождения пользовались особыми привилегиями. В соответствии с императорским рескриптом от 13 января 1792 г. они могли переселиться вместе со своими крепостными крестьянами, получали имения с деревнями, им предоставлялись дворянские чины и пенсии, а также право вступления на военную или гражданскую службу. Как видно из сохранившихся в архивных фондах списков и прошений переселившихся после 1791 г. в российские губернии молдавских бояр, получаемые ими льготы и привилегии зависели в первую очередь от характера услуг, оказанных ими России во время войны, и от должности, которую они занимали в феодальных структурах княжества¹⁵. По подсчетам Г.С. Гросул на основе данных консульских донесений, за 11 месяцев (1792–1793) из Молдавии в Россию переселилось 48 боярских семей вместе со слугами и зависимыми крестьянами¹⁶.

Участие молдавских и валашских переселенцев в заселении и освоении южнорусских земель усиливало значение Дунайских княжеств в черноморской политике России. Другой, не менее важной, стороной этого значения была роль Молдавии и Валахии в российской внешней торговле. Хозяйственное освоение Северного Причерноморья выдвигало необходимость расширения рынков сбыта, установления непосредственных торговых связей со странами Европы и Азии. Здесь царское правительство придавало большое значение Дунайским княжествам с их благоприятным географическим положением и уже сложившимися традиционными экономическими связями с Россией. Расположенные в Подунавье и на пересечении международных торговых артерий княжества занимали особое место в транзитной торговле России с Турцией, странами Средиземноморья и Запада. Развитие транзитной торговли сковывала существовавшая вплоть до конца XVIII в. монополия Турции на судоходство по Дунаю и Черному морю. Поэтому Россия в переговорах с Портой добивалась улучшения условий про-

воза товаров через Дунайские княжества как сухопутным, так и речным путями. При заключении Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. в статье XI договора, регулировавшей общие вопросы русско-турецкой торговли, было зафиксировано право России на свободное судоходство по Дунаю. “Позволяет также блистательная Порта, — говорилось в статье, — в областях своих подданным Российской империи иметь коммерцию как на сухом пути, так и на водах кораблеплаванием, и в реке Дунае...” Статья определяла для русских купцов в этих областях такие же привилегии, какими обладали в Турецкой империи на основании капитуляций торговцы из Франции и Англии. В то же время в отличие от капитуляций Англии и Франции Кючук-Кайнарджийский договор предусматривал развитие русско-турецкой торговли на условиях взаимной выгоды. В связи с этим купцам, являвшимся османскими подданными, в том числе молдавским и валахским, предоставлялось в торговле с Россией право наибольшего благоприятствования¹⁷.

Стремясь активизировать черноморскую торговлю, правительство Екатерины II на основании договора уже в 1775 г. снизило на 25% пошлины на все привозимые в морские порты “турецкие, левантские, греческие” товары¹⁸. В следующем году указом сената эти льготные пошлины были распространены и на товары, привозившиеся сухопутным путем из Молдавии, Валахии и других областей Османской империи¹⁹.

Права российских купцов наиболее полно были определены русско-турецким торговым договором 1783 г., который предоставлял им свободу торговли во всех областях Турецкой империи, в том числе и Дунайских княжествах. Договор закреплял за Россией свободу торгового судоходства в Черном и Средиземном морях, “и рекою Дунаем и везде, где навигация и купечество удобными для российских подданных найдутся...”²⁰ Рядом статей для русских купцов устанавливались пошлинные льготы. Так, освобождался от пошлин транзитный провоз ими товаров через княжества. С товаров, привозившихся для продажи в княжествах, устанавливалась пошлина в размере 3%, взимаемая только один раз при въезде, повторное взимание пошлины с одних и тех же товаров строго запрещалось. Отдельными статьями договора фиксировались имущественные и личные права российских торговцев²¹.

Установленные договором 1783 г. привилегии для России способствовали росту ее транзитной торговли в Дунайских княжествах. Выросло число российских купцов, направлявшихся с товарами в княжества и другие области Османской империи, увеличились объемы торговли²². Генеральный консул в княжествах И. Северин доносил в 1785 г. в коммерц-коллегию, что русские купцы

довольны теми преимуществами, “коиими они пользуются в силу трактата (т.е. договора 1783 г. — Л.С.), проезд их сюда и в турецкие области гораздо умножился”²³.

Развитию транзитной торговли способствовали и возможности судоходства по реке Днестр. На перспективы торгового судоходства по Днестру, в частности торговли России этим путем с Польшей и Турцией, обращал внимание царского правительства консул И. Северин, ходатайствуя в 1785 г. об учреждении должности вице-консула в Бессарабии²⁴. В результате русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Россия продвинула свои границы до Днестра, получив таким образом возможность судоходства по реке и использования его для расширения торговли. В царском манифесте от 1792 г. по поводу заключения Ясского мира объявлялось установление российской границы по Днестру и то, что “получаем мы через свободное водоходство по сей реке новые способности к распространению нашей торговли”²⁵.

На значение, которое придавало Молдавии и Валахии российское правительство в своей внешней политике, оказывали влияние, наряду с транзитной торговлей, и непосредственные торговые отношения России с княжествами. Территориальное соседство и исторически сложившиеся уже с XVI в. экономические связи обусловили интерес России к княжествам как рынкам сбыта русских товаров и поставщикам колониальной продукции. В 1782 г. коммерц-коллегия запрашивала Генеральное консульство в Дунайских княжествах о численности российских купцов в Молдавии и Валахии, о том, какими русскими товарами они торгуют и какие вывозят из княжеств в Россию. Коллегию интересовал вопрос о состоянии промышленных предприятий в Молдавии и Валахии и о сырье, в котором они нуждаются. Главное же, что желала выяснить коллегия — каков в целом товарооборот между княжествами и Россией и как его увеличить²⁶.

В решении этой задачи важная роль отводилась российским консульствам в княжествах. Большое значение для развития торговли с Молдавией и Валахией имело учреждение в 1781 г. генерального консульства России в княжествах. В 1785 г. генеральный консул И. Северин доносил в Коллегию иностранных дел, что “...со времен учреждения в здешних провинциях консулей... торговля как наша, так и цесарская (австрийская. — Л.С.) совсем иной вид взяла и час от часу распространяется”²⁷.

В связи с хозяйственным освоением южнорусских земель и ростом товарного производства в конце XVIII в. ассортимент русских товаров, ввозимых в Молдавию и Валахию, расширился. Наряду с мехами, продолжавшими традиционно оставаться главным предметом русского экспорта в княжества, сюда из России импор-

тировались железо и железные изделия, полотняные и суконные ткани, текстильные и кожаные изделия, посуда, изделия из золота и драгоценных камней, рыба и рыба кость, паюсная икра, водка и пр. Молдавия и Валахия поставляли на русский рынок главным образом вино и фрукты, а также невыделанную кожу, овечью шерсть, соль, соленую рыбу, скот, строительный лес и другие предметы торговли. К концу XVIII в. возросли и объемы товарооборота в торговле России с Дунайскими княжествами²⁸.

Большим спросом у русских купцов пользовалось вино, особенно молдавское. Так, по данным консульских донесений в 80—90-е годы XVIII в. выросло число русских купцов, приезжавших в Одобешты, и объемы закупок ими здесь вина²⁹.

Интерес России к Молдавии и Валахии усиливался с возрастанием к концу XVIII в. хлебного экспорта, поскольку Дунайские княжества являлись поставщиками хлеба в Турцию. Зерно и мука занимали важное место среди принудительных поставок княжествами в Стамбул продовольствия. По приведенным Г.С. Гросул данным, только в 1795 г. Молдавия поставила Турции 1 млн 200 тыс. пудов хлеба, Валахия — 600 тыс. пудов³⁰. Ликвидация монополии Порты на вывоз хлеба из княжеств позволила бы России включить их в сферу своей черноморской торговли, что сулило русским помещикам и купцам немалые экономические выгоды.

Приведенные, хотя и неполные, данные архивных материалов о торговых отношениях России с Дунайскими княжествами свидетельствуют, что в период борьбы правительства Екатерины II за выход в Черное море вопросы торговли с княжествами были составной частью борьбы за разрешение черноморской проблемы.

Интересы и потребности господствующих сословий России в заселении и экономическом освоении причерноморских степей, в развитии судоходства и торговли по Черному морю, Дунаю и Днестру, в установлении монополии на экспорт хлеба в Турцию и в западноевропейские страны являлись важными факторами, определявшими политику российского правительства в отношении Молдавии и Валахии в последние десятилетия XVIII в.

¹ Виану А. Данные румыно-украинских и румыно-русских торговых отношений в XVIII в. // О румыно-русских и румыно-советских связях. М., 1960.

² Семенова И.В. К вопросу о торговых связях между Россией и Дунайскими княжествами в конце XVIII в. // Известия Молдавского филиала АН МССР. Кишинев, 1959. № 9; Она же. Новые данные о торговых связях России с Дунайскими княжествами на рубеже XVIII и XIX вв. // Учен. зап. Молдавского филиала АН СССР.

- Т. 1 (1959); *Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1774—1806.* Кишинев, 1975.
- ³ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. XIX. № 14164.
 - ⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 1. Л. 4—5.
 - ⁵ См.: *Гросул Г.С. Указ. соч. С. 26.*
 - ⁶ *Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959. С. 54.*
 - ⁷ *Гросул Г.С. Указ. соч. С. 42—54.*
 - ⁸ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 750. Л. 58.
 - ⁹ См. инструкцию Коллегии иностранных дел российскому генеральному консулу И.И. Северину от 15 апреля 1792 г. // Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. Док. 19. С. 81—83.
 - ¹⁰ См.: Там же. Док. 20, 23, 24. С. 83—86.
 - ¹¹ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 83. Л. 52.
 - ¹² Бессарабия... Док. 21, 22. С. 84—85.
 - ¹³ АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1792 г. Д. 83. Л. 19 об.
 - ¹⁴ См.: *Дружинина Е.И. Северное Причерноморье... С. 58 и др.*
 - ¹⁵ АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 83. Л. 15—18; Д. 85. Л. 13—14.
 - ¹⁶ *Гросул Г.С. Указ. соч. С. 27.*
 - ¹⁷ ПСЗРИ. Т. XIX. № 14164; *Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. С. 352—353.*
 - ¹⁸ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XX. С. 193—194, 345—346.
 - ¹⁹ Там же. С. 386—387.
 - ²⁰ Там же. СПб., 1830. Т. XXI. С. 940.
 - ²¹ Там же.
 - ²² См. таблицу объема русско-турецкой транзитной торговли в Дунайских княжествах (1783—1786) в кн.: *Гросул Г.С. Указ. соч. С. 32.*
 - ²³ АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 40. Л. 44.
 - ²⁴ Там же. Л. 121—124.
 - ²⁵ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XXIII. С. 304.
 - ²⁶ АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 5. Л. 59; Д. 289. Л. 3.
 - ²⁷ Там же. Д. 40. Л. 161.
 - ²⁸ *Виану А. Указ. соч. С. 142—144, 150—152.*
 - ²⁹ АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 26. Л. 39; Д. 190. Л. 158—163.
 - ³⁰ См.: *Гросул Г.С. Указ. соч. С. 37.*

Приложения

№ 1

Не позднее 1787 г. мая 5. — Из записки генерального консула И.И. Северина о состоянии Молдавского и Валашского княжеств

Мнение генерального консула Ивана Северина о нынешнем состоянии Молдавского и Валашского княжеств

...В силу мирных договоров, касающихся до возвращения оных в турецкие руки и на основании учиненных представлений от посланных в Константинополь депутатов Порты Оттоманская выдала хатти-шериф, коим пожаловала им всякие преимущества и выгоды, но оный был послан к тогдашним господарям и сказано, чтоб у себя хранили по прочтении и объявлении всем боярам и жителям. По сему и видно, что Порты с самого начала хотела поступать в противность обязательств, когда не поверила им подлинник онаго, и чрез то в скором времени начали упадать одно за другим из пожалованных выгод и князья управляли землями по собственному их произволению.

...[Ничего не изменится в этих землях] покуда теж самые начала останутся, разве позволено и препоручено будет нашему генеральному в обоих княжествах учрежденному консулу говорить и формально представлять обоим господарям о всех злоупотреблениях, когда они захотят поступать в противность постановлений трактатов и выданных обоим княжествам от Порты Оттоманской хаттишерифов, то тогда надеется можно, что князья при первом возражении никогда не осмелятся вперед переступить постановлений между обоими высокими дворами и чем горестное состояние народа уменьшится, который уже и без того довольно сожалеет, что лишился российского императорского правления, а в нынешнем своем прискорбии надеется и ожидает получить высочайшее ея императорского величества милосердие и заступление.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1, 1787 г. Д. 67. Л. 57 об.—59 об.

№ 2

Не позднее 1792 г. апреля 15. — Список молдавских бояр, желающих принять российское подданство

Список знатнейшим боярам и другим чинам княжества Молдавского, которые изъявили желание и намерение перейти в подданство ея императорского величества

Великий ворник и бывший вистиарий князь Матвей Кантакузин
Великий ворник и вистиарий настоящий Скарлат Стурза
Ворник Георгий Гика
Гетман Константин Гика
Гетман Илья Катаржи

Великий ворник и бывший вистиарий Георгий Балш
 Великий ворник Драко Депасто
 От армии подполковник и спатар Еммануил Балш
 Ворник де Апроз Николай Балш
 От армии майор и портар Марио Ганос
 Капитан де Лефечи Вартоломей
 Валмыш Алексей Иконом*

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1, 1792 г. Д. 82.
 Л. 18. Копия.

№ 3

Не позднее 1792 г. мая 25. — Список молдавских бояр, желающих
 переселиться в Россию

Список молдавским боярам и прочим зем-
 ским чинам, желающим с семействами и
 движимым имением выехать в Россию, по-
 лагаясь на высочайшую ея императорского
 величества милость, объявленную им его
 светлостью покойным генерал-фельдмарш-
 лом князем Григорием Александровичем
 Потёмкиным

Чины и имена	Кто чего просит и какие услуги оказал
От армии майор, великий камараш и ага Константин Филодор В Санкт - Петербурге	Душ и земли в новоприобретенной области. Он выехал было в Россию с господарем Александром Маврокордатом; но как открылась война, то сделан был здесь в Яссах его светлостью покойным князем агою: где при всяком случае оказывал преданность свою империи всероссийской, выполняя все возложенные на него препоручения с ревностью и усердием, достойным всякого уважения. Ныне он находится в Санкт-Петербурге.
От армии премьер-майор и великий пахарник Николай Карпов	Он тому уже осьмой год как было оставил Молдавию и находился всегда при покойном светлейшем князе, оказывая во всех частях отличное свое усердие и верные услуги, заслуживающие всякого внимания; между которым временем оставшееся здесь в Молдавии его движимое и недвижимое имение без призрения вовсе разорилось. Просит душ и землю в

* Далее помета: В подлинном свидетельствовал коллежский ассесор Ал. Ве-
 няминов.

новоприобретенной области. Ныне он находится здесь.

От армии
майор Иваница
Канано

Сей, имея хорошее знакомство в Варшаве, доставлял чрез свою переписку вернейшия сведения покойному светлейшему князю о тамошних происшествиях, коими покойный князь был всегда доволен. Ныне он находится здесь в Яссах.

Великий
сулджер
Ионица
Макарескул

Чин от армии майора и землю. Он, быв при диване вистиарским логофетом, все возложенныя на него препоручения выполнял с отличным усердием и ревностию, о чем свидетельствует и г-н действительный статский советник Стурза. Ныне он находится здесь.

Второй
постельник
Панандор
Паун

Чин титулярного советника, землю и определения к месту. Сей, быв во все военное время исправником, употреблялся по разным делам; а потом в самое нужное время, когда Российской гребной флот вступил в Галацы, переведен он туда был исправником же, где все возложенныя на него препоручения выполнял с крайним усердием и ревностию. Употреблялся также с повеления покойного светлейшего князя по разным секретным делам и оныя выполнял с верностию и успехом весьма похвальным. О усердности своей он имеет от многих дивизионных командиров весьма хорошие аттестаты. Ныне он находится здесь.

Второй
вистиарий
Воложского
княжества
Константин
Эксопорита
В Дубосарах

Сей, будучи в Валахии чрез все военное время, всегда доставлял оттоль покойному светлейшему князю весьма хорошие сведения о всех происшествиях, не требуя за то никакой себе награды, а единственно по преданности своей к империи Всероссийской. По заключении же между Римскою имперіею и Портою Оттоманскою мира, он прибыл сюда со всею своею фамилиею. Просит чин титулярного советника, землю и определения к месту. Ныне он отправляется за Днестр.

Житничар
Константин
Андрияшъ

Чин капитана и землю. Он был определен от земскаго начальства к доставлению в здешния гошпитали все нужныя вещи для больных военнослужителей; кою должность исправлял с отличным усердием и ревностию. Ныне он находится здесь.

Сын питаря Иван Сенека В Дубосарах	Сей находился при разных казенных нарядах и в другия должности и службы употреблялся, кои выполнял весьма похвально. Просит чин капитана, землю и определения к месту. Отправился ныне в Дубосары.
Великий шетрар Федор Помана	Был приставом при гребном флоте в Галацах и в прочих должностях употреблялся, которые исправлял отлично, усердно. Просит чин майора и землю. Снабден открытым листом к переходу за Днестр.
Служивший во все военное время при диване мугюрдарем или хранителем диванской печати, второй господарский граматик Антон Маврицкий	Чин капитана и землю. Он всегда оказывал преданность свою империи Всероссийской, выполняя все возложенныя на него препоручения с ревностию и усердием. Ныне он находится в Санкт-Петербурге.
Порутчик Николай Дияуров	Он находился всегда при Главных начальних в передовых корпусах приставом и имеет от них хорошие атестаты. Просит чин капитана и землю.
Порутчик Степан Белчин	Служил в Сороке при польской границе, употребляем будучи от г-на исправника, ныне статского советника Катаржи по разным комиссиям и другим делам, кои исправлял всегда с верностию и усердием. Просит чин капитана и землю. Он снабден к переходу за Днестр открытым листом.
Порутчик Дмитрий Чолак Христор Санджи	Сии оба служили войскам империи Всероссийской во все военное время, выполняя все возложенные на них препоручения от главных начальников с ревностию и усердием. Просят капитанских чинов и землю. Снабдены оба к переходу за Днестр открытыми листами.
Порутчик Николай Станилевич В Дубосарах	Употреблялся к выводу переселенцов за Днестр и другия дела. Просит чин капитана и землю. Снабден к переходу за Днестр открытым листом.

Прапорщик Андрей Крушеван	Чин поручика и землю. Служил при сороцком исправнике г-не статском советнике Катаржи, выполняя все возложенные на него препоручения с ревностью и усердием. Снабден к переходу за Днестр открытым листом.
Земской капитан Петр Окинка	И сей служил при г-не сороцком исправнике и статском советнике Катаржи, также выполняя все возложенные на него препоручения с ревностью и усердием. Был при том провожатым при войсках. Снабден и он к переходу за Днестр открытым листом.
Диванской переводчик и земской капитан Андрей Саббин	Служа чрез все военное время при переводах писем, был всегда усерден и исправлял должность свою весьма хорошим успехом и верностью. Просит чин капитана, землю и определения к месту.
Монастыря Арон Воды архимандрит Дометиан Капнист	Землю около Николаева или Дубосар. Сей с самого начала вступления в Молдавию российских войск при всяком случае оказывал усердие свое и отличные услуги, помогая всем тем, чем только мог, и снабжая, когда войски расположены были под его монастырем лагерями, всеми нужными припасами, не требуя на то никаких издержек, какого роду оныя ни были. Снабден к переходу за Днестр открытым листом.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1, 1792 г. Д. 83.
Л. 13–14 об.

№ 4

1792 г. — Список молдавских жителей, вступивших в русское подданство и желающих переселиться в Россию

Реестр вступившим в Российское ея императорского величества подданство

По открытым листам

- Портарь Григорий
Гиул-оглу Родился в Крыму или нынешней Тавриде. Был уже в Дубоссаре по билету господарскому и им признан нашим подданным, и ныне непременно желает к нам переселиться.
- Монастыря Арон воды
архимандрит Дометиан
Капнист Принят господином статским советником Лашкаревым, имеет от нас

крест, и много причинил мне хлопот, а господарь всегда его почитал нашим, но выпустит ли ныне, неизвестно, ибо он из греков, однако давно здесь пребывает.

3. Капитан Делуфесли
Константин Калафат

Поверенный господина действительного статского советника князя Кантакузина, признан в свое время и жительствоует в Чернауц, но господарь может и ему препятствовать будучи из греков.

4. Ованес Мигирдицин

Армянин, подвержен тому же, что и другие.

5. Молдавский житель
Матвей Тестабуза

Из греков и тому же подвержен.

6. Вел-питарь Афанасий
Ранго

Прямой молдаван.

7. Арнаутский вахмистр
Петр Ризо

Не думаю, что будут спорить, ибо находился в службе нашей.

8. Капитан Петрашкан
Атинкио

9. Молдавский мазил
Константин Бран

Над сим следствие не производилось, как то усмотрится из бумаг и есть прямой молдован.

10. Молдавский житель
Иван Вартик

11. Молдавский житель
Михайла Краев

12. Молдавский житель
Питарь Петракий

Из греков же и находится при господине Селунском.

13. Капитан молдавский
Гаврил Штука

14. Молдавский каминар
Иордакий Рамадан

Прямые молдоване и признаются без всякого прекословия.

Сверх сего по билетам есть весьма мало не из прямых молдован жителей, и ежели будет об них заступление, то спорить не

буду, да и не знаю выедут ли все до срока, ибо не вижу никакого начала, при том же они живут в деревнях и стараются окончивать свои дела.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1, 1792 г. Д. 84. Л. 80–80 об.

№ 5

1793 г. января 15. — Прощение молдаванина
Василе Чуре на имя консула И.И. Северина

Высокоблагородному и высокопочтенному господину
Генеральному консулу и кавалеру
Ивану Ивановичу Северину

от капитана Василе Чуре

Всенижайшее прошение

Так как я со всего усердия моего желаю вступить в российский подданство, то прибегая к покровительству вашего высокоблагородия, все-нижайше прошу, приняв и меня в щот прочих подданных, выдать паше-порт, коим бы можно мне в России расположиться, где жить пожелаю. Что ж касается до имения моего и долгов, то дабы не остался я в убытке, все-нижайше прошу быть мне милостивым медиатором, о чем и учинить милостивейшее удовлетворение. 1793 года генваря 15 дня.

О сем просит капнтан Василе Чуре.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1, 1793 г. Д. 108. Л. 15. Подлинник.

№ 6

1794 г. сентября 25. — Прощение, поданное молдавскому господарю
монастырскими чинами княжества

Количество пшеницы и просы, которое требуется от нас по господарскому приказанию, и чрез нарочно назначенных чиновников строжайше взыскивается, дабы оное непременно собрано было со всех монастырей в силу императорского повеления, никак невозможно собрать, почему и прибегаем к вашей светлости, все-нижайше прося, дабы такое приказание отменить, если можно, и чем вы сотворите большую милость к земле; ежели ж невозможно, то хотя количество уменьшить, ибо неизвестно вашей светлости в каких худых обстоятельствах земля и общество находится, а мы готовы заменить сие денежною суммою, но где мы можем хотя за деньгу искупить толикое количество. Сверх того, в прошедшее лето с дозволения вашей светлости откупили турецкие купцы боль-

шую часть имевшейся у нас пшеницы; вследствие чего и представляем вашей светлости, что никак не можем выполнить данного предписания и поручаем себя в милость вашей светлости.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1, 1794 г. Д. 141. Л. 164. Перевод современный подлиннику.

№ 7

1799 г. марта 1. — Обращение жителей Молдавии к митрополиту и боярам с жалобой на свое тяжелое положение

Преосвященнейший митрополит и вы господа почтенные бояры, отцы и предводители нас бедных.

Жалостное наше бедных жителей сей земли молдавской состояние, и последняя бедность, до коей мы достигли по причине немилосердия, оказанного над нами со времени определяемых господарей разными грабительствами, учиненными нам как господарями, так и греками их, определенными правителями, а ваше тоже соземцев наших презрение или ни во что вменение, коими вы и по ныне оказываетесь к нам бедным и слез достойным, подают нам повод и ныне письменно вам представить, да будете бдительны и усердны к наставлению на путь и добрый порядок сие плачевное наше состояние, яко отцы и богом определенные нам бедным защитители. Ибо недовольно было грабительств, учиненных нам господарями под видом подати, взимаемой с нас четверицею больше прежнего, но под видом налогов еще и больше ограблено нас, как-то денежным сбором, взимаемым ежегодно на починку крепостей, почтовыми деньгами, сбором коровьего масла с обывателей, и хлеба, ежедневной нашей и бедных детей наших пищи, в мере которого хлеба в Галацкой пристани приставы их вычитывали с нас недоимку с каждого десятка по три меры кошением сена под названием для господарской конюшни и почтовых станций, а оное оказалось после купеческим их промыслом, взиманием денег сверх надобности ради покупки овец в продовольствие войск, взиманием овса и ячменю тож под именем почтовых станций и господарской конюшни, и иными разными несчисленными и чрезвычайными податями, налагаемыми сверх царского повеления. Поелику ниже за единую из сих вещей никакой уплаты не получили, а сверх всего сего напоследок назначено нам теперь во время такой жесткой зимы, когда и скотины не осталось, ехать до соляной окны (заводов) принимать соль, то есть якобы в уплату нам за вышеучиненные нам обиды или за овес или ячмень, собранный с обывателей, наконец еще назначено нам с крайним принуждением возить из Галац остальный от учиненного нам грабительства хлеб и ячмень, да нам же и принимать оный, платя деньгами, то есть килу пшеницы по 22 лева, а килу ячменя по 7 левов. А сверх всех сих грабительств, кто может взирать с холодным духом на обиды (снедая нас яко хлеб со вкусом) претерпеваемые нами от правителей греков и ото прочих, потому что оказалось в сей бедной земле нашей и сие новое злоупотребление, то есть подобно как с аукциона продаются достоинства, и те саможесточайшие грабители, закупив оные, без

пощады грабят нас, и если кто из нас и поднесь о чем жалобу, то никакого уважения или удовольствия отнюдь не получил, как то мы оргейские, баковские и всех прочих уездов жители. А к сему и жесточайшая зима сия после всех грабительств последнюю скотину уморила, так что остались мы в таком состоянии, что только на милость всевышнего бога надеяться, словом сказать, точно так, как еврей в порабощении египетском, поелику ни же о душе попечения, ни же торжественных дней наблюдения, ни же до церкви по крайней мере в воскресные дни идти не можем, помолится всевидящему богу о утешении нас благодатию своею, ибо день и ночь работаем и не можем насытить жадность их ненасытную паче ада.

Итак, все сии обстоятельства довольно известны будучи вашему преосвященству и вам почтенным господам боярам, то представьте себе к какому отчаянию могут довести нас бедность и нужда, в коих находимся. Мы, имея бразду христианства, не желаем чинить дело, причиняемое возмущение, терпели до сих пор, вся кровь с нас высосана, достал нож до кости, до самого чувствительнейшего места. Наставьте нас на путь, ибо сильное и милостивейшее царство таковых грабителей укрощает, и довольной пример показало нам с бывшими в Валахской земле. Хотя тот мучитель только один вакарит собрал, а мы здесь в Молдавии всякий год гораздо больше вакарита и даже что месяца по вакариту даем, как уже выше означено. Ибо мы, живущие в соседстве с валахскими жителями, учинив следствие подати оной вакарита и учинив счет состоянию нашему, нашлись мы много и гораздо обремененнейшими, явите милость над нами бедными и осужденными, не сопрягайтесь с кровопийцами нашими, ибо имеете способ удобнейший паче прежних времен давних и представите милостивому нашему царству все сии грабительские поступки их, сделайте надлежащий способ к приведению нас в благосостояние, дабы отныне впредь не укоренилось зло равномерно и о множестве греков, приезжающих сюда с господарями, которые всеми мерами грабят и обижают нас, то же средство учините, ибо сие довольно известно, что они не для чего иного приезжают сюда с господарями как грабить нас и набивать мешки деньгами.

Поелику довольно мы известны, что милостивейшее наше царство о сем неизвестно и если б известно было, то б яко милостивое над бедностью нашею отнюдь к сему не допустило б торжествовать, почему б могли б и мы управится к исполнению царских повелений и подкрепить бедность нашу, ибо так последовали отцы ваши, а не искали только одной своей пользы. Есть ли ж паче чаяния не наставите нас на путь и на добрый порядок, то предел наш, к которому доведет нас отчаяние, заставит нас учинить вам достойное мщение (хотя вы единоплеменны с нами) всеми способами и примерами, к чему только отчаяние довести нас может в пример и прочим наследникам вашим. И не отрицайтесь в сем, якобы мы вас о сем не уведомляли, ибо сие уже третье уведомление, и мы остаемся вне всякого греха, а за все сии предь будущие обстоятельства будете сами в ответе пред страшным и нелицемерным судьбою, и буде вам известно, вашему преосвященству и вам господам боярам, что мы ничего иного не ожидаем, кроме желаем видеть прошение наше употреб-

лено в дело. Если и ныне останется в презрении и небрежении, то непременно воспоследует то, чего ожидать должно [от] отчаяния, ибо иного способа нам не осталось.

1799 года
марта 1-го дня.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1, 1799 г. Д. 260. Л. 27–28 об. Перевод современный подлиннику.*

* Подлинник на л. 30–31.

Молдавское Приднестровье в годы екатерининских русско-турецких войн

Политическая жизнь Приднестровья была тесно связана с ответственными государствами, в состав которых оно входило. Как и прежде, и в XVIII в. Приднестровье не имело возможности проводить самостоятельную политику, но степень его вовлеченности в политические дела оставалась довольно значительной, поскольку смены политических режимов, бесконечные вооруженные столкновения, а также результаты ряда международных трактатов не могли не оказывать прямого, а порой, и косвенного воздействия на судьбу приднестровцев. В начале XVIII в. наибольшее влияние на политическую жизнь оказывали Османская империя и Польское королевство. Определенную самостоятельную политическую линию пыталось проводить и вассальное от Турции Крымское ханство. Довольно заметной политической силой к началу XVIII в. были Запорожское казачье войско, а также связанные с ним казацкие полки, находившиеся на Правобережной Украине. Но чем дальше, тем больше наиболее могущественной политической силой в Днепровско-Днестровском междуречье становится Россия. Именно она решит многолетнюю, точнее многостолетнюю, борьбу различных политических сил в свою пользу.

После Карловицкого мира 1699 г. территория на запад от Днепра, вошедшая вновь в состав Польши и известная также как Правобережная Украина, делилась на четыре воеводства: Киевское, хотя Киев находился в составе России, Волынское, Подольское и Брацлавское. В свою очередь воеводства делились на поветы. Территория Северного Приднестровья вошла в состав Брацлавского воеводства. Оно являлось самым южным воеводством Польши, граничившим с Востока с Россией, с Юга — с Крымским ханством, а с Запада, по Днестру, с Молдавским княжеством, входившим тогда в систему Османской империи. Территория современного северного молдавского Приднестровья была составной частью Ольгопольского повета Брацлавского воеводства. Река Ягорлык вновь по решениям Карловицкого мира становится границей между польскими и османскими владениями, но этой границе суждено было существовать менее 100 лет.

К началу XVIII в. территория южного молдавского Приднестровья по-прежнему входила в состав Крымского ханства, отличаясь определенным своеобразием. Наиболее важным населенным пунктом в этих местах были Дубоссары, впервые упомянутые под этим названием в 1702 г.¹ Вообще в этом регионе, который назывался по-разному — Малые ногаи, Эдиссан, Очаковская орда, Этъ-Шань, Татарская Валахия², Ханская Украина и т.д., — не имелось городов в полном смысле этого слова. Дубоссары, однако, выделялись своим географическим положением на стыке границ Молдавии, Польши и Крымского ханства. Они являлись центром местной провинции, что выражалось и в том, что тут находился ханский представитель. К 1768 г. относится упоминание о дубоссарском каймаке, т.е. о предводителе, несколько позднее в источниках встречается сведение о дубоссарском чифтликке, т.е. о мусульманском владении³.

По Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., Крымское ханство было признано независимым от турецкого султана. Однако вплоть до присоединения Крыма к России в 1783 г. в Крыму шла острая борьба между сторонниками России и Турции. “Крымские замешательства” — так называли современники этот период, когда дипломатические демарши сменялись военными демонстрациями⁴. Все это не могло не сказаться на положении Приднестровья и вообще всей Очаковской области. За эти земли началась самая настоящая борьба между турецкими и татарскими властями. Порта предпочла, чтобы в этих условиях Очаковская земля была присоединена не к Крыму, а к Каушанскому ханству, некогда тоже подчинявшемуся Крыму, а со второй половины 70-х годов также больше зависевшему от турецких пашей, нежели от крымского хана. В одном из русских документов того времени со ссылкой на турецкий источник писалось, что послан фирман, в соответствии с которым было предписано учредить новую губернию, или пашалык, “с присоединением Каушан, Балты, Дубоссар и всех прочих, ханам крымским, даже до р. Буга, принадлежавших земель и селений, с выгнанием из тех мест ханских управителей”⁵.

По Айналы-Кавакской конвенции 1779 г., которая являлась дополнением к мирному договору 1774 г., русское правительство обязывалось признать присоединение к турецким владениям области между Бугом и Днестром и соответствующим образом воздействовать на крымские власти. Таким образом, эта область стала подчиняться Каушанам и даже иногда называться Бессарабией. Не подчинялись каушанскому хану только турецкие крепости, например Очаков. Дубоссарский чифтлик стал составной частью каушанского пашалыка. Любопытно, что в одном из турецких документов 1781 г. упоминается начальник “Домбассарский Бессараб-

ский", а в 1785 г. Дубоссарский каймакам обращается к "воеводе" каушанскому за разрешением пропустить спускавшуюся по Днестру многолюдную коммерческую флотилию помещика Дзедушицкого — явное свидетельство взаимоотношений Дубоссар и Каушан⁶. Такое положение продолжалось, однако, недолго и было прервано очередной русско-турецкой войной.

Различные административные перекройки шли в Приднестровье параллельно с довольно значительным перемещением населения, обусловленным продолжавшимися частыми войнами, набегами, народными восстаниями, эпидемиями, засухой и вызванными ею голодовками и рядом других причин, в числе которых были и довольно значительные гонения на религиозной почве.

События в северном молдавском Приднестровье были тесно связаны с процессами, характерными для всего польского государства, хотя и с определенными местными особенностями. Начало правления сына Августа II — Августа III ознаменовалось его борьбой за престол со Станиславом Лещинским. Дело в том, что после смерти Августа II сейм, решением его большинства, избрал на престол С. Лещинского, Августа же поддержала лишь часть шляхты. Поэтому потребовалась вооруженная поддержка России и войска под командованием Миниха были введены в Польшу и нанесли поражение сторонникам Лещинского. Вообще русские войска вводились на территорию Польши в период правления Августа III и в 30-е годы, и во время Семилетней войны, т.е. после 1756 г.

При Августе III процесс внутреннего упадка Польши еще больше усилился. Сам он был очень слабым политическим деятелем, к тому же мало занимавшимся государственными делами. Польские магнаты и шляхта при нем раскололись на два основных лагеря, один из которых, так называемый патриотический, возглавили Чарторыекие, другой — их противники Потоцкие. Поначалу более сильные позиции заняли Чарторыекие, но затем усилилась роль Потоцких. Но, сблизившись с руководством России, Чарторыекие вновь укрепляют свое влияние. Оно еще более усиливается после того, как в 1764 г. королем Польши становится их родственник, фаворит Екатерины II Станислав Август Понятовский, последний польский король, правивший до 1795 г.

С. Понятовский и его родственники Чарторыекие предприняли попытку усиления центральной власти путем проведения частичных реформ, например ограничения либерум вето, впервые примененного в 1652 г. Однако особого успеха Понятовскому добиться не удалось. Вскоре обостряются его отношения с Россией и Пруссией, предлогом для чего стал диссидентский вопрос. По Варшавскому договору, заключенному Россией и Польшей

24 февраля 1768 г., принимается решение о равноправии диссидентов, т.е. православных и протестантов, и католиков. При этом сохранялись основные законы Польши, гарантировались ее границы, восстанавливалась старая конституция. Сохранялась, таким образом, выборность короля, либерум вето, монопольные права магнатов и шляхты на управление страной и владение землями и поселенными на них крестьянами⁷.

Варшавский договор и последовавшее в соответствии с ним фактическое установление протектората России вызвали недовольство части магнатов и шляхты, которые собрались в Подолии, в г. Баре, и образовали там Барскую конфедерацию, представлявшую собой как политическое, так и военное объединение. Конфедераты предприняли также и ряд внешнеполитических акций. В частности, они наладили отношения с Турцией и татарами. Барон Тотт писал, что, когда он находился в Каушанах, к хану "явился посол от польской конфедерации для того, чтобы условиться относительно открытия кампании, которую Крым-Гирей рассчитывал начать набегом на Новую Сербию"⁸, т.е. на территорию России.

Конфедератов поддерживали не только Турция, но и Франция, и это еще больше воодушевило их на борьбу против короля Понятовского и поддерживавшей его России. Так получилось, что в движении конфедератов подольская шляхта играла лидирующую роль. В числе главных деятелей конфедератов были каменец-подольский католический епископ Адам Красинский, староста К. Пулавский и их родственники⁹. Противниками их являлись не только диссиденты, но и часть польских кругов, ориентировавшихся на Понятовского и Чарторыхских. Они вступили во взаимодействие с Россией, которая в марте 1767 г. послала войска в Правобережную Украину. После заключения Варшавского договора начался вывод русских войск, а Турция как раз планировала нанесение удара своих войск из района северной Бессарабии на Каменец-Подольск и оттуда по направлению к Днепру. При этом намечалось объединение турецко-татарских сил с отрядами польских конфедератов. Нужен был подходящий предлог, и он нашелся в июне 1768 г., когда один из отрядов гайдамаков под предводительством Василия Шило, преследуя конфедератов, углубился в пределы Очаковской области в районе Балты. 25 сентября 1768 г. Турция объявила войну России. Особенность этой очередной русско-турецкой войны заключалась среди прочего в том, что она прямо затрагивала как Южное, так и Северное молдавское Приднестровье.

Во время этой войны произошло последнее крупное выступление крымских татарских войск против как Левобережной, так и Правобережной Украины. Однако продвижение русских войск по-

будило хана отвести свои части на юг, в район Балты. Тем временем русская армия нанесла удары по отрядам конфедератов и почти полностью освободила от них регион от Днепра до Днестра. Собственно русская армия, дислоцированная на территории военных действий, состояла из двух армий. Первой армией численностью до 90 тыс. человек командовал генерал-аншеф А.М. Голицын, и перед ней была поставлена задача овладения Хотинем. Вторая армия под командованием генерал-аншефа П.А. Румянцева, в составе примерно 35 тыс. человек, должна была прикрывать южную границу от Дона до Днепра. Осада Хотина продолжалась с апреля по июль 1769 г., но поначалу была неудачной, и русские части в августе отводятся на левый берег Днестра. Население северного молдавского Приднестровья оказалось в зоне действий Первой армии, которая, все-таки, в сентябре вошла в Хотин. Тогда же ее возглавил Румянцев, а командующим Второй армии стал генерал-аншеф П.И. Панин. Именно Вторая армия прошла через Южное Приднестровье. Она вела бои под Очаковом — наиболее мощной крепостью противника на Черном море, а также базой его морского флота. Под Очаковом удалось перерезать сообщение между силами турецкой армии в районах Дуная и крымскими силами татар и турок.

Иррегулярные части русской армии уже в 1769 г. совершали рейды в междуречье Днестра и Южного Буга и подходили к Бендерам. Овладение Бендерской крепостью являлось основной задачей Второй русской армии на 1770 г. Крепость пала после двухмесячной осады и упорного штурма 16 сентября 1770 г. К этому времени все южное молдавское Приднестровье было освобождено от господства турецко-татарских властей. Первая же армия под предводительством Румянцева вышла из Хотина и с боями прошла значительные расстояния. Наиболее крупные победы в это время были одержаны при Ларге и Кагуле. Русские войска взяли Измаил, Аккерман и другие населенные пункты и крепости в Южной Бессарабии, а затем и за ее пределами. В составе русских армий действовали волонтеры из балканских стран, число которых к началу 1774 г. возросло до 12 тыс. человек. Среди них были молдаване, валахи, греки, сербы, болгары.

Столь длительная война, особенно первые ее этапы, не могла не сказаться на положении населения Приднестровья. Уже набег В. Шило привел к серьезным военным столкновениям. Спасаясь от него, конфедераты устремились в Дубоссары. На требование казаков каймакам Дубоссар отказался выдать поляков, и Дубоссары и окрестность подвергаются нападению, причем до такой степени, что, как отмечается в некоторых источниках, погибло примерно 1800 татар, молдаван и турок¹⁰. Летом 1769 г. именно под

Дубоссарами переправляется 40-тысячная армия Али-паши, с тем чтобы устремиться на Восток. Русское же командование посылает в район между Бугом и Днестром отряд полковника Лопухина и отряд генерал-майора Зорича. Лопухин разгромил под Дубоссарами отряд турецких фуражиров, а Зорич в августе 1769 г., как сообщают источники, буквально выжег “местечко Дубоссары со всеми окрестными селениями на пять верст в окружности”¹¹.

За территорию между Днестром и Бугом в это время идет ожесточенная борьба между русскими и татарскими войсками. В конце сентября 1769 г. татарской коннице удается захватить Балту и направиться в сторону Бендер для пополнения своих запасов за счет местного, прежде всего молдавского, населения. Несколько позднее, в октябре вдоль Днестра продвинулись части под командованием Х. Витгенштейна. Известно о их проникновении в местные молдавские деревни и то, что молдаване помогали в строительстве плотов между Дубоссарами и Ягорлыком для переправы русских частей на правый берег Днестра. В мае 1770 г. Дубоссары занимают отрядом полковника Фалькерзама, в который входили части егерей, гренадер, казаков, гусар и пикинеров. К переправе в районе Ягорлыка подошли через Бирзулу, Окны, Балту, Дубово основные части Второй армии под командованием Панина¹².

Особую политику проводили русское командование и русская дипломатия по отношению к местным татарам и ногайцам. Они всячески стремились использовать турецко-татарские противоречия и оторвать татар и ногайцев от Порты. Едиссанская орда, а также такие орды, как Буджакская, Джамбулакская и Едичкульская, заявили о своем отделении от Турции и желании стать вассалами России¹³.

В целом война 1768—1774 гг. и завершивший ее Кючук-Кайнарджийский мир не внесли каких-либо серьезных изменений в жизнь молдавского Приднестровья. Очаковская земля отделяется от Крымского ханства и непосредственно подчиняется каушанским ханам, вассалам Турции, а северное Приднестровье по-прежнему входит в состав польского государства, пока еще сохранявшегося после его первого раздела в 1772 г.

В Крыму идет острая борьба между сторонниками России и Турции. Вскоре после вывода русских войск из Крыма ханом становится противник России Давлет-Гирей. Он предпринимает попытки ревизии мира 1774 г. и все больше ведет линию на новую войну. Результатом стало введение русских войск в Крым и провозглашение ханом Шагин-Гирея, ориентировавшегося на Россию. В свою очередь, султан назначает ханом Селим-Гирея, своего ставленника. В Днестровско-Бугское междуречье вводятся турецкие

войска, а Селим-Гирей высаживается в Крыму, но терпит поражение от войск Шагин-Гирея. Айналы-Кавакская конвенция была компромиссом между Россией и Турцией. Кроме передачи крымских владений и Очаковской земли Турции, решения о выводе русских войск из Крыма, конвенция предусматривала согласие султана на назначение новых ханов и утвердила зависимость крымской церкви от турецкой¹⁴.

Шагин-Гирей тем временем предпринимает в Крыму серию реформ, цель которых заключалась в европеизации ханства. Но они вызвали недовольство духовенства, которое в союзе с Турцией сумело возбудить весьма значительную часть населения ханства и, пользуясь выводом русских войск, организовать в мае 1782 г. мятеж против Шагин-Гирея. Хан был свергнут, но затем при помощи русских войск вновь возвращается. 9 апреля 1783 г. Крым был объявлен присоединенным к России. В июле того же года Шагин-Гирей отрекается от престола и переезжает впоследствии в Воронеж. Крымское ханство перестало существовать.

5 августа 1787 г. Турция предъявила ультиматум России и потребовала, среди прочего, вернуть ей Крым. Не получив еще ответа, она 13 августа объявила войну России. Как и в предыдущей войне с Турцией, в Приднестровском регионе действовали две русские армии. Одной из них, Екатеринославской, командовал Г.А. Потёмкин, а Украинскую возглавил П.А. Румянцев. 6 декабря 1788 г. был взят Очаков и русские войска двинулись через Южное Приднестровье к Бендерам. Приднестровье почти обезлюдело, поскольку буджакские ногайцы еще в начале войны, в 1787 г. предприняли набег на Очаковскую землю, последний татарский набег в Южном Приднестровье.

Екатеринославская армия действовала в районах Южного Приднестровья, а Украинская — Северного. Несколько позднее обе армии были объединены в одну под названием Южная армия, под общим командованием Потёмкина. К концу 1789 г. вся территория Днестровско-Бугского междуречья была очищена от противника. 10 августа в Дубоссары прибыла главная квартира во главе с самим Потёмкиным. Из Дубоссар Потёмкин предпринимает поездку в Херсон и Очаков, а оттуда направляется в Кишинев. Все это время его главная квартира Южной армии продолжала оставаться в Дубоссарах.

Война затянулась до конца 1791 г., но в Приднестровье наступает определенное успокоение уже с начала 1790 г., после того как в ноябре 1789 г. пали Бендеры. Собственно с этого времени наступает самый продолжительный мирный период в истории Приднестровья, который длился почти 130 лет до 1918 г. Зимой 1789/90 г., после того как были взяты Бендеры, южнее

Ягорлыка создаются постоянные казачьи поселения по Днестру. По сведениям специалистов, которые занимались историей Черноморского казачьего войска, а именно такое название оно получило в 1790 г., между Бугом и Днестром разместились 25 селений черноморцев. В 1791 г. было зафиксировано 1759 черноморских казачьих семей, в которых насчитывалось 5068 мужчин и 4414 женщин¹⁵. Административный центр Черноморского казачьего войска находился тогда в с. Слободзея.

Эти казаки активно участвовали в боях за Килию, Исакчу, Тульчу — придунайские крепости. Значительную роль они сыграли в осаде и штурме Измаила. Там особенно проявила себя гребная флотилия под командованием А. Головатого. 11 декабря 1790 г. Измаил пал, но за его взятие поплатились своими жизнями 160 черноморцев, а 345 были ранены. Затем они участвовали в боях за Галац, Бабадаг, Мачин¹⁶.

По Ясскому миру 29 декабря 1791 г., южное молдавское Приднестровье вошло в состав России. Несколько иной была последующая политическая история северной части Приднестровья. В то время когда Россия вела войну с Турцией и Швецией, в Польше была предпринята серия реформ, направленных на то, чтобы укрепить польское государство и сделать его более дееспособным. Создается так называемая патриотическая партия, первоначально сложившаяся на Четырехлетнем сейме 1788—1792 гг. и идеологами которой были Г. Коллонтай и С. Сташиц. Апогеем реформ стало принятие Конституции 3 мая 1791 г.

Противники этой конституции образовали Тарговицкую конфедерацию 1792 г., по призыву которой в Польшу вошли войска России и Пруссии. Подобная же конфедерация образовалась и в Литве и называлась Литовской конфедерацией. В Литве с апреля 1792 г. находились русские войска под командованием генерала М.Н. Кречетникова. 8 декабря 1792 г. Екатерина II подписала секретный рескрипт на имя генерала Кречетникова, начинавшийся следующими словами: "Нет нужды упоминать здесь о причинах, понудивших нас присоединить к империи нашей от республики Польской земли, издревле России принадлежавшие, грады, русскими князьями созданные, и народы общего с россиянами происхождения и нам единоверные..."¹⁷ И далее в рескрипте подробно расписывались последующие действия русских войск и русской администрации в Польше, в том числе в Подолии и Брацлавщине.

После этого польские магнаты К. Браницкий, С. Жевуский, Ш. Потоцкий и их сторонники обнародовали в Тарговице, что располагалась на юге Украины, 14 мая 1792 г. акт конфедерации, выработанный прежде всего в Петербурге под наблюдением Екатерины II. Польские войска предприняли попытку остановить про-

движение русской армии, но потерпели поражение. С.А. Понятовский заявил о капитуляции и присоединении к Тарговицкой конфедерации, что привело к прекращению военных действий. 27 марта 1793 г. последовал Манифест Екатерины II о включении в состав России соответствующих территорий по правому берегу Днепра до Днестра. В их числе было и молдавское северное Приднестровье, ставшее составной частью России в результате второго раздела Польши. Этот раздел был определен Петербургской конвенцией России и Польши 12(23) января 1793 г. Собранный в Гродно польский сейм был вынужден утвердить этот раздел. И на этот акт, среди прочего, оказали влияние результаты двух екатерининских русско-турецких войн.

- ¹ Кочергин В.А. Наброски по истории города Дубоссар и прилежащего Поднестровья (Херсонской губернии). 1648—1870. Одесса, 1911. С. 11.
- ² Кочубинский А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Одесса, 1899. С. 210.
- ³ Кочергин В.А. Указ. соч. С. V.
- ⁴ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959. С. 4—5.
- ⁵ Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. СПб., 1885. Т. I. С. 773.
- ⁶ Гавриил. Историко-хронологическое описание церквей епархии Херсонской и Таврической. Одесса, 1848. С. 9; Кочергин В.А. Указ. соч. С. VI.
- ⁷ См.: Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой // Собр. соч. СПб., 1905. Кн. 7, т. 17—18.
- ⁸ Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году // Киевские университетские известия. Киев, 1873. № 10. С. 19.
- ⁹ Батюшков П.Н. Подолія: Историческое описание. СПб., 1891. С. 140.
- ¹⁰ Мордовцев Д. Гайдамачина. СПб., 1870. С. 358, 365, 413, 447.
- ¹¹ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1769—1774. СПб., 1866. Т. I. С. 309.
- ¹² Там же. С. 129.
- ¹³ Там же. Т. II. С. 167; Т. III. С. 174.
- ¹⁴ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. Приложение. С. 4.
- ¹⁵ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. III. С. 434; Короленко. Черноморцы. СПб., 1874. С. 13.
- ¹⁶ Бугай Н.Ф., Гросул В.Я. Очерки истории Тамани. М., 1996. С. 9—10.
- ¹⁷ Материалы для истории Подольской губернии // Подольские губернские ведомости. 1885. № 5. С. 6.

Содержание

Введение	3
<i>В.Н. Виноградов.</i> Трудная судьба Екатерины II в историографии	6
<i>О.В. Хаванова.</i> Просвещенные монархи Екатерина II и Иосиф II: опыт сопоставления	24
<i>И.С. Достян.</i> Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года в политике России на Балканах.....	40
<i>В.Н. Виноградов.</i> Мечтания и действительность: о греческих проектах Екатерины II и Александра I.....	57
<i>О.И. Елисеева.</i> “Балканская тема” во внешнеполитических проектах Г.А. Потёмкина	63
<i>Г.Л. Арш.</i> Некоторые соображения по поводу “Греческого проекта”.....	68
<i>Л.В. Зеленина, В.И. Шеремет.</i> Очаковский кризис: к вопросу о стимуляции напряженности внешних параметров конфликта.....	81
<i>И.М. Благодатских.</i> Суворовский план 1793 года наступательной войны с Турцией.....	94
<i>И.И. Лещиловская.</i> Екатерина II в сознании сербов-современников.....	103
<i>И.И. Лещиловская.</i> Семен Зорич.....	129
<i>Л.Е. Семенова.</i> Молдавия и Валахия в балканской политике Екатерины II (экономические аспекты)	137
<i>В.Я. Гросул.</i> Молдавское Приднестровье в годы екатерининских русско-турецких войн	156

Научное издание

**Век Екатерины II:
Россия и Балканы**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Заведующая редакцией "Наука — история"
Н.А. Петрова

Редактор *Н.Ф. Лейн*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректор *Е.А. Сысоева*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 14.09.98

Формат 60 × 90 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Академическая. Печать офсетная

Усл.печ.л. 11,0. Усл.кр.-отг. 11,5. Уч.-изд.л. 10,9

Тираж 570 экз. Тип. зак. 977

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука"

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”

вышла в свет книга:

Н.М. Карамзин

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

в 12-ти томах. Т. VI

30 л.

Том посвящен периоду создания Русского единого государства и правлению Государя всея Руси Ивана III (1462–1505). В эту эпоху Русское государство добилось суверенности, освободилось от татаро-монгольской зависимости. Составителями тома была проведена текстологическая работа, комментирование источников и литературы, которыми пользовался Н.М. Карамзин.

Для историков и широкого круга читателей.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”

готовятся к печати книги:

Шмидт С.О.

РОССИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО.

31 л.

Книга председателя Археографической комиссии РАН академика Российской академии образования С.О. Шмидта взаимосвязана содержанием с ранее вышедшими его монографиями “Становление российского самодержавства” (название второго дополненного издания “У истоков российского абсолютизма”) и “Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного”. Это — собрание статей 1950—1990-х годов. В разделе “Социально-политическая история. Государственный строй” — статьи о венчании на царство и наименовании “Московское государство”, о дьячестве и приказном делопроизводстве, Адашеве и митрополите Макарии, реформах 1550-х годов, опричнине и внешней политике, аграрной истории и городе. В разделе “Культура. Публицистика” помещены статьи о сочинениях Ивана Грозного, Курбского и других памятниках общественной мысли, о Лицевом летописном своде, библиотеке Ивана Грозного, посольских книгах. Много внимания уделено проблемам современной историографии.

Для историков, филологов, архивистов, преподавателей и студентов.

ОДИССЕЙ: ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ. 1998.

30 л.

Главная тема юбилейного выпуска “Одиссея” — “Личность и общество”. Она раскрывается на материале античной истории, истории средних веков и истории России XIX в. Увлекателен рассказ о драматической судьбе русского солдата Лазарева, послужившего Л.Н. Толстому прототипом одного из героев романа “Война и мир”. Тема одной из статей — “Достоевский и национальный вопрос”. Что такое периодизация истории — феномен общественного исторического сознания или же результат произвольных действий историков? Этот вопрос нашел отражение в разделе “Круглый стол”. Пути и перспективы развития гуманитарных наук в XXI в., трудные судьбы советских историков — таковы темы других статей. В книге помещен указатель статей, опубликованных в “Одиссее” за 10 лет его существования.

Для историков-специалистов, широких кругов гуманитарной интеллигенции, студентов.

ВОЙНА И ПОЛИТИКА. 1939—1941.

39 л.

Хронологические рамки коллективного научного труда отечественных и зарубежных специалистов — начальный период второй мировой войны (от захвата Германией Польши в сентябре 1939 г. до вероломного нападения гитлеровцев на СССР 22 июня 1941 г.). На основе широкого круга источников из архивов Российской Федерации, Германии, Великобритании, Франции и других стран, а также последних документальных публикаций авторы, проведя углубленное исследование, предлагают новые и оригинальные трактовки, казалось бы, известных событий и выводов, в частности относительно причин и последствий поворота сталинского руководства в 1939 г. к преимущественным связям с тоталитарным нацистским режимом. Большое внимание уделено военным, дипломатическим и экономическим аспектам советско-германских отношений в тот период, показу научной несостоятельности отстаиваемого В. Суворовым (В. Резуном) и его сторонниками мифа о “превентивном” планировании советской агрессии против Германии.

Для историков и широкого круга читателей.

Черевко К.Е.

**ЗАРОЖДЕНИЕ
РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(XVII–XIX вв.).**

20 л.

В монографии исследуется история взаимного ознакомления русских и японцев. Начиная с самых ранних контактов уточняются данные по истории русско-японских отношений с XVII в., дается свободная от политических пристрастий международно-правовая трактовка истории сближения России и Японии, размежевания их территорий, говорится о добрососедском характере двусторонних отношений, установленных в середине XIX в.

Для историков, востоковедов.

БЕЛОРУСЫ.

46 л.

Книга продолжает начатый Институтом этнологии и антропологии РАН выпуск серии “Народы и культуры” и посвящена белорусам. В ней содержатся сведения о современном расселении и численности белорусов в различных странах мира, об этнодемографических процессах и иноэтнических группах в Беларуси. Основное внимание уделено проблемам возникновения и эволюции белорусов, традиционным формам материальной и духовной культуры народа. Освещены этнические процессы, формирование и история белорусского языка, представлены материалы, отражающие современные этнокультурные процессы.

Для историков, этнологов и широкого круга читателей.

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ.
Вып. 7.
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
XV–XVII вв.

12 л.

Сборник является важным шагом в ликвидации белых пятен в истории межрелигиозных конфликтов в регионе. В настоящее время актуальность данной тематики многократно возросла в силу ее влияния на межконфессиональные и религиозные конфликты в России и других государствах бывшего СССР. В центре внимания авторов — разные типы взаимоотношений между христианскими конфессиями в ареале.

Особую ценность представляют публикуемые в сборнике архивные источники, касающиеся различных аспектов этих отношений.

Для читателей, интересующихся историческими корнями современного противостояния христианских церквей.

**АРХЕОЛОГИЯ:
СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.
СРЕДНЯЯ АЗИЯ
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.**

50 л.

Том посвящен оседлоземледельческому населению Средней Азии в эпоху раннего средневековья (IV — начало IX в.). В основу работы положены материалы, полученные при многолетних раскопках раннесредневековых памятников. Комплексный анализ археологических источников в совокупности со сведениями древних авторов позволил авторам тома реконструировать материальную и духовную культуру населения, дать представление о хозяйстве, общественном строе, проследить направление культурных связей.

Профессиональный анализ предметов материальной культуры создает надежную базу для дальнейшего изучения культуры Востока. Текст иллюстрируется многочисленными таблицами, выполненными на высоком профессиональном уровне.

Для археологов, этнографов.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга—почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, проспект Мира, 84
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117383 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 5086
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пущино Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой")
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

По вопросам приобретения книг

просим обращаться также

в издательство по адресу:

117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90;

тел. (095) 334-98-59

Век Екатерины II

Россия и Балканы

Сборник посвящен недостаточно
изученным проблемам внешней
политики России на Балканах
в период правления Екатерины II,
состоянию русской государственной
мысли по балканскому вопросу
и связям России с народами
и землями Юго-Восточной Европы
во второй половине XVIII в.

«НАУКА»